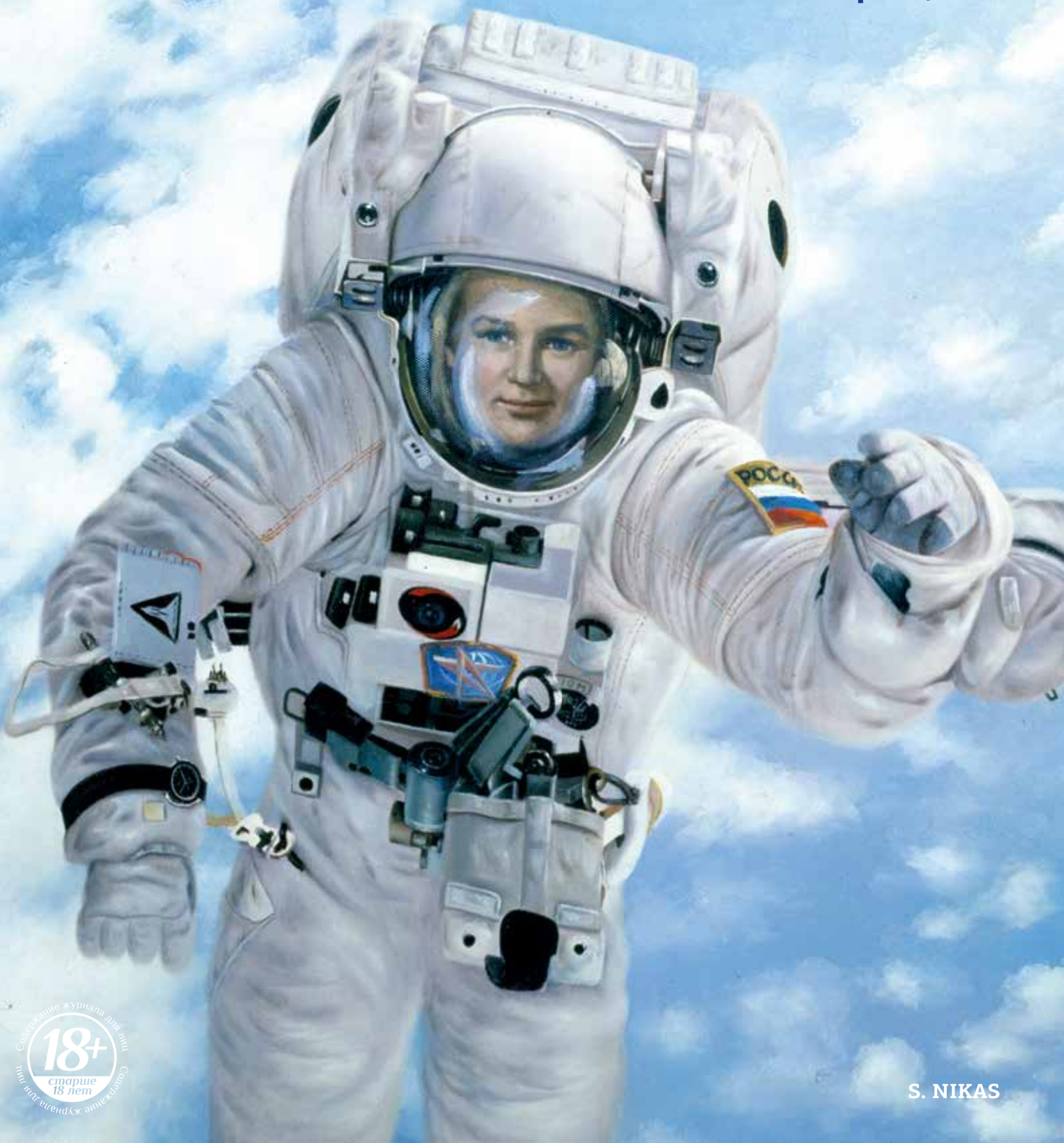

АЛЕКСАНДРЪ

ISSN 2542-0135

литературно-исторический журнал № 4 (115)
апрель, 2026

Содержание журнала для лиц
18+
старше
18 лет
Содержание Журнала для лиц

S. NIKAS

СЛОВО РЕДАКТОРА

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Апрельский номер литературно-исторического журнала «Александръ» традиционно объединяет две основные темы для творчества – православие и космонавтику. Уникальность состоит в том, что Пасха в 2026 году приходится на 12 апреля. По этой причине редакция «Александра» приложила все усилия для привлечения большего числа людей к этому знаменательному событию. С этой целью, помимо регулярной первоочередной публикации в журнале литературных произведений православной и космической тематики, запланирован выпуск двух книг – «пособий для начинающих космонавтов», подготовленных совместно с космонавтом-испытателем Героем России Олегом Артемьевым.

Первая, с шуточным названием «Что делать, если встретишь инопланетянина?», состоит из 65 вопросов и ответов Олега Артемьева, посвящена 65-летию полёта первого человека в космос, выйдет в свет ко Дню космонавтики.

Вторая, «1001 вопрос космонавта», разрабатывается с задачей максимального охвата вопросов людей, в первую очередь молодого поколения, связанных с освоением космоса. Ну а цель у этой работы «Александра» одна – популяризация профессий, связанных с космосом, на благо России.

С праздником, дорогие друзья!

Христос воскрес!

Анатолий ТРУБА,
главный редактор-директор

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

В 2026 году мы можем наблюдать уникальное событие – совпадение Светлого праздника Воскресения Господня, Дня космонавтики и 65-летия первого полёта человека в космос.

12 апреля православные верующие отмечают самый важный церковный праздник – Светлую Пасху. Торжество посвящено дню, когда Господь наш Иисус Христос воскрес из мертвых, победив смерть и даровав человечеству надежду на вечную жизнь. С этим событием связано главное утверждение веры, слова, которыми принято поздравлять друг друга в этот светлый день: «Христос воскрес!» – «Воистину воскрес!»

Это праздник светлой радости, победы жизни над смертью и торжества любви. В этот день принято посещать праздничную литургию, освящать куличи, яйца и другую пасхальную снедь, делиться благословением и поздравлениями с близкими и друзьями.

С этим великим днём поздравляем и вас, дорогие читатели! Пусть воскресший Христос привнесёт в вашу жизнь радость, мир, долготерпение и благодушие. Пусть ваша жизнь будет наполнена добрыми делами, тёплыми молитвами и горячей любовью. Божиего благословения вам и вашим близким!

Христос Воскресе!

***Настоятель храма
Преображения Господня
иеромонах Пафнутий (Фокин),
Звёздный городок***

Литературно-исторический журнал «Александръ» включён в список изданий, выходящих при содействии Союза писателей России.

Главный редактор – Анатолий Сергеевич ТРУБА,

секретарь Союза писателей России, доктор экономических наук, профессор.

Шеф-редактор – А. Н. СЁМИН (Екатеринбург), член Союза писателей России, академик РАН, заслуженный деятель науки РФ.

Редколлегия:

В. С. АРШАНСКИЙ (Мичуринск), почётный гражданин Тамбовской области, член СПР, заслуженный работник культуры РФ;

Н. Ф. ИВАНОВ (Москва), ответственный секретарь Союза писателей России;

Г. В. ИВАНОВ (Москва), секретарь Союза писателей России;

Н. А. МАКАРОВ (Тула), член Союза писателей России, майор медицинской службы в отставке;

И. И. ВОЛКОВ (Мичуринск), председатель правления Мичуринского отделения Российского союза ветеранов Афганистана;

Т. Н. ВОРОНИНА (Екатеринбург), народная артистка России, артистка Свердловской государственной филармонии, создатель и руководитель «Театра Слова», член Союза писателей России;

В. И. ГАЗЕТОВ (Москва), член Союза журналистов России, декан факультета рекламы и связей с общественностью Института экономики и культуры, кандидат исторических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования РФ;

В. Т. ДОРОЖКИНА (Тамбов), член Союза писателей России, почётный гражданин города Тамбова, заслуженный работник культуры РФ;

В. А. КАЗМИН (Луганск), председатель Луганской писательской организации им. В. И. Даля Союза писателей России;

Л. В. КОЛПАКОВ (Москва), секретарь Союза журналистов России, первый заместитель главного редактора «Литературной газеты», шеф-редактор отдела «Искусство»;

В. Г. КОРЗУН (Москва), лётчик-космонавт, Герой России, генерал-майор;

С. И. КОТЬКАЛО (Москва), сопредседатель Союза писателей России, главный редактор интернет-обозрения «Русское Воскресение», журнала «Новая книга России»;

И. М. КУЛИКОВ (Москва), доктор экономических наук, академик РАН, директор ВСТИСП;

Р. С. ЛЕОНОВ (Мичуринск), член Союза журналистов России, председатель информационно-издательского отдела Мичуринской епархии;

Ю. М. ПОЛЯКОВ (Москва), член правления Союза писателей России, председатель редакционного совета «Литературной газеты», писатель, публицист, общественный деятель;

Г. Н. ПОПОВА (Мичуринск), член Гильдии театральных менеджеров России, директор Мичуринского драматического театра, заслуженный работник культуры РФ;

Никас САФРОНОВ (Москва), народный художник РФ, академик Российской академии художеств, профессор, член Союза писателей России;

С. А. ТРАХИМЁНОК (Минск), доктор юридических наук, профессор, член Союза писателей России, член Союза писателей Беларуси;

А. Н. ЧУМИКОВ (Москва), генеральный директор агентства «Международный пресс-клуб», гл. н. с. ФНИСЦ РАН, доктор политических наук, профессор.

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Авторы присылаемых материалов обязаны сообщить редакции: домашний адрес с почтовым индексом; день, месяц, год своего рождения; паспортные данные (серия, номер, кем и когда выдан). Редакция убедительно просит авторов присылать электронную версию своих произведений с обязательной распечаткой текста. Рукописи без распечатки не принимаются. Параметры набора: 14-й кегль через 1,5 интервала, отчётливо читаемый.

ЖУРНАЛ «Александръ» № 4 (115), апрель 2026 г.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-66728 от 8 августа 2016 г.

Учредитель и издатель, директор, главный редактор – А. С. Труба.

Дизайн, вёрстка – Елена Ермохина (Путятина).

Дата выхода – 01.04.2026 г.

Тираж 1000 экз.

Безгонорарное издание.

Адрес редакции, адрес издателя: 119146, Москва, Комсомольский проспект, 13, Союз писателей России.

Телефон: 8-915-879-14-14 – директор, главный редактор.

На обложке: Никас Сафронов. Первая женщина в космосе. Х., м. 51 x 41 см. 2009 г.

Электронная почта: truby.anatoly@yandex.ru

Адрес сайта: www.alexlib.ru

Информация предназначена для лиц старше 12 лет.

Бумага мелованная. Гарнитура PF Agora Slab Pro.

Формат 60x90 1/8. Усл. печ. л. 12.

Изготовлено в полном соответствии с предоставленным макетом в типографии «СТРОКИ», г. Воронеж

Тел. 8 (980) 542-01-78, <https://stroki.ru/>

ISSN 2542-0135

В журнале использованы рисунки и фотографии, находящиеся в интернете в свободном доступе.

В НОМЕРЕ:

ГОСТЬ НОМЕРА

- 6 Иеромонах Пафнутий (Фокин).
Троице-Сергиева лавра в первые
послевоенные годы

ПАСХАЛИЯ

- 12 Виктор Алимин.
Последняя Пасха Иисуса в Иерусалиме
- 18 Анна Пролазова
- 20 Кристина Денисенко
- 23 Алексей Анастасьев
- 24 Юлия Гордеева
- 26 Анна Паршина

ОГНЕННЫЕ ГОДЫ

- 27 Отец Василий (Крючков).
Проклятая война

ПОДВИЖНИКИ

- 29 Андрей Объедков.
Волонтёр в женском монастыре

ПОЭТИЧЕСКИЙ БЛОКНОТ

- 36 Константин Белый
- 42 Дмитрий Дверий
- 44 Ольга Олейник

БЕРЕГА ТАВРИДЫ

- 46 Олег Азарьев.
Царский подарок

ПАЛОМНИЧЕСТВО

- 49 Юрий Александров.
Дорога в святую обитель

ПАМЯТЬ

- 57 Станислав Гагарин.
Мы – русские

КЛАССИКИ

- 65 Владимир Урецкий.
Казань в судьбе и творчестве
Сергея Аксакова

СВЕТЛЫЙ ПРАЗДНИК

- 72 Николай Чербаев.
Христос воскрес!
- 73 Божья помощь
- 75 Анна Каменская (Бегельдинова)

ИМЕНА РОССИИ

- 78 Сергей Белов-Вичужанин.
Вице-адмирал В. М. Головнин

РОДОМ ИЗ ДЕТСТВА

- 85 Олег Роменко.
Божье наказание

ЮБИЛЕЙ

- 91 Валерий Аршанский.
Соната сенатору

ДЕНЬ КОСМОНАВТИКИ

- 94 Книга начинающего космонавта

Вкладка – работы художника
Никаса Сафронова

ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВА ЛАВРА

В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

80 лет назад в Троице-Сергиевой лавре возобновилась монашеская и богослужebная жизнь: 21 апреля 1946 года состоялась памятная пасхальная заутреня, ознаменовавшая начало возрождения обители после четвертьвекового забвения. Как обитель преподобного Сергия пережила годы разрухи и запустения, а затем и трудное время Великой Отечественной войны? Как сложились судьбы лаврской братии? Ответы на эти вопросы читатель найдет в книге «Троице-Сергиева Лавра и Великая Отечественная война».

Иеромонах ПАФНУТИЙ (ФОКИН)

Во время Великой Отечественной войны немцы стремились воспользоваться религиозным фактором в пропагандистских целях и на оккупированных территориях храмы стали открывать сначала сотнями, а потом тысячами¹.

В этой ситуации советские власти тоже стали открывать храмы, хотя и в гораздо меньшем количестве. Антирелигиозная пропаганда в СССР на время притихла.

В 1941 году была закрыта известная газета «Безбожник», а в 1944 году перестал выходить и журнал «Под знаменем марксизма», на страницах которого публиковали атеистические материалы, тексты антирелигиозного характера. Конечно же, не могло ещё и речи идти о восстановлении отношений Церкви с государством, но с началом войны Церковь в лице своих иерархов, духовенства и прихожан развернула очень активную патриотическую работу: проводила сбор средств для армии, на нужды сирот и детей воюющих бойцов и командиров. Сталин откликнулся на просьбу митрополита Сергия об открытии счёта для сбора пожертвований Церкви. Телеграмму с этой просьбой владыка направил Сталину 5 января 1943 года. Потом в советской прессе была напечатана ответная телеграмма Сталина с просьбой передать привет и благодарность Красной армии духовен-

¹ В целом политика фашистской Германии на оккупированной территории определялась директивой от 5 февраля 1943 г., которая предписывала «религиозной деятельности населения не содействовать и не препятствовать». При этом строго запрещалось восстановление епархиальной структуры. «Нашим интересам соответствовало бы такое положение, при котором каждая деревня имела бы собственную секту, где развивались бы свои особые представления о Боге, – указывал Гитлер. – Даже если в этом случае в отдельных деревнях возникнут шаманские культы, <...> то мы могли бы это только приветствовать, ибо это лишь увеличило бы количество факторов, дробящих русское пространство на мелкие единицы». В дневнике Геббельса (4 марта 1944 г.) зафиксированы слова Гитлера о том, что Сталин «решил... и поповский вопрос». Он может себе позволить «снова демонстрировать уважение к Церкви, которая теперь всегда к его услугам. Митрополиты едят у него с рук, потому что боятся его и хорошо знают, что, если выступят против него, получат пулю в затылок. <...> Нам в этой области ещё кое-что нужно доделать. Только война для этого неподходящее время. После войны мы займёмся как офицерами, так и попами...» См. об этом: М. В. Шкаровский.

ству Русской православной церкви. Счёт был открыт, и таким образом впервые с 1918 года за Церковью как централизованной структурой были признаны хотя и ограниченные, но всё же права юридического лица.

Переход от тотального уничтожения Церкви к политике использования её для мобилизации сил и средств в борьбе с внешним врагом ознаменовался широко известной встречей трёх митрополитов с И. В. Сталиным. 4 сентября 1943 года Сталин пригласил в Кремль митрополитов Сергия (Страгородского), Алексия (Симанского) и Николая (Ярушевича) для обсуждения нужд Церкви и перспектив её жизни. Через несколько дней в Москву доставили 19 выживших в лагерях и ссылках архиереев для проведения Архиерейского собора Русской православной церкви, который избрал патриархом митрополита Сергия (Страгородского). Церковь, как сообщалось в прессе, получила «всестороннюю поддержку Правительства во всех вопросах, связанных с её организационным укреплением и развитием внутри СССР».

Московская патриархия, пережившая «большой террор», с надеждой восприняла эти перемены. Патриарх Сергий, рассчитывая на смягчение условий существования Церкви, согласился на участие во внешне- и внутриполитических мероприятиях советской власти. Одним из таких новых «условий существования» было открытие Троице-Сергиевой лавры как монастыря, и решением Совета министров в апреле 1946 года лавру разрешили открыть¹. С этого времени разрешалось проводить богослужения в Успенском соборе. 16 апреля несколько рабочих Загорского оптико-механического завода установили над центральной главой Успенского собора крест вместо прежнего, сошедшего бурей ещё в феврале 1923 года.

Святые мощи преподобного Сергия ко времени открытия лавры уже были на своём месте в Троицком соборе. На своё историческое

место их возвратили за год до открытия лавры, в январе 1945 года². Это произошло накануне Поместного собора, проходившего в Москве с 31 января по 4 февраля. Санкция властей была дана ввиду ожидавшегося прибытия на Собор иностранных делегаций, которые могли посетить и закрытую лавру.

Тогда местоблюститель патриаршего престола митрополит Алексий (Симанский) поручил схиархимандриту Илариону (Удодову) «облачить в схимническое одеяние мощи преподобного Сергия, которые поставили на своё место в Троицком соборе». Вероятно, митрополит Алексий знал о том, что глава преподобного была сокрыта и хранилась у отца Илариона в храме Владимирской иконы Божией Матери в селе Виноградово. Поэтому в январе 1945 года он послал отца Илариона в ещё закрытую лавру облачить святыне мощи и, как только откроется монастырь, быть готовым возвратить честную главу преподобного³.

* * *

Открытие лавры в 1946 году описано непосредственным участником этого события протодиаконом Сергием Боскиным⁴. «Великая Пятница 19 апреля. <...> О. Гурий⁵ открыл Царские врата, совершил Малое освящение престола, и по окроплении собора святой водой началась вечерня. Пришёл старец схиархимандрит Иларион (Удодов), вдвоём с о. Гурием они выносили и Плащаницу. В шесть часов вечера началась утренняя по чину Великой Субботы, с обнесением Плащаницы вокруг собора. <...> В семь часов

² Официальная передача мощей преподобного Сергия лавре состоялась накануне Пасхи 1946 г. 20 апреля первый наместник возрождаемой обители архимандрит Гурий (Егоров) принял святыне мощи в серебряной раке XVI в. от директора Загорского музея-заповедника В. К. Ряховского. Подробнее см.: Андроник (Трубачев), игум. Закрытие Троице-Сергиевой Лавры... С. 297.

³ Андроник (Трубачев), игум. Закрытие Троице-Сергиевой лавры... С. 225.

⁴ Протодиакон Сергей Боскин (27.06.1907–19.01.1992) – с 1968 г. служил в Ильинской церкви Сергиева Посада. В 1980-е гг. собирал материалы и записывал воспоминания о Троице-Сергиевой лавре и её скитах, о жизни Сергиева Посада в послереволюционные годы. В последние годы жизни (с 1990 по 1992) служил в Гефсиманском скиту.

⁵ Архимандрит Гурий (Егоров) – первый наместник Троице-Сергиевой лавры после её открытия.

¹ К тому времени патриарх Сергий уже почил (15 мая 1944 г.). Согласно его завещанию, составленному ещё в октябре 1941 г., местоблюстителем патриаршего престола стал митрополит Алексий (Симанский), которого 2 февраля 1945 г. на Поместном соборе Русской православной церкви избрали Патриархом Московским и всея Руси.

вечера из Троицкого собора в Успенский собор в закрытой серебряной раке принесли святые мощи преподобного Сергия. Раку поставили на деревянный помост у правой стены Успенского собора. <...>

Вечер Великой Субботы. 21 апреля. Находящиеся в алтаре сосредоточенно молились. Незабываемые минуты ожидания. И вот донеслось: первый удар, второй, третий, и родной, с детства знакомый звон – звон с лаврской колокольни. Торжественно несутся звуки древнего колокола в тиши ночи ранней весны. Город не спал, все слушали. В переполненном соборе все как бы затаили дыхание.

Крестный ход на Пасху 1946 года

<...> После 26-летнего онемения в обители преподобного Сергия в Пасхальную ночь зазвонили колокола, сразу, неожиданно. Народ, в лавре заполнивший площадь, стоял с зажжёнными свечами. Крестный ход свободно обошёл собор и вышел на паперть. Началась утренняя и первое «Христос Воскресе»¹. Примечательно, что звонарем был Константин Иванович Родионов, который в 1920 году вёл прощальный звон при закрытии монастыря.

«Да будет сия Пасха поистине Пасхой избавления от скорби и непрестающей радостью для всех притекающих к раке многоцелебных

мощей преподобного Сергия», – писал в своём письме наместнику лавры патриарх Алексий I.

Первое патриаршее богослужение в Троице-Сергиевой лавре состоялось на праздник Святой Троицы. В Успенском соборе на правом клиросе была устроена временная сень для раки со святыми мощами преподобного Сергия. Перед малой вечерней Святейший Патриарх сам открыл крышку раки. Для совершения ранних литургий и чина исповеди для паломников отец наместник по благословию Святейшего освятил в крипте под Успенским собором храм во имя Всех святых, в земле Российской просиявших. Таким образом, своим служением на праздник Пятидесятницы патриарх Алексий I завершил открытие лавры.

* * *

Во второй половине 1940-х и в начале 1950-х годов на территории лавры стали постепенно возобновлять реставрационные работы, а здания и сооружения архитектурного ансамбля поэтапно передавать обители.

15 августа 1945 года Святейший написал в Совет по делам РПЦ: «В целях укрепления положения Русской Православной Церкви, как в отношении духовном, так и внешнем, материальном, представляется желательным возвращение в её ведение Троице-Сергиевской Лавры. Церковная жизнь России с давних времен была тесно связана с Лаврой преподобного Сергия. Лавра была духовным центром Русской Православной Церкви...»². Патриарх отмечал, что обитель важна не только для Церкви, но и для всей России: «Лавра явилась памятником не только духовным, но и гражданско-патриотическим. Более того, Лавра известна не только в России, но и везде за границей, и иностранцы хотят её посещать». Как писал Святейший, в то время комплекс зданий обители находился в крайне запущенном состоянии, однако возможна была его реставрация силами Церкви. В этом же письме он просил передать в Успенский собор лавры мощи пре-

¹ Боскин С., протоиерей. Пасха 1946 года: открытие Лавры Преподобного Сергия // Троицкое слово: Сб. духовно-нравственного просвещения [Загорск, 1990]. № 4. С. 16–30.

² Письма Патриарха Алексия I в Совет по делам Русской Православной Церкви при Совете народных комиссаров – Совете министров СССР / под ред. Н. А. Кривовой. М., 2009. Т. 1. С. 67.

подобного Сергия Радонежского, отмечая, что удовлетворение этой просьбы «могло свидетельствовать пред всем миром, интересующимся церковной жизнью в нашем Союзе, о положении в ней Православной Церкви. А с другой стороны, все верующие люди оценили бы этот акт как самое яркое выражение того отношения к Церкви, какое имеет наше Советское правительство»¹. Любопытно, что сам Успенский собор он называет будущим храмом Богословского института и вообще пишет о возможности «воссоздать в Лавре центр богословской науки» и «открыть у мощей преподобного Сергия богослужения» с привлечением «лучших сил духовенства». При этом о возрождении монастыря или монашеской жизни в письме нет ни слова. Набор аргументов был настолько правильным, что остаётся лишь ещё раз отметить удивительные дипломатические способности, отличавшие приснопамятного предстоятеля нашей Церкви.

На основании письма патриарха Алексия I председатель Совета по делам РПЦ Г. Г. Карпов направил 21 августа 1945 года докладную записку в Совнарком СССР. На следующий день на документе появилась резолюция: «Тов. Карпову: "Возражений нет. В. Молотов"». О том, что просьба патриарха удовлетворена, Карпов сообщил Святейшему в письме от 4 сентября 1945 года, и в тот же день оно было зачитано на заседании Священного синода. В письме сообщалось также, что «сроки освобождения указанных выше помещений и передачи их Московской Патриархии будут установлены позднее»².

Уже в июле 1946 года в Совет министров СССР был представлен очередной проект, в соответствии с которым Церкви предполагалось передать часовню у Успенского собора, Михеевскую церковь, помещения трапезной с храмом во имя преподобного Сергия, колокольню, помещения бывшей духовной академии и ректорский корпус. В связи с подготовкой к совещанию патриарх также ходатайствовал перед Советом по делам РПЦ о передаче патриар-

Реставрация Успенского собора лавры

хии Митрополичьих покоев³. Карпов направил председателю Совета министров Ворошилову записку, в которой поддерживал ходатайство Святейшего о передаче Церкви помещений, и эта просьба также была удовлетворена⁴. 10 декабря 1947 года монастырю передали Митрополичьи покои, надвратную церковь во имя святого Иоанна Предтечи и несколько помещений в крепостной стене, примыкающей к Святым вратам.

Как только завершали ремонт того или иного переданного Церкви здания, патриарх обращался с просьбой о передаче следующего.

В мае 1948 года Святейший обратился к Г. Г. Карпову с ходатайством о передаче ещё нескольких зданий, и после этого последовало распоряжение Совмина СССР № 8786-рс от 3 июля 1948 года, обязывавшее Комитет по делам искусств при Совете министров СССР в десятидневный срок передать Московской патриархии здания, занимаемые Загорским историко-художественным музеем-заповедником: Троицкий собор с Никоновским приделом, Духовскую церковь, здание бывшей книжной лавки... Спешным порядком патриархии пе-

¹ Примеч. 2 со стр. 8. С. 68–69.

² ГАРФ. Совет по делам РПЦ при СМ СССР. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 34-а. Л. 24–24 об.

³ Письма Патриарха Алексия I... С. 166–169.

⁴ ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 9. Л. 23.

редавали (на правах аренды) мебель и другие предметы, принадлежавшие Митрополичьим покоем. Но всё это было уже накануне начала работы совещания. Вопрос же с частичной передачей здания чертогов решился гораздо раньше.

А. А. Трушин, уполномоченный Совета по делам РПЦ Московской области, подтвердил, что «Патриархия быстрыми темпами начала проводить ремонтно-реставрационные работы» и что «на ремонт и реставрацию всех объектов в течение 1946–1948 годов Патриархией затрачено около 8 миллионов рублей»¹.

Таким образом, в период с 1946 по 1948 год большинство ходатайств патриарха Алексия I, касавшихся лавры, было удовлетворено. Однако уже в 1948 году религиозная политика советской власти изменилась². Конкретный пример такого изменения политики можно видеть в том, что Трушин подготовил список из пяти монахов, «в прошлом судимых за антисоветскую деятельность, которых необходимо снять с прописки как имеющих паспортные ограничения»³. Эти монахи вынуждены были покинуть лавру. Наиболее активные проповедники, такие как архимандрит Вениамин (Милов), были отправлены в ссылку. Тем не менее советская власть всё ещё считала Церковь полезной для себя, особенно её международную деятельность. В августе 1956 года Совет министров РСФСР утвердил постановление о передаче Московской патриархии ещё нескольких зданий и сооружений, расположенных на территории Троице-Сергиевой лавры. Московский облисполком обязали «построить в 1957–1958 гг. в г. Загорске жилые дома <...> для расселения жильцов в количестве 1 150 человек, проживающих в зданиях, расположенных на территории ТСЛ»⁴. На самом деле данные решения выполнялись очень долго, и лавра была вынуждена взять на себя все расходы по их реализации.

Построенные тогда для расселения дома и сейчас называют «монастырскими».

Масштабное восстановление обители продолжилось после 1954 года, когда её наместником был назначен архимандрит Пимен, будущий Патриарх Московский и всея Руси. В годы его управления лаврой были осуществлены большие реставрационные и строительные работы, освящены новые приделы в Трапезном храме в честь святителя Иоасафа Белгородского и преподобного Серафима Саровского⁵.

* * *

В 1946 году в Троице-Сергиеву обитель стали возвращаться монахи – постриженники Старой лавры: архимандрит Доримедонт (Чемоданов), архимандрит Филадельф (Мишин), иеромонах Гавриил (Лихоманов), схиархимандрит Иосия (Евсеенок)... Об одном из них, «гробовом» монахе⁶ архимандрите Доримедонте, вспоминал архимандрит Тихон (Агриков): «Жил старец тихо, скромно, даже убого. За всё благодарил Бога. Всех любил, за всех молился, за всех плакал. Такие утешители нужны всегда, везде, всюду. Нужны потому, что человеческая душа всегда страдает»⁷.

В лавру поступали постриженники и других дореволюционных монастырей: епископ Вениамин (Милов), схиархимандрит Иларион (Удодов)... Приезжал в лавру и святитель Афанасий (Сахаров). Освободившись из очередного заключения, владыка искал место для своих подвижнических трудов. В послевоенной лавре остаться не смог, но всю оставшуюся жизнь считал себя лаврским иноком. В числе первых послушников вновь открытого монастыря был и Александр Хархаров – будущий архиепископ Ярославский и Ростовский Михай.

Великая Отечественная война стала «кузницей духа» для будущих монахов обители аввы Сергия. Вот имена лишь некоторых лаврских

¹ ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 17. Л. 35.

² Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь в 1943–1957 годах // Вопросы истории. 1995. № 8. С. 46–50.

³ ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 15. Л. 42.

⁴ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 44. Л. 1г.

⁵ Через полвека мощи святителя Иоасафа и преподобного Серафима вместе были обретены на чердаке Казанского собора в Петербурге.

⁶ «Гробовой» монах – насельник обители в мантийном постриге и священном сане, несущий чреду служения у мощей преподобного Сергия. В Старой лавре состав «гробовых» монахов утверждался Духовным собором.

⁷ Тихон (Агриков), архим. У Троицы окрыленные. Воспоминания. СТСЛ, 2012. С. 69.

фронтников: архимандрит Кирилл (Павлов), архимандрит Тихон (Агриков; в схиме отец Пантелеимон), схиархимандрит Михаил (Балаев), игумен Филипп (Лапин), игумен Григорий (Васильев), игумен Сильвестр (Воров), игумен Никифор (Ртищев)...

Монастырь возрождался как духовный центр Русской церкви и вновь становился обителью наставников. Одним из результатов встречи трёх митрополитов со Сталиным

стало, в частности, поэтапное возобновление духовных школ. Летом 1944 года был произведён первый набор слушателей в Богословский институт и на Пастырско-богословские курсы в Москве. Эти духовные учебные заведения поначалу разместились в зданиях Новодевичьего монастыря, закрытого в 1920-е годы.

После возобновления богослужений в лавре, 29 апреля 1946 года, патриарх Алексей I направил Г. Г. Карпову благодарственное письмо и просил его передать благодарственное послание И. В. Сталину, что Карповым вскоре и было исполнено. Таким образом, у Святейшего были все основания для оптимистических прогнозов относительно перевода духовных школ в лавру. Выступая 30 июня 1946 года с речью на годовичном акте Богословского института, он сказал: «С Божией помощью с начала будущего учебного года под исконным кровом обители преподобного Сергия, в своём историческом здании, откроется Московская Духовная академия, возглавляемая ректором-епископом, а наши пастырские курсы будут преобразованы в Духовную семинарию».

И действительно, накануне начала нового учебного 1946/47 года последовала реорганизация духовных школ. Богословский институт был переименован в Московскую духовную академию, а Богословско-пастырские курсы при нём – в Московскую духовную семинарию. В обоих учебных заведениях был установлен четырёхлетний курс обучения, отныне они находились под управлением единой админи-

Братия вновь открытой обители. Фото 1949 года

страции. В 1948 году учебные заведения были возвращены в Троице-Сергиеву лавру.

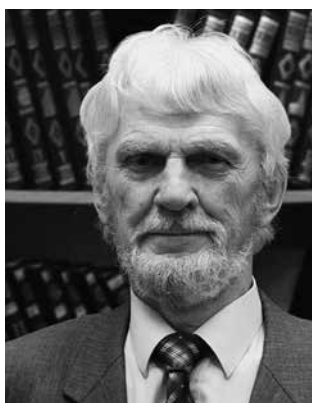
* * *

В обители преподобного Сергия постепенно возрождались древние традиции русского монашества, старчества, восстанавливались тонкие нити духовного преемства. После войны сюда пришли подвижники, своей жизнью явившие идеал христианина, о котором говорит апостол Павел: «Кто отлучит нас от любви Божией: скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч?» (Рим. 8, 35). Преподобный, в годы своей земной жизни совершивший чудо пробуждения души русского народа для победы над Ордой, вновь в двадцатом веке через своих учеников и преемников «привёл в движение нравственное чувство народа, поднял его дух выше его привычного уровня». Такое влияние – это чудо, и его источник – вера. «Человек, раз вдохнувший в общество такую веру, давший ему живо ощутить в себе присутствие нравственных сил, которых оно в себе не чаяло, становится для него носителем чудодейственной искры, способной зажечь и вызвать к действию эти силы всегда, когда они понадобятся»¹.

¹ Ключевский В. О. Значение Преподобного Сергия для русского народа и государства // Исторические портреты. Деятели исторической мысли / Сост., вступ. ст. и примеч. В. А. Александрова. М., 1990. С. 63.

ПОСЛЕДНЯЯ ПАСХА ИИСУСА В ИЕРУСАЛИМЕ

Виктор АЛИМИН

Виктор Алимин родился в Москве в 1947 году. Член Союза писателей России (МГО). Автор 14 книг поэзии. Печатался в 30 поэтических сборниках, а также журналах и газетах.

Не сотворить для всех кумира,
Случайно славы пригубив,
Но можно стать владыкой мира,
Людской грех на плечи взвалив.

1. СПАСИ НАС, ГОСПОДИ, ОТ СМЕРТНОГО ГРЕХА

Одним, как видно, мазаны все миром,
Одна земля на всех и общий небосвод.
Только иные – с Богом, другие же –
с кумиром,

И веры разные в себе несёт народ.
Вот люди – то просты, а то к ним

не подступишь,
И что внутри у них, подчас не разберёшь:
За пазухой ли камень или в кармане
кукиш,

Суму с кем потеряешь и с кем тюрьму
найдёшь?
Мы на себя потратить рады много,
Но если в чём-то обделяют нас,
То возроптать готовы и на Бога,
Судьбою возмущаясь всякий раз.
И вот тогда, забыв про всё на свете,
Хулить весь свет готовы за глаза.
И обижаемся с досады, словно дети,
Хоть и не детская нам застит взгляд слеза.
Обида эта, в сердце прорастая,
Покатится, как с горки снежный ком.
И зависть чёрная, нас злобою питая,
Родного брата делает врагом.
И сидя за вечерей ли, обедом,
Протягивая руки к очагу,
Мы совершаем тяжкий грех, «последний»,
И предаём друзей закланному врагу...
Беда тому, в ком совесть нечиста,
И дружба с ним и скользка, и опасна.
Вот так Иуда, ученик Христа,
Предал Его же из-за фунта масла...

2. ДУША ИУДИНА ЧЕРНЕЕ МРАКА НОЧИ

Шесть дней до Пасхи, и в Иерусалим
Спешат толпой огромной пилигримы.
Хоть путь Господень неисповедим,
Зато его святыни вечно чтимы.
Среди паломников находится Иисус,
От просьб молящих просто нет отбоя.
Но ночь близка, дороги тяжек груз –
Пора искать обитель для постоя.
Иисус идёт с учениками в дом,
Где Лазарь с сёстрами, всё праведно и чинно.
Как рад он, что друзья сидят кругом
И сладкие вкушают вместе вина.
Сердечный дух возвышенных бесед,
На все вопросы он даёт ответы.
Вот так прожить бы ещё тыщу лет,
Но на земле такого счастья нету.
Проходит время. Вот уже Симон
Ведёт Христа в свой дом на ужин.
(И хоть зовётся прокажённым он,
Но чист душой. Другие много хуже...)
«Друзья мои! Лишь считанные дни
Остались до свершения завета.

И пусть любовь вас всех всегда роднит
И каждый день, и до скончанья света».
Пришла Мария. Масла принесла
И миром тем Иисусу мажет ноги.
И тут Иуда (вот душа чья зла!)
Вдруг говорит на удивленье многих:
«Такая трата масла – просто грех!
Лучше продать его для блага нищих.
Или ты мнишь себя, Мария, выше всех,
Или у нас так много денег лишних?» –
«Не надо ссориться, – Иисус вступает вновь, –
То масло куплено на день Моей кончины.
Выказывает Мне Мария так любовь,
И не кори её, Иуда, без причины».
Душа Иудина чернее мрака ночи,
И даже свет в ней тонет без следа.
Ах, зависть, зависть так его и точит,
Знать, скоро страшная в мир явится беда...

3. ХРИСТОС ПЕРЕД ВХОДОМ В ИЕРУСАЛИМ

Стою перед тобой, как будто пилигрим.
Сюда Я шёл всю жизнь – 33 года.
Ну, здравствуй и прощай, Иерусалим,
Приют Богом избранного народа.
Сейчас ученики Мне подведут осла,
И с торжеством Я в этот город въеду.
Дорога ветками Мне будет устлана,
Словно над злом Я одержал победу.
Нет, зло, оно ещё всё впереди,
А смерть Моя вослед уже ступает.
Народ за Мной восторженно следит
И чуда, чуда, чуда ожидает.
Ну что ж, сначала вылечу больных,
Чем вызову досаду фарисеев,
А с ними и священников иных, –
Нет, не к добру добро Я нынче сею.
На похвалу детей, что как слеза чиста,
Они с досады лицами суровят,
Запомятав, что детские уста
Божественную истину глаголют.
Потом из дома Моего Отца
Прочь изгоню воришек с торгашами.
Не будет в храме места подлецам,
Что грабят нищих с жалкими грошами...
Затем хитрец, из фарисеев зримо,

Задаст вопрос, мол, вот в руке монета,
Платить иль нет нам ею подать Риму?
И, словно ворон, будет ждать ответа.
О, дети малые, святая простота!
Отдайте кесарю, это ж его динарий.
А Богу – Богово, молитву как с листа.
Господь вас Сам богатствами одарит...
Ещё скажу: «Всегда любите Бога.
Вот заповедь – важнее нет её!
Любовь и есть та главная дорога,
Что приведёт вас в царствие Моё...»
Пора к ученикам, Я, кажется, устал.
Два дня до казни. Отдохну покуда.
Первосвященник, знаю, отсчитал
Тридцать монет. К нему спешит Иуда...

4. ТАЙНАЯ ВЕЧЕРЯ

(Христос с учениками в Иерусалиме)

Я с вами вновь, Мои ученики.
Пришла пора Мне подводить итоги.
Присядьте все, ведь вы Мне так близки,
А Я водой омою ваши ноги.
Ах, Пётр, Пётр, о чём ты говоришь,
Тебе ль Меня учить, что делать надо?
Настанет время, путь Мой повторись.
И в Царстве Божьем ждёт тебя награда.
Теперь и Я за стол присяду с вами,
Но на душе тревоги чёрный вал.
Один из вас предаст Меня часами.
(«Не я ль?» – шепнёт Иуда. Отвечу:
«Ты сказал».)
Я преломляю хлеб – вкушайте Моё тело,
И чаша вот, а в чаше – кровь Моя
И Нового завета. О, как бы мне хотелось
Смыть кровью всю греховность бытия.
(Любимый Иоанн, желаешь тайну знать?
Сейчас свой хлеб Я в чашу окуну.
Кому подам, тот и созрел предать.
Но ты не говори до срока никому.)
Когда покину вас, как пастырь своё стадо,
Как овцы блудные, все разбежитесь прочь.
Не надо клясться Мне и возражать не надо –
С небес уже страстная сходит ночь.
Ты, Пётр, пока к прозреньям очень глух,
Но своего ещё дождёшься дня.
А до тех пор, как пропоёт петух,

Ты трижды отречёшься от Меня.
Не возражай. И полно, Пётр, волнений.
Что ж все затихли? Боязно душе?
Любите, веруйте без страха и сомнений,
К вам Дух Святой спускается уже...

5. ПРЕДАТЕЛЬСТВО ИУДЫ (Гефсиманский сад на Елеонской горе)

Какая ночь! Полна тревожных знаков.
Ученики, останьтесь здесь, в саду.
Пётр, Иоанн да ты ещё, Иаков,
За мной идите. Я вас жду.
Постойте здесь, а Я пойду молиться,
С Отцом наедине Я буду говорить.
Как горька чаша, но писанью сбыться,
И выпить всё, и капли не пролить.
Как сладок сон Моих любимых чад.
Проснитесь! Встаньте! Предающий близок!
А с ними и священники, и воинов отряд.
(Хоть ты высок, Иуда, поцелуй твой низок!)
Любимый Пётр! Спрячь поскорее меч.
Мне помощь не нужна ни ангелов, ни Отче.
То ухо, что успел рабу отсечь,
Я исцелю, что может быть Мне прощенье?
Все уходите прочь! Один я остаюсь.
Мне одному и принимать все муки.
Я предстоящих испытаний не боюсь.
Эй, воины, Я – ваш! Вяжите крепче руки!
О, Отче Мой! Как низменна толпа.
Хоть книжники кругом и фарисеи.
Прости за то, что вера их слепа,
Не ведают, что сами в душах сеют.
(И кто здесь судит? Ваш синедрион?
Что ни скажу, ни в чём не будет веры.
Удары и плевки со всех сторон.
Да и не судьи вы, а просто изуверы.)
«Скажи, Иисус, не Ты ли Божий Сын?»
Отвечу так, что Я, вы говорите.
Мне от Отца отречься нет причин.
Я же не Пётр. Ну а теперь ведите.
Я всё приму: и муки, и позор,
Предательство, насмешки и глумленье.
К Отцу Небесному Я устремляю взор –
Дай, Отче, силы Мне и дай долготерпенье!
Я чашу пью. Как давит её вес.
И тяжесть эту вряд ли чем измеришь!

Ещё чуть-чуть – и Я коснусь небес.
Да, Богу – Богово, ну а народу – зрелищ!

6. ТЕРЗАНИЯ АПОСТОЛА ПЕТРА

«Что за слова я слышал от Иисуса,
Что трижды от него я отрекусь?
Нет, никогда не праздновал я труса
И ни на шаг теперь не отступлюсь.
Где б ни был Он, я всюду буду с Ним,
И даже дом врага мне не преграда.
Он мною был всех более любим,
А без Него и жизни мне не надо.
Но что-то долго держат Его там,
Видать, Спасителю не помогает сила.
И за дверями крики, шум и гам,
Озноб аж бьёт, и потом лоб покрыло.
Как будто все косятся на меня,
От глаз людских уж лучше ближе к тени,
И спрятаться подальше от огня,
И запахнуться, чтоб не разглядели.
Рабыня подозрением полна
И смотрит так, что дёргается веко.
Мне кажется, сказала вдруг она:
“Ты ученик Святого Человека,
Того, кто здесь доставлен на допрос.
Ведь это ты недавно был с Ним рядом?”
Конечно, нет, то не ко мне вопрос,
И не сверли своим змеиным взглядом.
Такая стужа, подойду к огню,
А страх берёт так, что мороз по коже».
Ещё один вдруг говорит ему:
«Ты ученик Христа? Ну очень уж похожий...» –
«Да нет, не я и, право, не пойму,
С чего ты взял, что я с Иисусом знался?
Быть может, померещилось в дыму,
Что я похож? Ты, видно, обознался».
И в третий раз, как будто на беду,
Его спросили: «А не ты ли ухо
Отсёк рабу сегодня в ночь в саду?» –
«Не я, не я», – ответил Пётр глухо...
И тут запел отчаянно петух.
Куда-то в ночь ведёт Иисуса стража.
Взгляд у Петра взметнулся и потух.
На сердце камень чёрный, словно сажа...

*****

«Три раза. Три! Как Он и предсказал!
Какой позор! Прости меня, о Боже!
Да, может, я от страха убежал,
Но от судьбы не убежал, похоже...»

7. РАСКАЯНИЕ ИУДЫ

Вот и отдал Христу я поцелуй,
Не суждено судьбой быть Ему другом.
Мне серебро милей, а с верой – не балуй!
Накажут гордеца, Ему и по заслугам.
Вот выдумал, что Он для нас есть Бог
И, веру новую в заблудших душах сея,
Спасает мир, но я принять не смог
Его завет, я чту лишь Моисея...
Для многих Он обманщик или плут.
Первосвященники не зря ж Его ловили...
Но что за шум? Кого на казнь ведут?
Христа на смерть они приговорили?!
За веру – смерть? Такому не бывать.
Исход такой – погибель для еврея.
Где серебро? Отдать его, отдать.
Скорей к священникам, пока ещё есть время.
Вот ваши деньги (грех злосчастный мой),
А кровь невинную, что я предал, простите,
Покуда крест не поднят над горой,
Спасите же Христа, молю, спасите!
Вы не хотите осуждённому помочь
И чистую распять решили душу?
Меня теперь вы гоните все прочь?
Куда идти, когда я всё разрушил?
Нет места в этом мире для меня.
От тяжести вины не будет и спасенья...
Стоит осина, листьями звеня,
И я дрожу, как будто лист осенний.
Петля затягивает горло мне всё туже,
Я ухожу, да и зачем мне жить?
Быть можно в свете всех злодеев хуже,
Но не дай Бог, как я, Иудой быть!..

8. И ОСУЖДЁН НА СМЕРТЬ, КТО НЕ ПОДВЛАСТЕН СМЕРТИ (Народ перед дворцом Пилата)

«Кого казнят?» – «Какого-то Христа». –
«Кто Он такой?» – «Да, видно, вор из воров,

Как думаешь, наверно, неспроста
Его пожаловали смертным приговором?» –
«А что украл, коль жаждут смерти все?» –
«Да истину, Себя в цари возвысив.
Как жалок Он, да при такой “красе”
Он и божественной ещё захочет выси.
Мы ждём царя подобием Давида,
Чтоб был умом как тот же Соломон.
Страшна, страшна Израилю обида,
Крест для такого – это лучший трон». –
«Ещё себя назвал Он Сыном Бога.
Ну этого совсем нельзя принять!
Пилат решил простить врага такого?!
На крест изменника! Распят его! Распят!» –
«Да глянь ты, глянь, на Нём венец терновый,
В рубцах таких, что хватит и навек». –
«Да тише вы, Пилат выходит снова». –
«Что он сказал?» – «Сказал – се Человек!» –
«Распни его, распни!» – «Да замолчать,
орава!

Я в третий раз всем говорю – простить!
Кто вам дороже? Душегуб Варавва?!
Я умываю руки. Христа... велю казнить!»

*****

Вчера за счастье чтили падать в ноги.
Боялись издали в глаза Христу смотреть.
Так захотелось, видно, чуда многим,
Что ради этого и шлют Его на смерть.
Нужны ли в этом мире чудеса,
Когда грешна людская вся порода?
Христос душой стремится в небеса,
И что Ему предвзятый гнев народа?
Уже вернул горсть серебра Иуда.
Уже змей свивается петля.
И крест готов, и рвутся толпы люда
Туда, к Голгофе, по жаре пыля...

9. РАСПЯТ НЕ ЦАРЬ, А ПЛОТЬ ЕГО МИРСКАЯ (Путь Иисуса на Голгофу)

Решением толпы прогневался Пилат –
Претит тому, кто покорял народы?!
«Я им такой теперь устрою маскарад.
Казнить невинного. Запомните на годы!
И Ирод тож, правитель Галилеи,

Меня обвёл вокруг пальца, как мальчика!
Как снег на голову все эти иудеи,
Теперь хорошего не жди от них конца.
Бумагу мне и ручку для письма.
С души своей хоть как-то скину груз.
Прибить к кресту, что здесь я написал:
“Царь иудейский Назорей Иисус”.
Что написал, то написал, и точка.
Прочь от меня. Устал от вас вконец.
Ужасный день. Какая ж будет ночь?
Что за народ? На хитреце хитрец...»
Иисусу на плечи уже взвалили ношу,
И от креста Его не отвести.
Киринаянин, человек хороший,
Ему помог крест в гору донести.
И вот распят. И крест направлен в небо.
Первосвященники хулят всю Христа:
«Ты никогда царём, поди, и не был.
А коль ты царь, сойди тогда с креста».
И то же с ним юродствует распятый:
«Коль Ты Христос, спаси судьбу мою».
Другой взмолил: «Я точно виноватый».
Иисус ему: «Быть, быть тебе в раю!»
И, видя Мать, от горя всю пустую,
Он Ей сказал: «Твой рядом сын стоит.
Ты, Иоанн, прими к себе Святую,
Пускай Она в твоём доме гостит!»

*****

И поняв, что писание свершилось,
Сказал негромко: «Отче, отдаю
Тебе Свой дух. Я верю в Твою милость».
И тихо преклонил пред Ним главу Свою...

10. Я ТОТ, КТО МОЖЕТ СМЕРТЬЮ СМЕРТЬ ПОПРАТЬ! (Мария Магдалина у гроба Господня)

«И грянул гром! И стража разбежалась.
И пуст тот гроб, где почивал Христос.
Лишь плащаница от Него осталась.
Куда исчез? Кто разрешит вопрос?
Быть может, ангел, что сидит весь в белом?
Хоть голос чуден, но на сердце страх:
Искать Иисуса здесь – пустое это дело,
Воскрес Иисус, поправши смертью прах!
Бежать, бежать, бежать скорее к людям,

Чтобы известие по миру разнеслось.
 О Господи, что ж с нами всеми будет?
 Что предсказал Учитель – всё сбылось!»
 «Остановись, Мария Магдалина,
 Ведь пред тобой стоит Спаситель – Я.
 Пусть фарисеи лгут, у них на то причина.
 Я буду вечером, где все мои друзья.
 Мои враги пусть распускают слух,
 Что выкран прах Мой вами прошлой ночью.
 Пусть подкупают воинов и слуг.
 Пустое всё. Ты ж Меня зришь воочью.
 Теперь прощай. Быть у Отца Мне надо.
 Для всех людей день судный впереди.
 И будет по заслугам им награда.
 А ты скорей к ученикам иди».

11. ПОСЛЕДНИЕ НАПУТСТВИЯ ХРИСТА (Иисус и ученики)

Иерусалим весь переполнен слухом?
 Поражены смятением умы?
 Ведь сказано, не хлебом только – духом,
 А в вас неверье, словно у Фомы.
 Ну что ж, Фоме Я дам себя потрогать,
 Вложить персты на раны от гвоздей.
 Но надо верить, надо верить в Бога
 И доносить ту веру до людей.
 (Кто зрит Спасителя воочию, как друга,
 Потрогал, убедился – и душа чиста?
 Невелика таких людей заслуга:
 Блажен, кто верует, не видевший Христа!)
 Ещё не раз являться вам Я стану,
 А в день сороковой взойду на небеса.
 Но вы должны усердно, непрестанно
 День начинать с молитвой на устах.
 Меня заменит тот, кто Меня больше любит.
 Ты это, Пётр, Мне трижды подтвердил.
 Паси овец Моих, и Бог с тобой пребудет,
 И возлюби всех так, как Я их возлюбил.
 Ученики Мои, несите веру людям
 Во имя Духа, Сына и Отца.
 Пусть этот путь жесток, тернист и труден,
 Но вы его пройдёте до конца.

12. НЕ ВЕДАЕМ И САМИ, ЧТО ТВОРИМ!

Ушёл Христос от нас на небеса.
 Две тыщи лет как все осиротели.
 И словно утром на траве роса,
 Так плачем мы, едва привстав с постели.
 Но стоит только встать под образа
 И прочитать молитву во спасенье,
 Как исчезает прочь с души слеза
 И все тревоги, страхи и волненья.
 И опускается на сердце благодать,
 Платком пуховым нам ложась на плечи.
 Как будто в детстве обнимает мать,
 Как будто радость долгожданной встречи.
 И просветлённые, пусть до исхода дня,
 Мы счастьем этому так несказанно рады.
 Чтоб душу греть – не надобно огня,
 А нужен свет, идущий от лампы,
 И лик Христа, Его зовущий взгляд,
 И вера, вера, вера во спасенье.
 И лучшая на свете из наград –
 В конце пути не смерть, а воскресение...
 Прости нас, Господи, за тяжкий груз греха,
 Что на Твои всегда ложится плечи.
 Что мы порой лишь с криком петуха
 Пророческие вспоминаем речи.
 И что любви так не хватает нам
 Не то что к дальним, даже к близким очень.
 И только изредка, когда приходим в храм,
 Душа мирская возлюбить всех хочет.

*****

Ушёл Христос от нас на небеса –
 А сами мы не этого ль хотели?
 Мироточит икона, не слеза –
 Сочится кровь из ран на Его теле...

Анна ПРОЛАЗОВА

Член Союза литераторов России, лауреат Всероссийского фестиваля авторской песни «Покровский собор – 2025». Живёт в г. Ивантеевке Московской обл.

РУБИНОВОЕ

(святой великомученице Екатерине)

Растеряна. Потеряны все буквы и пуговицы,
Посыпались, жемчужные, оторванные
всхлипами:

Сердца родных завьюжены
В языческое празднество.
Метель скрипит под липами,
Кошмары вместо ужина.

Не снился снова суженый,
Явился город каменный,
Колёса в жутком пламени...

Маститые философы сражались в красноречии
С той, кто царю перечила,
В наложницы замужную пытались

превратить¹,

Смеялись: «Уязвимая, сошла с ума, красавица!
Жених пришёл бы кланяться, а значит,
вы не связаны!»

Но деву держит крепкая молитвенная нить,
И доводами идолы перед любовью рухнули,
А стража, плача: «Веруем!» – простёрлась
тут же ниц.

Прекрасная гладь зыбкая, не различаю лиц...
Улыбка девы тихая.

Но царь глядит, хихикая...
И пеплом снег окрашенный,
И хор, поющий слаженно:
«Имя её прославится!» –

И чьи-то руки кутают в утешанную ночь,
Пока рыдаю: «Столько мук, что жить
уже невмочь:

И близкие поссорились, и я теперь бездомная,
Колечком быстро падаю в колодца тьму
бездонную!

¹ Имеется в виду невеста Христова.

Растеряна. Потеряны все буквы и пуговицы,
Свисают узы клочьями.

Но голос успокаивал: «Не плачь, могу помочь.
Ты пряла, шила суетно, и нити порвались.

С молитвой Иисусовой они всего надёжнее.

«Сгорела, – плачу, – прялочка,

Забылись игры в салочки».

А мне в ответ: «Утешишься, Христос подарит
новую!

Рубиновые пуговицы, рябиновые пуговицы...
Постись до Рождества».

ПОЭТИЧЕСКИЙ ЦИКЛ «ЗВЕЗДА ПРЕСВЯТАЯ»

ВОСПОМИНАНИЕ

Слезой безголосой хотелось пролиться:
С пустыми руками встречала столица,
Лишь под ноги сыпала снежную соль.
Я оземь бросалась: «Остаться позволю!»
Но молча смотрела племянница Рима,
Как люди спешили не встретить, а мимо
И дверь запирали на медный засов,
Как стала горячка мне платой за сон.

Я плакалась матери денно и ночью:
«Давай перееедем: столица безбожна!»
А мать, в кипятке измельчая горчицу,
Меня убеждала, что чудо случится:
«Пускай все привыкнут, не скалься волчицей.
Терпению, доченька, нужно учиться.
Сын Александров чужим был седмицу:
Вилами встретили, злобой на лицах.
Казался гонителем княжич Москову², –
Народ возмущался: “Мы снимем оковы!”»

Рассказ прерывался, дымились тряпицы,
А я всё шептала, смотря сквозь ресницы:
«Уехал? Остался? Что дальше-то, мама?» –
«Поладил с народом, выстраивал храмы,
Родных примирял, пожиная пшеницу».
«Свой город любил!» – ей вторили спицы.
Так мама молилась, прося мне присниться.

² Москов – название Москвы до правления Даниила Московского.

ДАНИЛОВСКОЕ

Скажи от меня великому князю Иоанну:
сам ты утешаешь себя, а меня забыл, но не
забыл меня Бог.

«Житие благоверного князя Даниила
Московского»

Господь не забыл, и Москва не забыла тоже
Твою сильную, тёплую руку на стене храма,
На эфесе меча, любившего ножны больше
Полёта на воле, что горести множит.

Москва помнит народ, убегающий от ордынцев,
Рыдающий: «В кострах золотых потеряли всё!»
И ей снится, как ты дал им укрыться:
Отстраивали заново люди дома,
Грачи красовались над новым гнездом,
Предрекая, что станет она столицей.

Не забудет Москва, как дико и долго горела
В огне, разносимом галопом степных лошадей,
Как ты плакал и Богу молился:
«Не успел или бросил – безумно жаль!»
И слова со слезами тушили ненависти пожар;
Люди не злились, знали: ты княжеский спор
остужал.

Вслед шагам проросла медуница,
Ибо, славу мирскую отринув,
Принял схиму. Приходят зимы.
А в обитель твою отовсюду стекаются
кто взалкал.

Наедятся паломники, сроду не знавшие
молока,
И сойдутся на службу во храмах с теми,
Кого матери грудью вскормили,
Запоют: «Славься и радуйся, Данииле!»
По молитвам Господь поцелует в темя.

КНЯЖИЧ

Тёмной большой воде выплакать соль до дна.
Если кругом Господь, буду ли я одна?
Мария Горбунова

Слышишь? Княжич в Москву пришёл!
Имя длинное, будто шёлк:
Хочешь, в храм расшивай покров,
Стёрши сердце и пальцы в кровь,
Хочешь, на руку нитью вяжи,
Если мир во поступках лжив.
Кто любил, в любимых остался жив!
Не рыдай, а высей¹ озимой ржи.

Даже если закат багров,
В печь подкладывай свежих дров,
А весной колосьев напев густой
Зашумит, окликнув тебя: «Постой!»

И нашёптывать станет навеянный сказ,
Как столицу русскую жгли не раз,
А закончив, добавит: «Вставай, не тужи,
Потому что из смерти родится жизнь!»

¹ «Высей» (здесь) – форма глагола «высеять».

Огнём свечей и чередой семи церковных
 таинств.
 Осенний Углич кружевами чёрными объят,
 И серебро луны на монастырских стенах тает,
 А ты с бессонницей сдружилась, так тому
 и быть,
 Твоей молитвой солнце опалит хрустальный
 иней,
 Солдат с осколком в голове останется в живых,
 А мёртвые тела укроет снег на поле минном.
 Твоей молитвой рано или поздно стихнет бой
 В последний раз, и больше никогда
 не повторится
 Ни штурм руин, ни оборона мирных городов,
 И даже перестанут биться друг о друга спицы,
 Когда не будет надобности в вязаных носках,
 Когда твоя молитва станет грешному нужнее...
 Пока рассвет не постучался в окна, ляг поспать,
 Сестра моя – монахиня, сестра – святая дева.

СЛАВЯНСКИЙ ОБЕРЕГ

Нет в мире ничего сильнее одолень-травы –
 Славянская прапраматерь явно знала толк
 в защите
 И розовые лотосы в узорах круговых
 На византийском шёлке вышивала тонкой
 нитью.
 И на растущий каравай луны плела венки,
 И опускались ангелы по зову сердца к дому,
 Где тлел на старорусском алтаре живой огонь,
 И становилось сильным неуверенное слово.
 Тонули в синем небе отголоски жгучих фраз,
 Когда и стар и млад водил не коловод,
 так пляски,
 И горе обходило стороной, и жизнь неслась
 Потоком бездны, а быть может,
 просто женским счастьем...
 Я тоже вышью для тебя славянский оберег.
 В нём будет круг сакральных лепестков,
 и тайны неба,
 И ангелы, как на ладонях невесомый снег,
 И одолень, похожая на старые деревья.
 И может быть, тогда ты разглядишь
 в себе черты
 Наследницы славянского фольклора
 и традиций...
 И там, где человеку будет не дано пройти,
 Перелетишь напуганной размахом крыльев
 птицей.

МАЗКАМИ ТОНКОЙ КИСТИ

Его деревья говорят все как один
 О русском небе, русском поле, духе русском
 Так убедительно и честно, что с картин
 Исходит больше чем феерия искусства.

Неважно, маслом прорисован ли закат,
 Дубов густые тени филигранью синей
 Ложатся в снег, на стены храма и дрожат,
 Тоскуя по опавшим листьям и России.

Художник, одарённый Богом, пишет грусть
 По снежным зимам, жилистым дубам у речки,
 Обласкан Сербиёй, но помнит наизусть,
 Как летом соловей в родном краю щебечет.

И что ни храм с его холста, бросает в дрожь,
 И что ни юбка, то до пят зимой и летом.
 От истинной глубинки глаз не отведёшь.
 Она во всей красе художником воспета.

Им славен труд людской, их руки и сердца,
 Их вера в Бога, простота дубов тенистых.
 Так отражал Россию в зеркале холста
 Колесников Степан¹ мазками тонкой кисти.

И что ни полотно – к родным краям любовь.
 Им Николай Второй высоко восхищался,
 Не потому что тени как живые у дубов,
 А потому что Родина духовна и прекрасна.

¹ Степан Фёдорович Колесников (11 июля 1879, Адрианополь – 1955, Белград) – русский живописец, один из участников общества «Община художников».

ХРАНИТЕЛЬНИЦА ТИШИНЫ И СИЛЫ

Что может быть милее черепахи и её метлы,
Похожей на букет лаванды с поля золотого
Вре́мён, когда не верили в Христа и свечи жгли
У алтаря с тотемами Ярилы и Сварога?
Ты, окунаясь в прошлое, не ведаешь хандры
По дому, где душе твоей, казалось бы, не место,
Но любо-дорого смотреть в глаза,

и просто быть

От мира отрешённой Ладой в тишине

воскресной,

И черпать силы рода в родниках её глазниц,
Читать по тайным знакам всё, чему дано
свершиться.

Она умеет слушать. Выметать беду. Хранить
Твоей большой любви к земному малую
частицу.

Зарёй славянского рассвета панцирь обожгло.
Один чудака всем смертным приоткрыл завесу
тайны.

Ты можешь в ней почувствовать искомое
тепло,

Она в тебе – ментальной связи океан
бескрайний.

Фигурка черепахи не умеет говорить,
Но ты воссоздаёшь из впечатлений женский
голос,

И над тобой слова сплетаются в надёжный щит
От кармы, что на тысячи созвездий
раскололась.

НИЧЕГО В КОСТЫЛЯХ, СЫН, ПОСТЫДНОГО НЕТ

Он бы с томной улыбкой вернулся домой
На рассвете январского дня,
Белым снегом смывая с солдатских сапог
Покорённых опорников прах.
На обеих ногах он бы встал у крыльца,
Где морозом увенчан покой,
Где отцовская яблоня братьев сердца
Силой лечит своей колдовской.

Но пожухлой листвой фронтовые сады
Облетают в безрадостный час,
И глаза, как дождливая осень, черны,
И костыль в ветошь листьев увяз.
Покалеченный штурмом, один на один
С утомлённостью бьётся солдат.
Он готов научиться ходить без ноги,
Но не может с собой совладать.

Осень словно ещё один замкнутый круг
Страшных мыслей о тех, кого нет,
Чей невечный огонь слишком рано потух,
А ему бы гореть и гореть,
И судьбой бы назвать безутешный итог,
И забыть, как снаряды свистят,
Как ложатся на землю солдаты без ног,
Как отводят испуганный взгляд.

Затишают в родном палисаде шаги,
И срываются с листьев слова
Заклинаний на мирную жизнь, вопреки
Той беде, что приносит война.
Разливается яблоня памятью лет,
И отец говорит, как живой:
«Ничего в костылях, сын, постыдного нет.
Даже если и стыдно порой».

Алексей АНАСТАСЬЕВ

Алексей Анастасьев родился в селе Полное Ялтуново Рязанской области. Проживает в городе Щёлкове.

ХОРОШО

Хорошо после крестного хода,
После длительных бдений поста
Вместе с хором небесного свода
Воспевать Воскресенье Христа.

Млечный свился привычно в косичку,
Но сегодня особенность в том,
Что луна светло-жёлтым яичком
Над твоим задержалась окном.

Напряглась на невидимых стропях,
Новым светом окно осеня...
Хорошо, что оно не в Европу,
А в Россию, в тебя и в меня.

ИКОНА

Тебе поведаю как другу –
Я знал всегда, с начальных лет,
Что в доме есть передний угол
И там страшилок точно нет.

Там не витают духи злые,
Там каждый лик суров и строг,
Там православные святые,
И самый главный с ними – Бог!

В углу оконного прогала,
В канун предпраздничной ночи,
Лампаду мама зажигала
На смену простенькой свечи.

Спокойно теплилась лампада,
Рисуя рыжие круги,
Мерцало золото оклада
Простой разглаженной фольги,

Ложились отблески на скатерть,
Сгущала ночь покой и сон,
А мать молила Божью Матерь
У чудодейственных икон.

Стволы от бурь спасают корни,
А нас – Христос, и вместе с ним
И Феофан – святой Затворник,
И преподобный Серафим.

Просила мать за нас и близких:
«Наставь на путь и силы дай,
Архиепископ Мир Ликийских,
Помощник скорый Николай!»

И ей далось по крепкой вере,
Ей покорилась жизни высь:
Построен дом, почти что терем,
И внуки в деда удались.

Отец с утра спешил на трактор,
В сарай и сад спешила мать,
У русских женщин есть характер,
И воли им не занимать.

Мечтаю вновь туда вернуться,
Где свет лампы – торжество,
Где можно в детство окунуться
И пить парное волшебство.

Где чудо детства мне явилось
И растворилось поутру,
Где мама искренно молилась
И за меня, и за сестру.

Капризный май полощет крышу,
Вот-вот отыщет где-то течь...
Я просьбу мамы внятно слышу
Лампаду старую зажечь.

Кирпичный дом на гребне склона,
В краю берёз и тополей...
Весь этот дом – одна икона,
Икона матери моей.

Юлия ГОРДЕЕВА

Поэт, прозаик, журналист.

* * *

В задумчивости нежной ноября,
В последние осенние минуты,
Предчувствуется светлая заря –
Чудесные открытия и маршруты.

Объятаями полуденных лучей
Окутан берег наш гостеприимный.
Как дети уважают матерей,
Так я люблю всем сердцем край
старинный.

В преддверии таинственной зимы
Лазоревое море безмятежно –
С волнами говорю я, как с людьми,
Лелея возродившуюся нежность.

И чувствуется, ветер-декабрист
Развеет многодневные печали,
Наполнит благодатью свежий лист –
Мне ангелы судьбу предначертали!

НА МЫСЕ СВЯТОГО ИЛЬИ В ФЕОДОСИИ

Осенний день здесь нежен и лучист,
От солнца возрождаются идеи,
И трудится октябрь, как визажист,
Раскрашивая парки и аллеи.

И берег стал янтарно-золотым,
Заботливо застеленный листвою,
Здесь мекка, где рождаются мечты,
Землëю возвращённые святою.

Виднеется спасительный маяк,
Окутавший сиянием дорогу,
Как свыше приготовленный мне знак,
Поддержка безграничная от Бога.

Илья, ты как хранитель и пророк,
Мне данный Провиденьем во спасенье,
Волшебный киммерийский уголок,
Где замыслы находят воплощенье!

ЯНВАРСКИЙ ГОРОД И КСЕНИЯ ПЕТЕРБУРГСКАЯ

Рыданьями охватываешь ночь,
Немного успокоившись под утро.
И вьюгу ливень питерский унёс,
Снега в жемчужно-нежном перламутре.

В унынье городские фонари –
На улицах нет живости и блеска,
Они безлюдны, словно пустыри,
Царь-плотник даже голову повесил.

И рушится гранит на мостовой,
Смоленка разбуянилась волнами,
Но ангел вдруг явился предо мной –
Любовью греть студёными ночами.

ТОРЖОК-СПАСИТЕЛЬ

Едва торжокский светлый лучик
К щеке застенчиво прильнул,
Исчезли будни, скрылись тучи,
Набат наполнил тишину.

Небесный голос несмолкаем –
Слова архангелов звучат.
Ты, город, храмом стал и раем –
Принять в любое время рад!

Зовут и ждут со мною встречи
Ефрем, архангел Михаил...
Торжок-спаситель душу лечит,
Исполнив радости и сил.

В КАЗАНСКОМ СОБОРЕ

Объятый солнцем колокол набатный,
Как Божий голос, ласково звучит.
Я светом согреваюсь благодатным –
Дом-храм гостеприимно мне открыт.

Здесь ангелы нашёптывают строки
И воздух освящённый и родной,
В нём тают бесконечные тревоги,
С духовной разделяю их семьёй.

Здесь Ксения Блаженная, Матрона
С любовью и вниманием глядят,
Я в творчестве, и я благословлённа:
Господь мне покровительствовать рад.

СВЯТОЙ МАТРОНЕ

Сегодня нежный, благодатный дождь
Проникнул в поэтичную столицу:
Сквозь время ты пронзительно зовёшь,
И я пришла заветным поделиться.

Ты вслушиваешься с чуткостью в слова,
Заветами святыми помогаю,
Их слышит православная Москва,
Мне по духу, воззрению родная.

Но только для меня ты припасла,
Как бабушка, любви неистребимой,
Во взгляде ясном – искорку тепла,
Тобою, милый ангел, я хранима.

Ты в трудностях даришь душевный свет,
На добрые дела – благословенье
И к новым не допустишь без побед,
Как бабушка, зовёшь меня к движенью.

НА ТАГАНКЕ

В рассветных лучах утопает Таганка,
Целующих нежно ковёр листопада,
Делюсь с голубями я хлебной буханкой
И новой строфою откликнуться рада,

Взращённой под сводом лучистого неба,
Средь улиц и зданий исконных, старинных –
В единстве с крестьянской Россией потреба,
Люблю её хмурой, в глубоких морщинах.

По-ангельски светлой, здесь льются беседы
Под неумолкаемый звон колокольный,
И я на Таганку с любовью приеду –
Мне здесь находится и думать привольно!

Анна ПАРШИНА

Анна Паршина родилась в селе Польное Ялтуново Рязанской области.

Член Российского союза писателей, член Союза писателей России.

ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

Веточка вербы пушистой
Мир наполняет добром
И благодатью пречистой
Входит весной в каждый дом.

Праздничным солнечным светом
Светится всё в этот день.
Кажется, сразу с рассветом
Мир стал намного добрей.

Люди – терпимей, мудрее
И добродушней к другим.
Души – намного щедрее,
Полнятся делом благим.

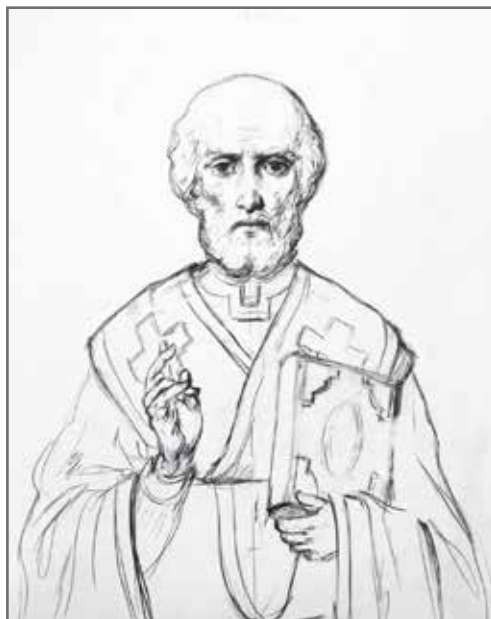
Хлеб не жалеют просящим,
Обогревают теплом,
Дом предлагают уставшим,
Место есть всем за столом.

С веточкой вербы пушистой
В души является Свет.
Звоном церковным и чистым
Чудо даровано вслед.

ЧИСТЫЙ ЧЕТВЕРГ

Чистый четверг, скоро Светлая Пасха,
К встрече готовятся люди, природа.
Зимним раздумьям – весенняя встряска,
Праздник есть чистильщик душ у народа.

Каясь пред Богом молитвой сердечной,
Дом чистотой наполняя и светом,
Ждёт человек теплоты и, конечно,
Ждёт благодати от мирного неба.

В НИКОЛЬСКОМ ХРАМЕ

Смотрю на лик святого Николая,
Пред Божьей Матерью в поклоне постою.
И, никого вокруг не замечая,
Я о грехах в тиши душой поговорю.

В Никольский храм пришла сама впервые.
Ещё в младенчестве когда-то здесь была.
Ребёнком месячным меня крестили,
Как многих сверстников района и села.

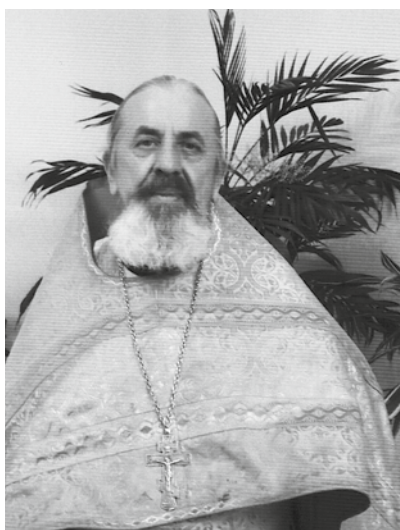
Мечтала побывать в церквушке этой,
И только в шестьдесят сбылись мои мечты.
Зажгла свечу, и сладко в сердце где-то
Звучит мелодия Христовой теплоты.

Молюсь Всевышнему я взглядом лучезарным,
Уютный храм пленил покоем, добротой.
А мне подарок неподдельный, благодатный –
Припасть к иконам тем, намоленным, душой.

Путь христианский мной из этой церкви начат
И с верой в Бога продолжается всю жизнь.
Я счастлива! Быть в жизни не могло иначе,
Отсюда ангел мне дорогу проложил.

ПРОКЛЯТАЯ ВОЙНА

Отец ВАСИЛИЙ (КРЮЧКОВ)

Родился в селе Заокское под Рязанью в 1958 году. Учился в Рязанском пединституте на факультете русского языка и литературы. Получил распределение в Шиловский район Рязанской области, где отработал учителем в течение сорока лет.

В 2011 году в Успенском соборе Рязанского кремля архиепископом Павлом был рукоположён во диакона, а в 2013 году в городе Касимове епископом Дионисием был рукоположён во священника.

В настоящее время служит в Успенском храме села Мосолово.

Очень высокий берег Оки здесь круто изгибается и даёт возможность видеть ширь речной глади и неописуемую красоту неоглядной заокской дали. Смотришь и насмотреться не можешь от дивной красоты Божьей. Здесь, на высоченном речном пяточке возле кладбища, кто-то очень догадливый смастерил лавочку. Навещая своих близких, люди обязательно приходят потом сюда, чтобы немножко отдохнуть от житейской суеты, посмотреть на дивную природу, задуматься о жизни.

Здесь, на этой лавочке, сидели две женщины-соседки и мирно беседовали.

- Как поживаешь, Нюр?
- Да ничего, Катя, помаленьку.
- А ты как?
- Да тоже слава Богу...

Июнь 1941 года. Рязанская глухая деревня. Мужики собираются на войну. Разговаривают два родных брата: старший, Василий, женат, а Иван холост.

– Я, Ванюшка, с войны обязательно вернусь! Всем обещаю, что вернусь.

Около печки стоит Нюша, жена, и уголком платка утирает слёзы, трёхлетний Коля держится за материнский подол и, глядя на мать, вот-вот готов расплакаться.

– Даже и не думайте плакать: сказал – вернусь, значит, так и будет! – всё больше горячился Василий то ли от выпитого вина, то ли

от обиды, что проклятая война разлучает его с любимой Нюрой и Коленькой.

– Дык, Вась, кто же спорит, может, и вернёшься, а можа, и нет: на всё – Бог. Я вот тоже думаю, что приду, а порой, что и нет, – крутя самокрутку, неторопливо проговаривал Иван.

Быстро прошёл прощальный день для братьев, близился вечер. Иван зашагал в родительский дом. Наутро они отправились на фронт.

Война косила направо и налево, что твоя мясорубка. Похоронка, пришедшая в дом родителей, сообщала, что красноармеец Иван Жуков погиб подо Ржевом.

Спустя два месяца казённое письмо получила Анна Семёновна Жукова, которая стала вроде как вдовой и не вдовой одновременно, потому как красноармеец Василий Жуков пропал без вести...

Отгремела взрывами, отпыхала пожарами страшная война, оставив многих калеками, сиротами, обездоленными.

Стали возвращаться домой уцелевшие мужички, только неизвестно, сколько ждать Анне её пропавшего Васю.

Сосед Нюрин, Михаил Костылев, вернулся с фронта без обеих ног. Родители его умерли за время войны, родных никого больше нет. Он и говорит как-то Анне:

– Давай жить вместе. Тебе тоже тяжело одной с мальцом, а я хоть и без ног, а где валенки подошью либо ещё что-нибудь сделаю для дома.

Подумала-подумала Анна и поняла, что прав Михаил: вместе легче...

Шли годы, налаживалась потихоньку послевоенная жизнь в стране. Это было заметно и здесь – в небольшой деревушке Малиновке. Многие стали строить дома, сараи, бани. Год от года становилось легче...

В 1953 году пришла страшная весть – умер Сталин! В том же году ещё большее потрясение испытала Анна, увидев на пороге своего дома мужа Василия.

Был страшный бой, в ходе которого боец Жуков был сильно контужен и взят в плен. Затем он был отправлен в немецкий концлагерь для работ на благо Германии.

В 1945 году всех из лагеря освободили, но в родной стране ещё дали срок как пособникам фашистов, и только смерть вождя всех народов спасла Василия от мучений.

Анна смотрела то на Василия, то на Михаила, то на Колю и не могла сдержать слёз: «Как быть?» Затем она обратилась к сыну, что нужно идти к родному отцу в дом. На что Коля ответил категорическим отказом, горячо доказывая, что его отец – это Михаил.

Василий ничего не сказал, посмотрел на сына Колю, на бывшую жену Нюру, затем неторопливо вышел из дома.

Он пожил несколько дней в отеческом доме, погулял маленько с однокашниками и уехал в соседнее село. Там, в Николаевке, женился на Екатерине, у них родились двое детей – сын и дочь. В конце жизни Василию нестерпимо захотелось жить в родном селе. Он долго упрасивал жену, затем Катерина согласилась.

Жили эти две семьи – Жуковых и Костылевых – через три дома. Жили мирно. Иногда, по праздникам, бывшие фронтовики выпивали лишнего. Один, инвалид, громко, на всю улицу, пел под гармошку песни, а другой кричал слова на немецком языке...

Выросли дети, разъехались, завели свои семьи. У Костылевых один ребёнок – Николай. А у Жуковых Сергей и Галина.

Сначала умер Михаил, недолго прожил после него и Василий: через полтора года и его не стало.

Они никогда не ругались и не спорили, не выясняли отношений. Никто из них не виноват – виновата во всём только проклятая война...

Долгая, до семи километров, полевая дорога к сельскому кладбищу над Окой. В большие церковные праздники идут люди поклониться своим родным и близким. Походив по кладбищу, садятся отдохнуть на любовно сделанной кем-то скамейке на берегу реки, посмотреть на Оку, неторопливо побеседовать друг с другом...

– Ну что, отдохнула, Нюр?

– Да вроде, Кать... Надо собираться.

– Какая же тут красота!

– И не говори, девка. Сказочная красота! Уходить не хочется!

ВОЛОНТЁР В ЖЕНСКОМ МОНАСТЫРЕ

Андрей ОБЪЕДКОВ

Летом 2024 года в чате Синодального отдела по благотворительности Русской православной церкви увидел сообщение, что требуются волонтеры для помощи в Старо-Касперовском женском монастыре, и тут же позвонил куратору.

Это была вторая моя поездка на Донбасс от Синодального отдела по благотворительности: в прошлом году отправлялся со строительной бригадой в Мариуполь. После меня включили в волонтерскую группу в одной из социальных сетей, в которой я узнал о многих направлениях, и загорелся попасть в монастырь. В анонсе сообщалось, что там нужно колоть дрова, выполнять погрузку и разгрузку тяжёлых вещей и выполнять другую работу, непосильную для женщин.

ОТЪЕЗД

С отъездом задержался месяца на два: ведь волонтером работать нужно было не меньше чем 10 дней, а в рабочее время никто не отпустит. И вот в первый день отпуска отправляюсь на автостанцию «Новоясеневская». В автобусе оказывается человек шесть волонтеров: девушки едут помогать в больницы. И только двое мужчин – я и Павел Куликов направляемся в Касперовский женский монастырь. Уже в автобусе узнаю, что ему 67 лет, хотя выглядит моложаво, точно на десять лет младше. По дороге узнаю его историю отправки: он уже

работал охранником в храме, да и сейчас помогает пожилым.

– Хотя у меня московская прописка, но люблю природу, поэтому и живу в Хотьково, каждое утро хожу на родник, снабжаю чистой водой десяток одиноких пенсионеров, – рассказывает Павел. – Если не я, то кто же?

А как-то невестка узнала об акции церкви и сообщила свёкру, мол, это точно для тебя! И не прогадала.

– Я тут же составил анкету, вскоре вызвали на собеседование, но меня предупредили, что отправляют только с напарником, а таковых на тот момент пока не было. Но позвонили быстро. Оказалось, что ты согласился... – продолжает Павел.

МОНАСТЫРЬ

Вскоре засыпаем, так как поездка предстояла ночью. Пятнадцать часов езды – и выходим в Иловайске, где нас встречает представитель монастыря Александр, которому на вид около 30 лет.

Когда сворачиваем с основной трассы в сторону посёлка Грузско-Ломовка, то движемся уже совсем медленно, так как дороги разбиты.

Основные трассы здесь отремонтированы, а вот ответвления в сёла практически никакие, поэтому передвигаемся тихо, чтобы не угробить машину. Кругом поля с высушенной травой во многих местах, деревья с пожухлой листвой. В одном месте на дороге лежит примерно двухметровая гильза от артиллерийского снаряда.

– Её местная администрация иногда использует как шлагбаум, если надо перекрыть дорогу, – рассказывает Александр. – Да, по нашим дорогам не разъездишься, мы даже хотели попросить приехать к нам в гости Владимира Владимировича Путина и Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, чтобы точно проложили асфальт, – улыбается Александр.

Он поведал, что посёлок Грузско-Ломовка находится в составе Макеевского городского округа. По дороге встречаем несколько трёхэтажных домов.

– Они были в 2014 году полностью разбиты, уже потом помогали восстанавливать московские строители, – продолжает рассказ мужчина.

Он вспоминает, что в 2014 году к их селу подступали украинские националисты, уже тогда на их стороне воевали польские наёмники, правда, из оружия практически были только автоматы, ещё не было такого современного вооружения, как сейчас.

– Когда польские наёмники подошли к монастырю, то отказались занимать наш посёлок и повторяли: «Матка, Матка!», то есть «Матерь Божия», и для них было грех воевать в тех местах, где находятся святыни, – утверждал Александр. – Только вот снаряды пролетали над монастырём каждый день, но, к счастью, ни один из них не упал на территорию. Рядом

разрывалось много, а вот монастырь уцелел. Как после этого не поверить, что Бог охраняет?

По дороге прошу рассказать Александра, как давно он работает в монастыре.

– Сам я родом с Донецкой области, верующий, часто ездил по святым местам. Впервые приехал в Касперовский женский монастырь, мне понравилось, и уже через год устроился здесь водителем. Вскоре стал отвечать за все хозяйственные работы. Можно сказать, что я завхоз и работаю без выходных, – рассказывает мужчина.

От Иловайска до Грузско-Ломовки всего восемь километров, но едем на машине примерно пятнадцать минут. Наконец въезжаем в посёлок, практически все постройки – одноэтажные дома, построенные ещё в советское время. Подъезжаем к храму Смоленской иконы Божией Матери.

– Около него есть целебный источник, который помогает при заболеваниях кишечника, – говорит Александр.

Метрах в двухстах от него – основная территория монастыря, обнесённая кирпичным забором. Охранник открывает нам ворота, и сразу перед нами предстаёт строящийся храм Великомученицы Варвары, где на данный момент располагается трапезная.

– Надо подкрепиться, уже обед, – констатирует Александр.

Войдя в храм, видим, что в одном из залов женщины готовят еду – там стоят плиты, второй зал предназначен для трапезы монахинь, третий – для священнослужителей, а в четвёртом принимают пищу сотрудники монастыря, в том числе и волонтеры.

Поражает, что еда постная, нет ничего мясного, но много молочки: свойские творог, сметана, молоко, сыр, яйца. И всё потому, что есть свой скотный двор, там три взрослые коровы, три телёнка, бык, три козы, около 100 кур.

А после обеда нас с Павлом ведут в гостиницу для паломников. Направляемся по длинной аллее: с правой стороны – летний храм Святого Иннокентия Херсонского.

– Внутри очень красивый, но службы в нём проводятся только летом, – поясняет Александр.

А вот дальше корпус монахинь, в палисаднике растут несколько груш, а также есть водоём, в котором плавает много японских рыбок различного окраса: жёлтого, красного, оранжевого...

С левой стороны – корпус, в котором сейчас живут около 80 представительниц Никольского женского монастыря. Он был разрушен во время обстрела украинских националистов, и обитателей приютили здесь. Многие из них лежачие, поэтому организована мини-лечебница. За больными наблюдает инокиня Фаина, которая по образованию врач. Но мы с ними практически не общались, так как обитатели двух монастырей вроде бы и живут в одном месте, но практически не контактируют.

ГАЛИНА НОГАЕВА

Нас с Павлом отводят в следующее помещение, в котором находится гостиница для паломников. В коридоре моет полы 72-летняя Галина Ногаева, она живёт в соседней комнате. Женщина улыбочиво встречает, рассказывая, что работает здесь уже неделю и её попросили взять над нами шефство.

– А вы не помните меня, мы вместе проходили собеседование у бабушки, я вам тогда подал стул? – спрашивает Павел.

– Точно-точно, – взмахивает руками Галина Дмитриевна и обнимает напарника.

Теперь мы втроём будем помогать монахиням. Женщина обрадовалась, что мы из Москвы, и делится, что всю жизнь прожила в центре, только несколько лет назад заболела, и врачи посоветовали сменить климат, поэтому переехала с мужем в Питер. Женщина рассказывает, что всю жизнь прожила на Садовой-Кудринской в Центральном округе.

Тётя Галя здесь уже несколько дней: пару дней приходилось ходить на скит, где ухаживала за курами, носила большие тюки с сеном. А они весом по несколько килограммов.

– Но в основном ставят на хозяйственные работы: чистить картошку и убираться в церкви: чищу подсвечники и убираюсь внутри, – поясняет она.

РОЕМ СИЛОСНУЮ ЯМУ

Александр рассказывает, что в день приезда волонтерам дают время отдохнуть, но мы сами напрашиваемся на работу: ведь мы приехали сюда не отдыхать. Тогда мужчина нас ведёт на монастырский приусадебный участок. Он находится дальше по аллее. Стоит только пройти храм Касперовской иконы Божией Матери, за которым видим с левой стороны теплицы, а справа – сад. Там уже есть вырытая силосная яма.

– Её надо дорыть, подровнять стены. Задача не из простых, как видите, внизу глина, которую копать практически невозможно, – констатирует Александр.

Договариваемся, что вниз по лестнице спускается Павел. Он пробует копать лопатой, но вскоре убеждается, что работать лопатой невозможно, лом глину тоже не берёт. Благо, что в монастыре есть кирка, с её помощью мой напарник потихоньку справляется с глиной, наполняет ведро, а я принимаю сверху и пересыпаю в кучу. Замечаем, что на аллее появляется тётя Галя, она подметает листья и пересыпает в корыто. Потом на тележке везёт ко мне и просит пересыпать в кучу. Мы все втроём устраиваем перекур. И женщина рассказывает свою историю, как стала волонтером.

– Приехала в Москву на похороны родственника, пошла в храм Ксении Петербургской и там увидела объявление о наборе волонтеров. Не раздумывая записалась, – рассказывает Ногаева.

Когда рассказала детям – те запротестовали, были согласны только на то, чтобы мать поехала в Курскую область работать оператором на телефоне в церкви.

– Но я договорилась с мужем по телефону, что съезжу на две недели сюда и ничего не скажем детям. Теперь супруг каждый день звонит мне, узнаёт, как дела. А я докладываю, что делаю, – продолжает тётя Галя.

Она рассказывает, что она с мужем живёт уже 52 года душа в душу.

– В молодости я была худенькая и не понравилась свекрови, но мы поженились, и потом отношения наладились, я даже стихотворение

посвятила матери мужа, – улыбается Галина Дмитриевна.

В этот момент слышатся несколько артиллерийских раскатов, взрывы. Чувствуется, что не близко.

– Не бойтесь, ребята, это километрах в 15 отсюда, – успокаивает женщина, – я уточняла. Это вас так встречают!

– Да кто же боится, мы не из робких! – отвечает Павел.

– Меня так же встречали, – улыбается тётя Галя и сразу обращается ко мне, как будто предчувствует, что я не откажу: – Кстати, сегодня будет крестный ход, Андрюша, пойдём?

КРЕСТНЫЙ ХОД

Я махнул головой. После ужина мы с тётей Галей подходим к летнему храму, где собралось шесть монашек. Выстроились по два человека, самые последние – мы с тётей Галей. Наш путь – до Касперовского храма. Хотя недалеко, но передвигаемся черепашьим шагом. Женщины по очереди читают молитвы. Примерно через полчаса возвращаемся к летнему храму, я присаживаюсь на лавочку, чтобы подышать свежим воздухом. Мимо проходит охранник Александр, который также выполняет в монастыре многие функции, в том числе и кладовщика. Мы заводим разговор, он рассказывает, что сам родился здесь, но работал в Кургане, с болью воспринял события 2014 года.

– Мой сын военный и участвовал в специальной военной операции, – рассказывает Александр. – Да и меня постоянно тянуло в родительский дом, поэтому на лето с женой приезжаем сюда, заодно устраиваюсь работать в монастырь.

В это время вновь слышатся взрывы, вижу белое зарево, появившееся буквально на секунду. Интересно, далеко ли.

– Километрах в 15 отсюда. Да мы уже на них не обращаем внимания...

К слову сказать, взрывы слышались ежедневно, по несколько раз в день.

ВТОРОЙ ДЕНЬ РАБОТЫ

На следующий день мы с Павлом вновь продолжаем рыть силосную яму и к концу дня справляемся с задачей. Устраиваем даже торжественное открытие: вместо ленточки берём веточку, переламываем её – вроде бы перерезаем ленточку. Нас сразу просят «обновить» яму: и мы выбрасываем в неё пищевые отходы.

МАТУШКА АНИМАИСА

Вскоре я познакомился с заместителем настоятельницы монастыря матушкой Анимайсой, которая оказалась мне ровесницей. И мне было интересно: что сподвигает людей бросить мирскую жизнь?

– Неправда, что многие приходят в монастырь из-за несчастной любви, – сразу рушит догадки женщина, которую в миру звали Анна. – Я пришла в монастырь в 2002 году в 30-летнем возрасте, монастырь образовался всего как пять лет.

Был необустроен, условия плохие, монашка призналась, что думала, что не справится с трудностями. Но как раз главная задача в монастыре – подавлять свою гордыню и смиряться со всеми сложностями.

– И вот я уже здесь 22 года, – констатирует Анимайса.

Она вспоминает, что в 2014 и 2015 годах здесь шли сильные бои, неподалёку разрывались снаряды.

– Но в монастырь не упал ни один, видно, точно Бог бережёт святые места, – констатирует Анимайса.

ТРЕТИЙ ДЕНЬ РАБОТЫ

На третий день я с тётей Галей попадаю работать на скит – тот самый скотный двор.

Оказывается, что на скиту есть ещё скотник Дмитрий Таюрский. Но он также «молодой» сотрудник – всего три недели в монастыре. Монахи ни до этого предупреждали, что у него сложная история, был в плену у националистов. Его зовут показать, как мне надо молотить комбикорм.

– Не могу, занят с Чернушкой, – слышится мужской голос.

– Дмитрий, иди быстрее сюда, – командует инокиня Феодосия.

И она просит его объяснить мне, что и как нужно делать.

На монастырском подворье есть три взрослые коровы, три телёнка, бык, три козы, около 100 кур. Оказывается, в монастыре есть график дежурств: две послушницы (самая низшая должность среди монахинь) по четыре дня работают на скиту по уходу за животными. На помощь иногда посылают волонтеров. Войдя на скит, я сразу почувствовал специфический запах животных и вспомнил деревню, в которой жила моя бабушка, водившая скотину. Я любил тогда наблюдать, как она доит корову, ухаживает за курами. Тётя Галя как раз пошла чистить помещение для кур, менять солому, и я на какое-то время представил её своей бабушкой. Вернее, почувствовал те старые времена, когда я гостил у бабушки. Но сейчас была другая реальность, и мне предстояло работать.

На скотном дворе мне поручили молотить комбикорм. С такой работой я сталкивался впервые, хотя помнил, что бабушка в деревне вела кур и постоянно пользовалась комбикормом. И вот самому пришлось его делать. И схема оказалась довольно-таки проста: нужно в корыто засыпать три ведра ячменя, по одному ведру пшеницы, кукурузы, гороха, риса и гречки – всё это тщательно перемешать лопатой. А потом засыпать по ведру в дробилку и наблюдать. Главное, чтоб не было холостой работы – постоянно надо подсыпать в специальный отсек подготовленную смесь. А на выходе получается смесь, похожая на муку. На помол приготовленного зерна уходит примерно полчаса, а потом нужно пересыпать в специальные бочки, в которых делают запасы на несколько дней. Регулярно подходит посмотреть, как я справляюсь, послушница Инна и хвалит, как работаю, а когда заканчиваю, произносит, низко кланяясь:

– Спасибо, брат!

А в это время Галина Дмитриевна возится с курами, меняет в их отсеке солому, подметает. На скотном дворе труд тяжёлый, зато окупа-

ется: на обед нам подавали наивкуснейший творог и парное молоко. Я опять вспомнил детство, проведённое у бабушки в деревне. После трудового дня эта еда мне показалась наивкуснейшей!

В скиту я провёл три дня, пока не сделал достаточного запаса комбикорма на ближайшее время.

ИСТОРИЯ ДМИТРИЯ

Вскоре появляется худощавый парень небольшого росточка. Вначале подумал, что лет ему двадцать. Но морщинистое лицо выдаёт, оказывается, ему тридцать семь. Увидев мужчину, оживает, и мы сразу находим общий язык. Объяснив, что надо делать, рассказывает о своей жизни:

– Я сам из Дружковки, она до сих пор под контролем «укропов».

Оказалось, что в четырнадцатом году родители, предчувствуя недоброе, засобирались с младшей сестрой в Россию и вскоре обосновались в городе Энгельсе Саратовской области.

– Они звали с собой, но я «включил» патриотизм, как я, мол, могу бросить родные места, и остался. Отчим предупреждал: «Смотри, некому будет сухари в тюрьму носить». Я ещё, грешным делом, думал, что он мне пророчит, и как в воду глядел, – вспоминает Дмитрий. – А жена поступила ещё хуже, в то время я жил у неё на квартире. Просыпаюсь как-то утром, а на столе записка: «Уехала, меня не жди». Я ничего не понял, звоню её родителям, а они сначала говорят, что ничего не знают. А благоверная забрала и свои, и мои ключи, поэтому три дня не выходил из жилья. Потом решил поехать к её родителям, а они показывают решение суда о разводе и рассказывают, что она уехала в Ростов-на-Дону. Было обидно, что она не объяснила ничего и сорвалась одна. Даже если не любила, можно же было объяснитьсь?!

А возвратившись назад, обнаружил квартиру запертой. Оказалось, что жена комплект ключей оставила соседям, и те закрыли.

– А там у меня остался паспорт, открывать отказались. Так как квартира была на верхнем

девятом этаже, спустился с крыши по решётке, чтобы забрать паспорт, – продолжает Дима.

Вскоре в город вошли националисты, многие горожане ушли в ополчение. Таюрский носил им еду. Это стало известно «укропам», и те задержали его.

– Предъявили обвинение по статье 260 Уголовного кодекса Украины «Создание не предусмотренных законом военизированных или вооружённых формирований», осудили на пять лет. Пережить пришлось многое, на нас, политических, натравливали простых уголовников, но вопрос удавалось решать мирным путём, – рассказывает Дима.

Этапом отправляли вначале во Львов, потом в Харьков. Как-то пустил «маляву», чтобы узнать, сколько находится в тюрьме политических задержанных.

– Оказалось, что в Харькове содержалось 1200 таких арестованных, – продолжает мужчина.

Он вспоминает, что именно в тюрьме он начал писать фантастическую повесть и как-то исписанную тетрадь дал почитать товарищу. Ему понравилось, и он пустил её по кругу.

– Вскоре на прогулке ко мне подходят заключённые с конфетами и просят написать продолжение, я пообещал и вскоре закончил вторую тетрадку, – улыбается Дима. – Так и писал все три года, развлекал обитателей тюрьмы. Жалко, что ничего не сохранилось, но хочу восстановить всё по памяти.

Тут подходит матушка Феодосия и возмущается: почему не работаем.

– Да я устал, – оправдывается Дима.

– Ты отдыхай, но Андрею не мешай.

Я продолжаю молотить, а Дмитрий рассказывает, что через три года его обменяли в числе 200 с лишним политических заключённых на 70 украинских военнопленных.

– Я остался на территории Донецкой Народной Республики, был без жилья, помог один случайный знакомый, который приютил, но заставил распространять травку, – опускает глаза Дима. – Мне не захотелось продолжать этим заниматься, вот так и оказался здесь, в монастыре. Думаю подзаработать, и надо вы-

езжать в Россию, хочу найти родителей. Хотя, с другой стороны, зачем я им нужен? Ведь я взрослый мужик, а за спиной ничего нет...

Создаётся неудобная пауза, не знаешь, что и ответить, но Дмитрий продолжил вспоминать бесчинства «укропов», свидетелем которых был ещё до ареста. Бесчинства, с его слов, были беспрецедентными, он был свидетелем, как вечером на улице сидели парень с девушкой, а мимо проходили «укропы», крикнули «Слава Украине!» и возмутились, почему не поддержала молодёжь.

– Парень только ответил: «Не видите, что у нас свидание?», но один «укроп» развернулся, ударил прикладом, в итоге парень был мёртв, – рассказывает Дима. – Или меня ещё до ареста как-то спросили: «Чей Крым?» А я ответил, что российский. Били ужасно, был разрыв селезёнки, долго лежал в больнице.

В это время Дмитрий приподнимается с корточек и говорит, что надо идти кормить коров, а я продолжаю молотить.

МАМА С ДОЧКОЙ

Неофициально старшей на скиту считается трудница (такая должность в монастыре) Анна Зинич. Добродушная и всегда улыбчивая женщина. Во время работы она подходит ко мне с полулитровой баночкой молока и говорит: «Отдохни!» Мы присаживаемся на улице за стол и заводим разговор. Женщина рассказывает о своей жизни, что пришла сюда после того, как осталась без жилья.

– Я жила в Донецке, постоянно были прилёты, на моих глазах взлетел на воздух мой гараж, – вспоминает Анна, и из глаз покатились слеза. – А через несколько дней снаряд попал в наш дом, еле выбралась. Соседка погибла, около мёртвого тела сидел плачущий ребёнок.

Женщина была в шоке, на время забрал её внук. Просыпается утром, а тот и спрашивает: «Ну что, бабуля, остаёшься у меня?»

– А я на автомате отвечаю: «Нет, отвези в монастырь к дочке Инне». – «Ты правда, бабуль?»

Женщина только махнула головой. Оказывается, уже как пару лет её дочка Инна ушла

послушницей в монастырь. Судьба у неё была сложной. Как-то на Украине были перебои с бензином, и её муж занялся бензиновым бизнесом. Как-то он пропал, хотя машина осталась во дворе.

– А на руках у неё десятилетний сын. Пробовала жить с одним мужчиной, с другим: сама она нужна была мужьям, а чужой ребёнок – нет, – делится Анна. – Потом нашла священника. Но в один прекрасный день ей приснился первый муж и сказал: «Я видел тебя, ты стала краше». А дочка во сне спрашивает его: «А почему ты не подошёл ко мне? Ты где?» Тот ответил, что в посадке. Видно, лежит давно зарытый. И решила Инна уйти в монастырь...

Вот они теперь и живут вместе. Анна признаётся, что житьё здесь не из лёгких: нужно подчиняться любому приказу.

– Всё мирское из тебя вычёсывают... Сложно мне, ведь я была общественницей, всегда первая... А тут надо подчиняться, слова поперёк не скажешь. Но что делать, – констатирует женщина.

ПРАЗДНИК

В пятницу у нас объявили выходной, так как был церковный праздник – Воздвижение Креста Господня. Мы направляемся на службу в храм Смоленской иконы Божией Матери. Народу собралось очень много, много было жителей из посёлка.

А на обратном пути в монастырь идём вместе с тётей Галей и инокиней Феодосией. Замечаю недалеко от храма памятник участникам Великой Отечественной войны, подходим к нему. На граните высечено: «Здесь похоронены старший сержант Абрамович П.И., младший сержант Барышников Г.М., рядовой Мартынов В.Я. и 68 советских воинов, павших в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. Вечная память павшим героям». Предполагаю, что как раз имена 68 бойцов, наверное, не установлены.

– Да, жалко, – вздыхает матушка Феодосия. – А в советские времена мы активно занимались поисковой работой.

Оказывается, что она 25 лет отработала учительницей начальных классов, начинала

ещё в советские времена, застала тимуровское движение: школьники тогда помогали участникам Великой Отечественной войны.

– А сейчас даже мои внуки плохо знают историю Великой Отечественной войны, – продолжает Феодосия.

Интересуюсь, что её привело в монастырь. Оказалось, что после армии её сын работал шофёром, однажды решил после работы искупаться в реке. Но попал в водоворот и утонул. Не сложилось и с мужем, развелись.

– Тогда я пошла к бабушке, поделилась горем, и он посоветовал пойти в монастырь, и я 15 лет была в Черниговском монастыре, – рассказывает матушка Феодосия. – Но там большинство монахинь было против России, только три – за. Поэтому и сбежала сюда.

ЛУК

На следующий день пришлось складывать в сетки вырытый монахинями на приусадебном участке лук. Потом перетаскивали к жилому корпусу и складировали на чердаке, чтоб высох. Вначале 60 сеток с луком. Всего полторы тонны. В каждой сетке получилось по два с половиной ведра. Перетаскиваем все сетки на второй этаж. Я поднимаюсь на чердак, а Павел подаёт мне сетку, я тяну её. Потом наверху уже вместе рассыпаем лук. После выполненной работы руки и спину ломит.

ОТЪЕЗД

Вот и наступило время отъезда. Матушка Феодосия приносит мне свойский творог и баночку сметаны:

– Возьми в дорогу, покушаешь! Приезжай к нам ещё!

Я благодарю и обещаю вернуться. Вскоре встречаюсь с матушкой Анимаисой, которая даёт мне иконку Казанской Божией Матери и благодарит за работу. Она рассказывает, что иногда приезжает в Москву, и я обещаю написать ей свою пьесу «Архиепископ Лука».

– Обязательно позвоню, и встретимся, – обещает женщина.

Константин БЕЛЫЙ

Член-корреспондент Российской академии естественных наук (секция «Творчество и гуманитарные науки»). Кандидат педагогических наук. Член Союза писателей России (Московская городская организация). Член Союза журналистов России.

Литературным творчеством занимается с конца 80-х годов. Автор четырёх стихотворных сборников («Русь Исконная», «Игра в 21», «Вешалка», «Сестра таланта»), приключенческого романа, рассказов, автор и соавтор историко-публицистических книг, в частности цикла «Россия: места, события, судьбы». Публиковался во многих коллективных сборниках (более 50 изданий), периодике.

Победитель, лауреат, дипломант различных творческих конкурсов (поэзия, проза, публицистика). Победитель и лауреат конкурсов десяти отделений СПР, отделений РСПЛ, конкурсов различных ЛИТО. Более 15 побед в конкурсах поэтического перевода, в т.ч. трижды – конкурса им. Э. Линецкой Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом).

Живёт в г. Москве.

НАД ЗЕМЛЁЙ

Виток к витку,
стежок к стежку
латает спутник небеса.
И я взлечу!
И я хочу
подняться над Землёю сам.

Над ней парить
и говорить
с Луной и звёздами «на ты».
Вниз посмотреть
и замереть
от невозможной красоты.

И наяву
я в синеву
хочу, как в океан, нырнуть.
И плыть меж звёзд,
где светлый мост
к Земле построил Млечный Путь.

Сверкать лучом
и ни о чём
не волноваться, не жалеть.
И над Землёй
вслед за зарёй
лететь, лететь, лететь, лететь...

ЗВЁЗДЫ

Солнце село в кресло ночи
и на неба тёмный лист
ставит точки, многоточья
острой золотой заточкой,
искоса взирая вниз.

Вдохновенно, скрупулёзно
ковыряет, что есть сил:
время мало, очень поздно,
полчаса – и надо звёзды
разжигать, что день гасил.

Это трудная работа.
Этих точек – миллион,
даже больше: нет им счёта!
Терпеливо ждёт чего-то
сине-чёрный небосклон.

Наконец готово дело!
Солнце на земную ось
лист исколотый надело
и сквозь дырки поглядело –
небо звёздное зажглось!

ЗОДИАК

Небо подаёт нам знаки!
Козероги, Овны, Раки
    смотрят сверху вниз.
Но никто нас не жалеет:
Близнецы ли, Водолеи –
    всех их берегись!

На Стрельцов и Скорпионов
смотрят снизу миллионы,
    верят в чудеса.
Но астрологи, шаманы
предсказаньями обманут,
    глядя в небеса.

Львы, Весы, Тельцы и Девы,
в дни, когда всё прахом, где вы?
    Где вы в тяжкий час?
Вы в беде помочь могли бы,
но молчите вы, и Рыбы
    плавают средь вас.

А по вам, сверкая, мчится
Золотая колесница,
    и – какой пустяк! –
под копыта пылью звёздной
упадёт в бессилье грозный,
    гордый Зодиак.

В КОСМОС!

От спутника до «Поехали!»,
От лайки до «Аполлона» –
Мы космос рубили вежами,
Земли покидая лоно.

Дома на орбите ладили,
Луну сапогом топтали,
Венеру любовно гладили,
По Марсу авто катали.

Вкруг Солнца дороги вспаханы –
Стремим мы ракеты к звёздам!
И в бездну глядим без страха мы:
Спокойно, уверенно, грозно.

Открыли ворота вечности,
Богам бросить вызов смели.
Земля – колыбель человечества.
Не вечно нам жить в колыбели!

НА ЛУНУ

Как-то раз перед Девятым мая
говорит мне дочка Василиса:
«Папа, может, на Луну слетаем?
Через Тулу это вроде близко?»

Говорю: «Давай, но нужно быстро –
завтра ж праздник». Ну мы и рванули:
вызываем гипер-нуль-таксиста –
через пять минут выходим в Тулу.

В космопорт на аэромопеде –
через Тулу в Ясную Поляну:
по Толстовской карте там билетик
оформляем и стартуем рано.

На Луне мы в космозоопарке
монстров созерцали всех планет и
так устали за день, что в запарке
чуть не перепутали ракеты.

Но когда домой вернулись снова,
дочка моя, ёрзая на стуле,
мне сказала: «Было очень клёво!
Только жаль – не погуляли в Туле».

ПРОСТИТЕ НАС

Прости нас, Юрий Алексеич!
Дорогу мы забыли в небо...
И словно первым ты и не был...
И сказка превратилась в небыль...

Прости нас, Алексей Архипыч!
Героев подвиги забыты...
Крест-накрест в космос дверь забита...
Зато всегда полно корыто...

«Союз Одиннадцать», простите!
Что молодёжь о вас не знает...
Успех деньгами измеряет...
И о Вселенной не мечтает...

И вы простите, Сергей Палыч!
Что мы остались в колыбели...
Что к звёздам мы не улетели...
Что вместо звёзд – айфон и телик...

Простите нас, первопроходцы!
Мы славу вашу растеряли...
И всё, за что вы умирали...
Страну великую проспали...

ХОЧУ БЫТЬ КОСМОНАВТОМ

Жила страна давным-давно...
Там было доброе кино,
учили дружбе книжки.
Могли творить, могли мечтать
и даже чуточку летать
девчонки и мальчишки.

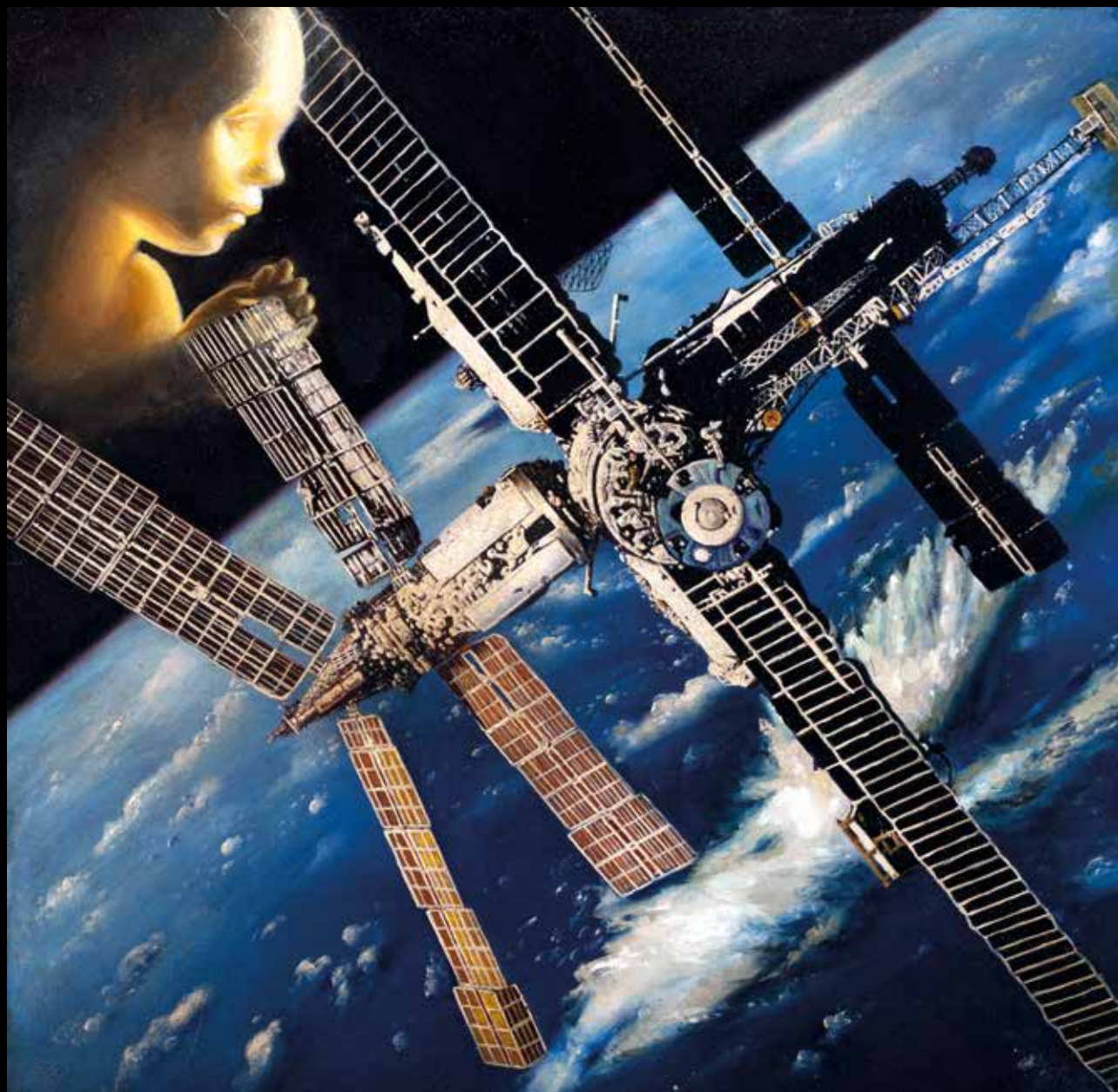
Здесь есть немного волшебства:
они волшебные слова
произнесли когда-то.
Был в первом классе на вопрос:
«Кем хочешь быть?» – ответ их прост:
«Хочу быть космонавтом!»

Ведь в небо устремив свой взор,
страна, всему наперекор,
шагнула первой в космос.
С орбиты громко прозвучал
впервые спутника сигнал
и человека голос.

Мальчишки верили, что час
наступит – на Луну и Марс
флаг водрузит страна та.
Свою судьбу её судьбе
вверяли, говоря себе:
«Хочу быть космонавтом!»

Они спешили повзрослеть,
мечтая к звёздам полететь
в космической ракете.
И быть стремились лучше всех
во всём – и путь мальчишек тех
был прям, достоин, светел!

С тех пор прошло немало лет –
страны волшебной больше нет...
И чья теперь вина в том,
что не горят глаза ребят
и что они не говорят:
«Хочу быть космонавтом!»

Никас Сафронов. Возвращение во Вселенную. X, м. 50 x 50 см. 2003 г.

Никас Сафронов. Антихаос в истории космоса. X, м. 51 x 39 см. 2005 г.

Никас Сафронов. Space. Космос. X, м. 42 x 52 см. 2013 г.

S. NIKAS

Никас Сафронов. Портрет Юрия Гагарина. Х. м., 41 x 60 см. 2000 г.

Никас Сафронов. Рождение новой планеты или Тайна замка Ив. Х., м. 41 x 50 см. 2009 г.

МЫ УМЕЛИ ЧИТАТЬ МЕЖДУ СТРОК

Мы умели читать между строк
И воспитаны были на книгах,
Но, как дети, терялись в интригах
Мы, судьбу принимая за рок.

Мы, играя, творили миры,
Острова в океане искали,
В космос дальний ракеты пускали,
Но к врагам были слишком добры.

В шквал и бурю вели корабли,
Покоряли глубины и горы,
И, деля с ближним беды и горе,
Мы привыкнуть ко лжи не смогли.

Всё пройдя от тюрьмы до сумы,
Нет, не стали мы меньше наивны –
Мы предательством так же ранимы,
Но щедры вновь к предателям мы.

И опять будем верить, что мир
Совершенен и к нам милосерден,
И опять будем думать мы сердцем,
И опять от сумы до тюрьмы...

ОНА БЫЛА ПИЛОТОМ ЗВЕЗДОЛЁТА

Она была пилотом звездолёта,
водила корабли к Альдебарану.
А он – обычным дворником всего-то
и каждый день вставал ужасно рано.

Она по ядовитой атмосфере
летела сквозь тайфуны, смерчи, вихри.
А он махал метлой в пустынном сквере,
покуда город просыпался тихо.

Она была упряма и задорна,
шла в пекло и не думала о славе.
А он вставал с восходом и упорно
ходил с метлой по яви, нави, пра́ви.

Всё кончилось банально, но трагично:
она разбилась где-то на Сатурне.
А он, проснувшись затемно, привычно
сметал листву, бросая мусор в урны.

Они не знали даже друг о друге...
Но что-то с ним произошло такое:
он мёл, но останавливался вдруг – и
смотрел наверх со смутною тоскою.

Никас Сафронов.
Королев Сергей Павлович.
Бумага, сангина, 2011 г.

Дмитрий ДВЕРИЙ

Поэт, музыкант, руководитель группы «Министерство Луны».

Родился в 1982 году в Подмоскowie. Живёт в г. Иваново. Автор более чем полусотни песен и нескольких сборников стихотворений.

1. ПРОГУЛКА

Покидаю маленький, укромный,
Чуть поднадоевший уголок.
Мир – какой ты всё-таки огромный!
Небосвод – как всё же ты высок!

Всё, что было, передумал. Снова
В жизнь свою, как в поле, выхожу.
Что увижу, зарифмую дома
И об этом в книжках расскажу.

Холодно. Измученная осень
Обернулась светлою зимой.
Зеленеют лапы старых сосен,
И стоит нарядный день земной,

Снег и солнце – ласковая нега.
Городок расцвёл, похорошел.
И печаль моя укрылась снегом
И уснула в раненой душе.

2

Я надежды не ведал,
Я спасенья не ждал –
Но с высокого неба
Взгляд на землю упал.

Было больно. Я плакал
От земной простоты,
Но узрел меня ангел
Со своей высоты.

И отныне я спорю
С тем, что ангелов нет, –
Я забыл своё горе,
Я глотал его свет,

Ну а свет тихо падал,
Чувства были чисты,
И смеялся мне ангел
Со своей высоты.

3

По дорогам не первого класса
За неведомым счастьем мчась,
Я загнал своего Пегаса.
Ну а нового – кто ж мне даст?

Гнал, дороги не разбирая,
Думал, мне и сам чёрт не брат.
А дорога попалась кривая...
Только сам, только сам виноват.

Кто силён – ничего не просит,
Только сила – куда ушла?
Заморозила осень, осень,
Не даёт дойти до тепла.

Что ж – пускай! Неужели раскисну?
Глянь – в душе закрома полны!
Время выбросить глупые мысли
И дожидаться новой весны,

Передать стремя и уздечку
Тем, кто едет дорогой большой,
И у тёплой берёзовой печки
Отогреться неловкой душой.

4

Над невысокими домами
Горит осенняя звезда.
Берёзы жёлтыми свечами
Перемежают провода.

Се – родина. Глаза закрою
И на изнанке тёмных век
Увижу то же, но другое:
Дома, деревья, лёд и снег.

И есть вопрос, но нет ответа:
Что спрячет память в закрома?

Я не одно здесь прожил лето,
Но вспоминается не это,
А только – осень да зима.

5

Опустилась тонкая рука
И коснулась бережно страницы.
Этот миг запомнили века
(Знали, что уже не повторится).

Скомканы салфетки – просто так:
Видно, чем-то людям не потрафили,
И волнует – будто тайный знак –
Сельский вид на старой фотографии.

Две берёзы – а под ними дом
С крашенными в голубое ставнями,
Низкая скамейка под окном...
Милое, забытое, оставленное.

Тихо испаряется с лица
Злое, пережитое, угрюмое.
«Мне берёзы эти у крыльца
Ближе и дороже, чем ты думаешь».

Эти наши домики – они,
Как грибы, похожи друг на друга,
Пусть один – на севере страны,
А другой – под жарким солнцем юга».

Я не знаю, что их ждёт потом,
На пересеченье биографий.

...Двое засиделись за столом
Над альбомом старых фотографий.

6. АПРЕЛЬ

Апрель своей весною закружил,
Позвал идти в далёкую дорогу,
И тот, кто жизнь как будто бы прожил,
Решился вдруг пожить ещё немного.

Казалось, больше нечего терять.
Хотелось только вечного покоя.
Но разве можно тихо умирать,
Когда вокруг свершается такое?

Ручьи стремят к реке свой звонкий бег,
Река срывает ледяные сети,
И человек смеётся сам себе,
Без шапки опрокидываясь в ветер,

И думает, прищурившись на свет,
Что стоит жизнь открытого забрала,
И что ему не так уж много лет,
И что не поздно всё начать сначала.

7

Когда по осени краснеет
Рябина за моим окном
И облетевшие аллеи
Молчат о времени ином,

Иду гулять легко и быстро
По засыпающим лесам –
Там пусто, холодно и чисто
Во славу вечным небесам.

Летит в открывшуюся просинь
Дымок счастливого костра.
Я полюбил старуху осень,
Что на поверку не стара,

И нет ни горя, ни обиды,
Как будто видится вдали
Через дожди и панихиды
Великий смысл живой земли.

Ольга ОЛЕЙНИК

Ольга Сергеевна Олейник родилась 14 марта 1982 года и живёт в городе Воронеже. Участница молодёжной литературной студии «Современник» при Воронежском отделении Союза писателей России. Публиковалась в литературно-художественном журнале «Подъём», в литературно-художественном и общественно-политическом журнале Союза писателей России «Берега», в литературно-художественном журнале «Изысканная словесность», в литературно-художественном журнале «Русское эхо» (Самара, 2025).

Лауреат XXI Международного фестиваля женской поэзии имени Зинаиды Филатовой (Новый Оскол, 2024). В 2025 году вышел первый сборник стихов – «Светотени».

* * *

В воздухе лёгкий дымок угадан –
Дворики, небо, земля и ладан.
Красный трамвайчик, нарциссов стрелки,
Дождь в палисадники – частый, мелкий.
Дни перед Пасхой страстной седмицей...
Первые всходы, побеги, птицы.
Чуть сладковато на вдохе. Сыро.
Долго скрипящей калитки лира
Тянет на входе вторую ноту...
Первую – дождь (ждали в ночь субботы) –
Только сегодня прокрался краем
Сквозь тишину городских окраин.
И в послезвучие первой ноты
Сломленный, тихий, усталый кто-то
(Чуть не исчезнувший в зимней хмари),
Словно запнувшись на тротуаре, –
Вдруг встрепетается в ином обличье,
Смысл разгадав разговоров птичьих...
Там, где горбатится ветхий мостик,
Сыплет весна клейких почек горсти.
Сеет спокойно и неумолимо
Новые силы, судьбу и имя.

* * *

Обещай!
Замечать опрокинутый в небо лес.
Новым днём дышать, будто он воскрес
После сотни падений на дно времён...
Обещай дышать каждым новым днём!
Вспоминать, как пахнет весенний свет,
Когда света, кажется, вовсе нет.
В синих сумерках с лёгкостью узнавать
Тишину, способную исцелять.
Обещай себя жизни из года в год!
Смерти все мы обещаны в свой черёд.

* * *

Самые нежные поцелуи –
В висок, в губ уголки.
Дай не сорваться всуе
Слову с лихой руки.
Вверх паутины... осень
Солнцем сухим в ветвях.
Август под сердцем носит
Сны о больших дождях.
Дай же теперь о большем!
Господи, не в укор...
Чтоб ни больней, ни горше –
Видеть как есть, в упор.
Слово что заклинанье
(Ближе, к щеке щека) –
Самым живым дыханьем
Кружится у виска.

* * *

Смотреть вперёд и не считать ступени...
В тени пока ещё плюс двадцать пять.
И берег, словно кошка на колени,
Ложится в тёплом мареве дремать.
На камне неслучайная газета –
Всё вертится теперь на языке
Вопрос, внезапно ищущий ответа:
«Ты веришь?..» – в напечатанной строке.
А мне и веры до смешного мало...
Она бывает яркой и слепой.
Смотреть вперёд – на берег у причала,
Где всё преображается водой.

И точно знать, что в спину дышит осень,
 Что это лишь начало и канун
 Ещё не сотворённых новых вёсен
 И небом не рождённых новых лун.
 И понимать, спокойно принимая,
 Глубинную природу всех вещей,
 Когда стихия, тешась и играя,
 Меняет курс идущих кораблей.

* * *

На воду охлаждённую похож
 Осенний воздух в яблоневых кронах.
 И ты сквозь сад рассеянно плывёшь
 И выплываешь на побережье Дона.
 Мгновение назад ещё темно,
 Но шаг – и свет стремительно разбужен...
 Ты будто погружаешься на дно
 И, оттолкнувшись, движешься наружу –
 Где девочки смеясь бегут к реке,
 Где тает сумрак в живости улыбок,
 И листья, опадая, льнут к руке,
 Как стайка разноцветных лёгких рыбок.

* * *

Долгий глоток вина и ноябрь подкожно.
 Ветер его в проулке, шальной и грубой,
 Лепит пощёчины, в уши свистит безбожно,
 Крепко целует в сжатые плотно губы.
 Мне под пальто сжиматься тугой пружиной,
 Нервным комком... исчезнуть скорее проще.
 Пусть на углу рывками толкает в спину.
 Просто закрыть глаза. И к тебе на ощупь.
 Жаль, не курю, а лучше бы сигарету –
 Горьким сейчас навзрыд захлебнуться дымом.
 Словно без кожи, молча, в сквозняк, раздетой,
 Мимо досужих глаз... и бесстрастных мимо.
 Заданный курс, как будто дорога в Мекку, –
 Через квартал, гордыню, ноябрь и лужи.
 Боже, как мало надобно человеку...
 Быть бы собою там, где он правда нужен.

* * *

Чуть только светает, и снежный рой
 Бросается живо к оконной раме
 И мечется бешено меж домами,
 Весь свет поглощая одним собой.
 И серые стены жилых домов
 Выходят оттуда, где мне семнадцать...
 Где можно легко допоздна остаться
 За щедрым теплом гостевых столов.

И снег оживает во всём подряд...
 Летит к мандельштамовской местной «яме» –
 Здороваясь с теми её жильцами,
 Чьи тени по окнам в него глядят...
 И всё ещё шепчут обрывки строк,
 Что липнут со снегом к оконной раме,
 И слышатся в гуле пурги стихами...
 С семнадцати лет накопившись впрок.

* * *

Мокрый снег из туманной горсти,
 Белый свет за стеклом на вёрсты –
 Заплетая сухие травы,
 Ветер стихнет на дне канавы.
 И поднимется тишь... и чувство,
 Будто там, где сейчас так пусто,
 Есть чему-то большому место –
 Ему будет легко, но тесно.
 И тогда ждать весны так просто,
 Примеряя себе по росту
 День растущий, кусочек поля...
 Корни вглубь, ветви здесь, на воле.
 Время тенью к весне крадётся.
 Лёд поджарист на зимнем солнце.

* * *

Вышито светом и брызгами спелых вишен...
 Дождь возвращается, ходит по скользкой крыше –
 За купола, за край, исчезает где-то.
 Сколько его осталось теперь у лета?
 Не отвечай. Чему-то бывать случайно.
 Жизнь ведь всегда, по сути, большая тайна.
 Вышита тонкой нитью на пёстрой ткани...
 Что там ещё за этими облаками?

ЦАРСКИЙ ПОДАРОК

РАССКАЗ

Олег АЗАРЬЕВ

Светлой памяти моей жены Валентины

Трое всадников медленно выехали на широкий луг из-под вековых деревьев с тенистыми кронами, остановили коней и некоторое время молча осматривали окрестности. Вернее, двое разглядывали склон горы, привставали на стременах, вытягивали шеи, а третий, позади них, длиннородый немолодой проводник в облезлой шапке, в заношенном халате, пропахшем чесноком, дымом и жареным бараньим салом, опустил голову и то ли задумался, то ли задремал.

Поросший лесом склон горы справа от всадников уступами уходил вверх, а слева,

также уступами, довольно круто сбегал вниз, к морю. Море отсюда тоже было видно – далёкое, серо-синее, в ряби волн.

Ослепительное летнее солнце на чистом бледно-голубом небе близилось к зениту, припекало. В траве журчали ручьи, над цветами порхали бабочки, жужжали шмели, тёплый лёгкий ветерок слабыми порывами лениво шелестел тёмно-зелёной сочной листвой. Маленькие низкорослые кони местной породы под всадниками, опустив головы, хрустели травой, переступали копытами, позвякивали сбруей, взмахивали хвостами, отгоняя слепней.

Молчание нарушил пожилой всадник, по-южному смуглый, чернобровый, кареглазый, с закрученными сверху чёрными усами, в

мундире офицера без эполетов, как одевались отставники, в круглой чёрной барашковой шапке. Вместо кокарды на шапке блестела эмблема в виде изящной женской ладони.

– Мы точно на месте? – спросил он по-гречески у спутника.

Второй всадник, молодой, тоже смуглый, с курчавыми бакенбардами и небольшими подстриженными усиками, в армейской треуголке, в мундире майора с блестящими эполетами, пожал плечами.

– Я тоже здесь впервые, господин Кацонис, – ответил он по-гречески, затем обернулся в седле к проводнику и спросил по-турецки: действительно ли они там, куда просили отвести.

Проводник поднял голову и с готовностью сообщил, что они действительно на восточном склоне горы Могаби, который в народе прозвали «Священный луг», Аллах тому свидетель.

– Проводник божится, что мы на так называемом Священном лугу, – сказал майор.

– Что ж, места красивые, но дикие, – раздумчиво проговорил Ломбро Кацонис, отставной морской волк, знаменитый корсар императрицы, гроза турецкого и алжирского флотов, соратник Потёмкина и Ушакова. Он принес клятву верности императрице и с тех пор носил на шапке серебряную копию ладони Екатерины Великой. – В любом случае царский подарок не может не нравиться. – Он взглянул на майора. – А как тебе эта земля? Купил бы её у меня? Что скажешь, Феодосий?

Командир греческого Балаклавского полка Феодосий Ревелиоти, соратник по морским подвигам Кацониса, подумал, покачал головой и с улыбкой ответил:

– Место и впрямь дикое. От жилья далеко. Много денег и труда надо потратить. А я не настолько богат, да и времени на строительство усадьбы нет. После того как вы ушли в отставку, доверив мне полк, он отнимает у меня все силы... – Ревелиоти помялся. – Хотя, возможно, и прикупил бы. На будущее. Но ведь вы, ваша милость, не продадите.

– Императрица не оценила бы моего поступка, – хохотнул Кацонис. – Однако, я слышал,

ты и так понемногу скупаешь участки земли на побережье. Впрямь, так сказать.

– Именно! Про запас. На старость. – Они опять помолчали, потом Ревелиоти осторожно проговорил: – Охота здесь, полагаю, хорошая. Но как же тут что-то строить? Ума не приложу. Ни людей, ни дорог... Вы, господин Кацонис, трудностей не боитесь, а вот я бы не взялся.

– Да, нелегко будет освоить эти земли, – сказал Кацонис, или, как его фамилию на итальянский манер произносила императрица, Качиони. – Но если приложить усилия, да с умом... Смотри, сколько вокруг леса и скал – вот тебе и материал для стройки. А людей я найму в Карасубазаре.

– Кстати, а как же ваше имение в Карасубазаре? Не придёт ли оно в запустение?

– Там ведь всё давно построено. И построено ещё для её величества – когда она приехала в Тавриду. И, скажу по секрету, у меня сохранились сбережения со времен абордажей, есть что вложить в этот участок. А в Карасубазаре я собираюсь наладить производство виноградной водки. Пить её Коран местным жителям не запрещает, так что будет сбыт. И управляющий там смышлёный, бывший мой главный канонир. Ты его знаешь. Да и жена за помещьем присмотрит.

– Виноградную водку делать будете? Впервые слышу о такой.

– Французы её готовят из белого сухого вина и называют граппой. А я во Франции вы знал, как её гонят. Оказалось, довольно просто.

С того момента как прозвучало имя Кацониса, проводник оживился и насторожённо прислушивался к беседе двух греков. Он переводил взгляд с одного на другого, но, к своей досаде, не понимал почти ничего – говорили оба, мешая греческие и русские слова. Проводник знал кое-какие греческие слова, но русские не знал вообще.

Кацонис заметил внезапный интерес проводника и произнёс на русском:

– А проводник-то слушает нас...

Ревелиоти искоса глянул на проводника и отозвался, тоже по-русски:

– Слушает, но вряд ли много понимает. Не думаю, что староста захоластного рыбацкого посёлка... как его... Ялта... подсунил нам ненадёжного проводника... Да ведь мы, в общем-то, ни о чём тайном и не говорим.

Кацонис вздохнул.

– Турок с полуострова выбили, но тут осталось много их шпионов, да и сочувствующих немало. – Он опять окинул взглядом склон горы. – Прямо на лугу я поставлю дом. Здесь много солнца, море, тепло даже зимой – можно будет разбить виноградники. И тут хорошее вино получится. Я совершенно уверен.

– Я бы здесь высадил оливковую рощу, – сказал Ревелиоти, – и давил оливковое масло, как на родине, в Элладе.

– Вот ты и посади рощу, – откликнулся Кацонис, усмехаясь. – Ты молодой, дождёшься, пока деревья вырастут и начнут приносить урожай. А у меня времени не так много. Мне и виноград в самый раз. Но первую бутылку вина мы с тобой обязательно разопьём за её величество Екатерину.

– Не трудно ли будет разрываться между Карасубазаром и... – Ревелиоти запнулся. – Вы уже придумали, как назовёте здешнее имение?

– Места тут так похожи на мою родину в Элладе, в Беотии... – Кацонис ещё раз обвёл глазами гору, море и небо. – Назову его, как мой городок у подножия горы Геликон, Ливадия¹.

Он развернул коня и тронулся в обратный путь. Ревелиоти и проводник последовали за ним. Когда по узкому деревянному мостку без перил они перебрались через горную речку, с шумом бежавшую по крутому склону, Ревелиоти заметил:

– Завтра же всё побережье будет знать, что знаменитый Кацонис поселился возле посёлка Ялта. А ведь у вас немало врагов.

– Ну и пусть, – спокойно произнёс Кацонис. – Одни будут рады такому соседу, другие изойдут от злобы и ненависти, третьи начнут скрежетать зубами от чёрной зависти – как придворные в Санкт-Петербурге. А мне всё равно. Я трусом никогда не был. К тому же я теперь мирный гражданский человек... До следующей войны.

* * *

Ломбро Качиони построил в Ливадии небольшую усадьбу, разбил первые виноградники. Он пережил Екатерину Великую и даже успел получить драгоценный перстень с благодарственной надписью от Павла I, которого тоже пережил.

Однако враги не забыли об отважном борце за независимость Эллады, знаменитом и удачливом корсаре, капитане российского Черноморского флота.

В 1804 или 1805 году (по разным сведениям), когда Качиони ехал из Карасубазара в Ливадию, он неосмотрительно взял в карету незнакомого попутчика, а тот угостил его отравленным кофе. Умирая, Качиони заколол подосланного турками убийцу кинжалом. Карета привезла в Ливадию два уже остывших тела. Отравителя никто не опознал. Самого Качиони похоронили в Ливадии. Со временем могила его затерялась.

Вскоре после его смерти Ревелиоти, дослужившийся до генерала, выкупил Ливадию у вдовы корсара – красавицы турчанки, дочери коменданта одного из островов Эгейского моря. Ломбро взял её в плен на захваченном турецком корабле. Пленил, влюбился и женился.

В Ливадии Ревелиоти посадил-таки оливковую рощу и, наряду с вином, производил, говорят, неплохое оливковое масло. Потом у Ревелиоти за большие деньги выкупил имение известный политик и богач граф Потоцкий, а после его смерти дочери графа продали имение августейшим Романовым. Каждый новый владелец достраивал и перестраивал усадьбу, так что за век с небольшим она превратилась из неприятельного жилища отставного корсара в великолепный императорский белый дворец.

Кстати говоря, один из многочисленных потомков Ломбро Качиони написал очень интересный многотомный труд «В дебрях Крыма».

Скромный бюст основателя Ливадии не так давно установили в Севастополе, во дворе одной из школ. В самой же Ливадии ничего не напоминает о национальном герое Греции, славном Ломбро Кацонисе-Качиони, верой и правдой служившем России.

И это совершенно несправедливо.

¹ Ливадия в переводе с греческого – «луг» (прим. автора).

ДОРОГА В СВЯТУЮ ОБИТЕЛЬ

ОЧЕРК

Юрий АЛЕКСАНДРОВ

I. ДОРОГА

Мысль о путешествии в Николо-Сольбинскую обитель – русский православный женский монастырь, единственный в мире имеющий сразу три (!) колокольни, – так-таки и воплотившаяся в жизнь 13 июля 2024 года, в день когда Православная церковь празднует Собор двенадцати апостолов, отмечаемый на следующий день после празднования памяти первоверховных апостолов Петра и Павла, возникла у меня как-то вдруг – неожиданно-негаданно, но не просто так. Мой одноклассник Павел, с которым мы не встречались чуть ли не со школьного выпускного бала, то бишь уже более сорока годов, пригласил меня на фестиваль колокольного звона в эту самую святую обитель. Он рассказал, что является соорганизатором этого мероприятия, а кроме того, ещё

и примет в нём участие лично, потому как сам служит звонарем в храме Архангела Михаила, что в селе Загорново Раменского района Московской области, уже много-много лет.

Нужно признаться: с ходу благодарно приняв предложение Павла – безусловно, интересное и впечатляющее, – изучив в дальнейшем различные маршруты и способы¹ перемещения в ту пúстошь² из своего нынешнего пристанища – с противоположной стороны Московской области, – я рассчитал, что на одну только её колёсную составляющую в оба конца – от дома до обители и обратно – придётся никак не менее десяти (!) часов. Учтя же, что по дороге мне предстоит сделать двенадцать (!) пересадок с одного вида транспорта на другой, то есть моё путешествие непосредственно привязано

¹ Для себя я составил дюжину вариантов.

² Пустынь (или пúстошь) – в православной (русской, в частности) традиции – келья, скит или монастырь, располагающийся в пустынной, незаселённой местности или значительно удалённый от основного монастырского поселения.

к расписанию автобусов, электричек и маршруток, мне вменяется также принять и следующее неизбежное: она – дорога – назначает время моего выхода на неё на 04:00 и приводит стрелки часов возвращения в мои пеналы к циферблатному апогею – к 24:00. Значит, всё моё путешествие займёт без малого сутки! Ошалев от такой перспективы и усомнившись, выдержу ли я всё это чисто физически, опасаясь, что мой личный «апогей» наступит раньше циферблатного, я тут же стал искать повод для себя и оправдание перед Павлом: как бы так обставиться какими-нибудь причинами невозможности выполнения моего обещания («буду обязательно!», «не премину!») – ну чтобы не ехать.

Однако практически накануне колокольного фестиваля в моей жизни произошло скорбное событие – скончался мой старший двоюродный брат Артур, с которым мы были духовно близки, который помогал мне в делах и научил многому. Это и определило: «Каких бы усилий это мне ни стоило, но я обязательно посетую это святое место – пусть все дорожные препоны и возможные путевые испытания обратятся как бы моим паломничеством!» А посему ехать нужно – всенепременнейше! К тому же моя житейская опытность давно мне доказала, что в мире ничего просто так не случается: ни в явлениях, ни в замыслах, ни в поводах или причинах к их непременно воплощению.

Итак, пошли-поехали.

Я поставил будильник на три тридцать утра, дабы перед выходом успеть выпить чашку кофе, покормить свою кошку и своевременно прибыть в точку начала своего паломничества – на автобусную остановку, с которой на дежурном автобусе для сменного персонала окрестных предприятий добраться до железнодорожной станции, находящейся в нескольких километрах от меня. Чтобы уже с неё на первой же электричке отправиться в своё пятисоткилометровое путешествие.

Проспал всего-навсего три часа, меня что-то пробудило ещё до сигнала будильника, сразу же настроив мою нервную систему на взволнованное равновесие, показавшееся

мне почему-то естественным. Хотя, наверное, и потому, что накануне я лёг почивать лишь с одной данной себе установкой – не проспать! Когда открыл глаза, ещё не успев подумать, дескать, не пора ли вставать, заведённый сигнализатор точно в установленный ему срок разразился неистовыми воплями: «Встать! Вста-ать! Вста-а-ать!»

Пропуская подробности щепетильных сборов в дальний путь, а также нюансы многократно за многие годы проделанного мною пути – от моего пристанища до города Сергиев Посад, – продолжу с того момента, когда я уже прибыл на его железнодорожный вокзал. И даже чуть дальше: начну с того, что я, заняв своё место во вполне комфортабельном автобусе межрайонного сообщения, отправился с городского автовокзала до села Нагорье. Кстати, в том селе есть чему подивиться. К тому же оно находится всего-то в сорока пяти километрах (против пятисот, что мне предстояло преодолеть) от города Переславля-Залесского, входящего в Золотое кольцо России. В Нагорье мне следовало поменять колёса ещё раз, чтобы на маршрутке местного значения уже через каких-то двадцать – двадцать пять минут прибыть в пункт моего устремления – Николо-Сольбинскую киновию¹. Конечно, есть, ну по крайней мере была, возможность добраться туда и прямым автобусом из Москвы. Но расписание его движения уж больно жиденько-хлипенькое. Да и транспортно-пересадочные перипетии всегда добавляют впечатляющую гущу в скудное ожидание маршрутного конца.

Да, замечу, что чрезвычайно повезло с погодой: ясное небо с небольшими перистыми облачками, щекочущими глаза своею утреннею девственностью, сбивающимися то там, то сям в скромные венчики, не бросающие при этом и пятнышка тени ни на что, а лишь придающие шарм лазоревой вышине над головой, подчёркивающие её бесконечность, чистоту и непредвзятость. Хотя гидрометцентр и назначил погоде быть сегодня переменчивой, ничто не давало и капли сомнения, что эта поездка

¹ Киновия – монастырь с общежительной формой проживания послушников (в отличие от келии и скита), которым руководит игумен/игуменья.

не останется не запечатлённой во мне на долгие годы, а коли сподобиться, то и навсегда.

С автовокзала Сергиева Посада мы отправились точно по расписанию в 09:30. Объезжая центральные, полные туристов и светофоров улицы по старинным улочкам и переулочкам, полупустой автобус уже через пятнадцать минут и без особой натуги выбрался из городской застройки за её черту. Урбанистическая архитектура и мирская суета скрылись долой и с глаз моих, и из водительского зеркала заднего вида, как будто бы всего этого каждодневного человеческого бытия в них и не бывало, очистив взоры для иной красоты.

Мы въехали в другой мир – волшебный своим безмятежным спокойствием, полной чашей и бескрайней радостью. Так всегда представляется гостям чужая жизнь: мол, сплошь чудеса природные нерукотворные, обустроенность, за так кем-то данная, заполненная манной небесной, да беззаботье всех и каждого в абсолютном счастье.

Мчались мы по этому счастливому новому миру без толчков и привередливостей, миру сказочных полей и лесов, холмов и болот, время от времени охотливо и бесстрастно перемежающихся между собой и меняющихся друг с другом местами. Правда, иногда, ну так – для разнообразия, чудесная сказка за окном притормаживала, спотыкаясь о свои небольшие, порою древние веши, чаще проскакивающие мимо нас почти незамеченными, потому как автобус, чуть пригашая свою скоростную удаль, останавливался буквально на минуту только в некоторых из них, да и то лишь «по требованию». В остальном же – звенящая чистыми колокольцами да бубенцами полудикая первозданность. Приставка «полу» к слову «дикая» оставалась неотъемлемой его частью весь путь нашего следования, и только потому, что мы ехали и в самом деле в нестаром, прибабашенном всяческими гаджетами автобусе по добротной двухсторонней асфальтированной, со свежей разметкой трассе с артикулом 46К-8400 – вполне земной и цивилизной и почти без рекреативных помех.

Но всё это не умаляло, не коробило высокопарных впечатлений. А скорее, наоборот: подчёркивало на контрасте то, что дорога наша – праведная, что всё это и есть наша жизнь, наша страна, прокладывающая свой истовый путь и истово же по нему идущая. И все мы – и в ней, и на этом пути – не гости, не попутчики, не мухи на возу, отнюдь, но (!) резиденты, то есть граждане своей – нашей – страны России на все сто. И это едино и всецело! А ещё и то, что всё наносное и скверное сгинет однажды из нашей жизни, провалится в тартарары, когда наступит тот благословенный миг.

Я алкал красоты Смоленско-Московской возвышенности, упивался ими и не мог насладиться вдоволь. Она поражает своей непохожестью на какие-либо другие физико-географические автономии: здесь и высокие холмы, они же низкие горы – где-то абсолютно лысые, где-то заросшие всем чем угодно; и бескрайние урочищные равнины с лесами и перелесками, с полями и лугами, с бесчисленными речками и речушками, с непроходимыми болотами и марями¹, трясиными и топями. В летний зной равнина представляется то ухоженными полями или разноцветными лугами, то выжженной степью, разрезаемыми лесными клиньями и перелесочными клинками. Всё показанное она постепенно уводит за черту горизонта или же упирает в трепещущую в дальнем мареве лесную ленточку, больше похожую на горную гряду или же на мираж на столь неизмеримом на глазок расстоянии. Или заменяет их долготу на поднимающиеся перед глазами до небес непроглядные боры и чащи. Время от времени странствующий оказывается то на дне лощинной долины, то как будто бы на вершине лобного плоскогорного плато. Оттуда – с вершины – пред его взором распахиваются наши бескрайние просторы, сравнимые разве что с природными широтой и открытостью души русского человека.

Феерическое буйство полевых и луговых цветов, злаков и разнотравной дурнины² – люпина, пижмы, ромашек, рапса, сурепки, ко-

¹ Марь – болото с выросшими на нём деревьями.

² Дурнина – сорная и/или неухоженная растительность, в частности травянистая.

выля, репешки, репейника всех цветов и оттенков белого, розового, красного, фиолетового, лилового, зелёного, золотого, жёлтого – являлось повсеместно. Разноцветье, уж я и не знаю, каким образом и по чьему повелению, то сбиваясь полковыми коробками, как на праздничном параде – по видам и родам войск, то смешиваясь друг с другом, как по команде «вольно, разойдись», или же как трудящиеся на первомайской демонстрации – то кучкующиеся, то разбредаящиеся, встречало и провожало нас на всём пути, приветливо гордясь собой, наполняя наши глаза белой завистью к его стройной и одновременно безмятежной жизни. Издали эти поля походили на лоскутные одеяла с калейдоскопическими в своей неповторимости и изменчивости узорами, которые когда-то шили мои бабушка и мама.

С бесподобием лугов и полей конкурировали лишь столь же чудотворные величественные лесные чащи. Мы влетали с открытых просторов в густые кущи как-то вдруг – без прилёсковых прелюдий: р-р-раз – и мы уже там, как в детском фильме «Сказка о потерянном времени»¹. Световая ярость в одно мгновение оборачивалась вечерними сумерками: с непривычки от такой резкой перемены глазам казалось, что свету пришёл конец, что его вмиг вырубил. Обратный процесс – выезд из чащобы – происходил столь же стремительно: вр-р-раз за окнами автобуса вновь являлся озарённый праздничный парад – как будто бы по какому-то чародейскому мановению в кромешной темноте начиналась яркая, сочная, неестественно контрастная круговая кинопанорама.

Дорога то плавно поднималась, то полого спускалась. На двух или трёх её отрезках она взмывала вверх, а потом стремглав бросалась вниз, да так, что при подъезде подъём был виден за километр, а при спуске о его конце невозможно было и догадаться. Несколько мест напомнили мне езду по горному серпантину: с крутыми поворотами на углах холмов перед глубокими, заросшими дурниной оврагами, на дне которых случались или непроходимые балки, или затиненные болота.

По пути мы пересекли множество малоприметных, а иногда картинно живописных ручейков и речушек с самоговорящими названиями – Дубна, Шустра, Чёрная, Берёзовка, Волинка, Каменка, Мечка. Самой широкой предстала река Нерь (или Нерь Клязьминская), что означает «лей», впадающая в Волгу. Саму же Нерь питает речка Сольба, на берегу которой и устроилась та обитель, куда я держал свой путь. Некоторые уречья² местами были обустроены незатейливыми, но удобными обихожными песчаными пляжами.

Кстати, название реки Сольба этимология³ относит как один из вариантов к угро-финским корням и растолковывает как «живая вода». Или же как «посольство», то есть «посещение» кого-либо или «прибытие» куда-либо.

Взгляд кидался слева направо и обратно, стараясь разглядеть, и объять, и запечатлеть всё, до чего он дотягивался, к чему прикасался, что никак нельзя было пропустить. Неисчезающий, явственный восторг от всего этого зрелища и поминутное желание взять да и умолить водителя замедлить ход, а лучше и вовсе остановиться, чтобы, выбежав из автобуса, смешаться самому с этим трепещущим, блаженным разноцветьем, дабы поближе, повнимательнее рассмотреть и тактильно ощутить все краски, а ещё б лучше – с разбега бухнуться в это блаженство всем своим телом, сознанием и душой, в унисон вопияли: «Ты ищешь смысл?! Он – в гармонии!»

А мы всё ехали и ехали. Душа плыла по волнам блаженственного созерцанья. Тогда мне вдруг захотелось, чтобы эта дорога к храму не кончалась никогда. И как потом окажется, с такой же жадной я пожелаю не покидать ту святую обитель, до которой всё-таки доберусь точно в срок.

Это просто был какой-то абсурд, ну в лучшем случае сюрреализм – одновременные и стройность, и хаотичность всего творившегося и вокруг, и внутри меня. И лишь по причине спёршегося в зобу дыхания да ещё и из-за того, что мы всё ж таки ехали в рейсовом автобусе,

¹ Художественный фильм-сказка 1964 г., режиссёр-постановщик Александр Птушко.

² Уречье – береговая полоска вдоль реки.

³ Этимология – наука, раздел лингвистики, занимающийся историко-структурным происхождением слов.

шедшем строго по расписанию, утверждённому местным АТП, ни я, ни кто-то другой так и не решились принудить водителя прервать его беспрестанную монотонность – профессиональное выполнение своей работы, дабы, раскрыв чакры, познать прелесть гармонии окружающего нас мира.

Наивысшей же точкой на пути нашего следования – на 167-метровой высоте над уровнем моря – стало село Нагорье, где я сделал пересадку на маршрутку. И уже менее чем через полчаса предстал перед воротами охранной белокаменной стены святой обители, расположенной посреди расступившегося перед ней южно-таёжного соснового бора, наполненного памятными запахами Балтийского взморья.

На мгновение задержавшись под арочным входом с иконой святителя Николая и с частичей его мощей над ним, оглядевшись по сторонам, словно чего-то ища – то ли чтобы не забыть своё, то ли чтобы найти, не знаю уж чего или кого – силу в себе или чью-либо поддержку, – я перешагнул порог и вошёл в обитель.

II. ИСТОРИЯ МОНАСТЫРЯ

История зарождения Николо-Сольбинского женского монастыря берёт своё начало в глубокой древности и исходит от мужской пустыни святителя Николая, появившейся на реке Сольбе на Быльцыном поле в четырёх километрах от нынешнего своего месторасположения. Точная дата возникновения той пустыни неизвестна. Но в писцовых книгах¹ первой половины XVI века имеются сведения о её наличии и сельскохозяйственной деятельности, по которым возможно сделать вывод о том, что в конце XV века святая пустынь уже существовала.

В 1506–1511 годах там же, на Быльцыном поле, зарождается Николаевский пустынный монастырь на Сольбе, который, по определённым косвенным обстоятельствам, возмож-

¹ Писцовые книги – делопроизводственная документация, которая составлялась в России в XV–XVII вв. в ходе и по результатам писцовых описаний земельных угодий, городской и сельской недвижимости, данных о составе населения и возложенных на него податях и повинностях.

но связать с самим преподобным Сергием Радонежским. В Смутное время², примерно в 1609 году, оба монастыря были полностью уничтожены польскими захватчиками.

Второе рождение обители произошло в 1710 году, когда по прошению архимандрита Варлаама (в миру – Высоцкого)³ – духовника императриц Екатерины I и Анны Иоанновны – земли разрушенных монастырей были переданы в ведение Борисоглебского Песоцкого монастыря. Варлаам всю свою жизнь имел особую заботу о Сольбинской пустыни. Его трудами и на его личные средства там были построены каменный Успенский храм и деревянная Никольская церковь с приделом великомученицы Варвары. После пожара 1725 года церковь под попечением отца Варлаама была вновь отстроена и им же освящена: он продолжил обеспечивать монастырь необходимой утварью и всячески его поддерживать вплоть до своей кончины.

Но в конце XIX века монастырь пришёл в полный упадок. Поэтому в 1903 году он был преобразован из мужского в женский. Настоятельница была назначена игуменья Макария (в миру – Скудина), при которой обитель достигла подлинного расцвета: здесь подвизалось более 100 сестёр, имелось обширное хозяйство и немалый достаток.

В начале прошлого века очередная смута, а затем Первая мировая война (1914–1918 гг.), революции 1917 года и последовавшая за ними Гражданская война (1918–1922 гг.) вновь круто изменили смиренный уклад святой обители. Так, в декабре 1918 года в помещениях монастыря была образована коммуна. Там же расположился ещё и детский дом.

Однако уже в 1923 году все эти мирские образования на территории монастыря пре-

² Смутное время – период истории государства Российского с 1598 по 1613 г., начавшийся со смены царской династии Рюриковичей и завершившийся воцарением на русский престол Михаила Фёдоровича – первого правителя Руси из династии Романовых. На этот период приходятся и правления Бориса Годунова, и приходы Лжедмитриев, и польско-литовская и шведские интервенции, и освободительный подвиг Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского, и крестьянское восстание Болотникова, и интриги бояр Шуйских.

³ Родился в 1665 году в селе Домодедово Подольского уезда Московской губернии, скончался 25 июля 1737 года и захоронен в Свято-Троицкой Приморской пустыни.

кратили своё существование. Хотя монахини и продолжали посещать его Успенский храм, в 1937 году помещения монастыря всё же были закрыты. Несмотря на это, игумен Игнатий (в миру – Савочкин), настоятель Успенской церкви с 1923 по 1937 год, продолжал тайно духовно окормлять¹ прихожан, включая и полторы дюжины сестёр- послушниц: община принимала новых членов, отец Игнатий совершал тайные постриги.

Усилившиеся же гонения на веру привели к полному изничтожению паствы и разгону монахинь, две из которых – Анна Никитина и Агриппина Кукушкина – попали в заключение. 20 августа 1937 года игумен Игнатий был расстрелян. Вместе с ним казнили и иеромонаха Паисия (в миру – Елисеева), проводшего в храме всего две службы. Место их захоронения неизвестно до сих пор.

В конце 1930-х годов монастырь вновь стал пристанищем для социально незащищённых: в нём открыли Сольбинский детский дом № 4 смешанного типа, то есть для мальчиков и девочек. В 1940-х годах там находилось около 40 детей – с двухлетнего возраста и до девятого класса. В конце 1940-х – начале 1950-х годов там же расположили ещё и интернат для инвалидов Великой Отечественной войны.

В 1954 году Сольбинский детский дом ликвидировали. Спустя семь лет та же участь постигла и интернат для инвалидов: на их месте была создана областная психиатрическая больница. 13 сентября 1994 года психиатрическая больница была закрыта. А полуразрушенные и изуродованные строения монастыря возвернули в лоно Русской православной церкви.

26 января 1999 года настоятельницей Николо-Сольбинского женского монастыря была назначена монахиня Еротида: 1 февраля она прибыла туда с тремя послушницами. Во многих лишениях, но с истовой верой они приступили к возрождению и восстановлению святой обители...

С тех пор трудами, стараниями и верой игумении Еротииды, сестёр обители и других

¹ Духовно окормлять (церк.) – 1) пастырское попечение о спасении, заключающееся в духовном наставничестве и молитве; 2) духовное наставничество вообще.

добрых людей святая пустынь обрела новую жизнь. Теперь в монастыре построено и достраивается 12 храмов (храм Святителя Спиридона Тримифунтского, храм Святителя Николая, Успенский храм, храм Блаженной Ксении Петербургской, храм Преподобного Сергия Радонежского, храм Мученицы Валентины и другие), часовня, купальня на одном из природных источников реки Сольбы, жилые и хозяйственные помещения, рукодельные мастерские, создан медицинский центр; при обители открыты детский приют, общеобразовательная школа и профессиональный колледж, детский сад и ясли. Воспитанницы школы и колледжа получают всестороннее – и духовное, и светское – образование, обучаются музыке и пению, живописи и иконописи, различному рукоделию, театральному искусству, кулинарии.

Настоятельница Николо-Сольбинского женского монастыря игумения Еротида (в миру – Елена Михайловна Гаджу) родилась в городе Кишинёве 18 октября 1965 года. В 2015 году матушка Еротида удочерила девочку из Дома малютки. А теперь у матушки уже семь удочерённых ею деток, старшей из которых девять лет. Первого июня 2021 года матушка Еротида получила высокую общественную награду – нагрудный знак «Мать-героиня» 1-й степени.

Возрождение Николо-Сольбинского женского монастыря могло случиться и случилось лишь благодаря истовой православной вере, беззаветному усердию, праведному труду и служению многих людей: и тех, кто обрёл себя в обители, и тех, кто к сему сказанному выше оказался неравнодушным.

III. ОБИТЕЛЬ

И вокруг в воздухе, и внутри меня – в сознании и душе – завитало что-то малопонятное, а потому еле уловимое. Хотя оно же вроде бы как и знакомое, но почему-то позабытое, а ныне вдруг всколыхнувшееся чувство: чувство благостного удовлетворения и успокоения. Нежданная безмятежность, словно караулившая и ожидавшая меня, как будто бы давно

уверенная в моём непрременном приходе, объявилась враз и уже не покидала меня.

Уединив своё сознание, я бродил по песчаным дорожкам обители, дышал откровенным воздухом природы и таинствами истории, пропитанными и пронизанными многовековыми и многочисленными метаниями людских тел и душ, пришедших в итоге к своему умиротворению, оказывавшихся здесь то ли по собственному желанию, то ли по чужой воле, тут же смирившихся со своей участью или же бунтовавших до срока – внутри самих себя или на всеведение.

Я ходил, ходил, ходил – без углов, тупиков и краёв по ковру из песка, за века перетёртому пережитым здесь в бус¹. Было приятно, благостно, трепетно и как-то даже радостно, что внутреннее пространство двора обители не закатано чем-либо искусственным и не замощено булыжником: всё подножье свободно дышало, не мешая общению неба и земли между собой и со мной.

В какой-то момент мне вдруг захотелось, сбросив ботиночные колодки, пойти босиком. И тут же я почувствовал, что я вроде бы бос уже. Задумавшись над таким ко мне снисхождением, я с опаской посмотрел на раскрепощённые ступни мои. Но они, как и должно было быть, оказались обутыми в дорожные туфли, зашнурованные по края – до узлов с бантиками.

Странно это, но в ступнях обреталась малолетняя босоногая лёгкость: как будто бы я, как в детстве – без усталости, раскованно, без боязни и стеснения перед окружающими и посторонними, в своём же детском образе и теперь бегу по дикому одинокому пляжу Куршской косы в одних лишь коротеньких штанишках да белой панамке. А из-за песчаных дюн, поросших съёжившимся кустарником, оттуда, где нет колючего, сводящего судорогами сквозного ветра, безжалостно пробивающего всё, что ни есть под ним, на меня глядят добрые и заботливые глаза моих мамы, папы и моей старшей сестры.

¹ Бус (диал.) – мучная пыль на мельницах, идущая на корм скоту.

IV. ФЕСТИВАЛЬ

Колокольный фестиваль прервал мои размышления, начавшись без особых торжественных церемоний и речей: организаторы лишь объявили участников и вкратце поведали гостям об истории монастыря, будничной жизни его послушников и предстоящем действе, ради которого, собственно говоря, сюда и прибыли приглашённые. Представленные звонари, съехавшиеся из разных весей Московской, Тамбовской, Тульской, Рязанской, Оренбургской, Тюменской и других областей, разделившись на группы и взобравшись на все три монастырские колокольни, уже приготовились и ожидали лишь сигнала ведущего, дабы явить нам и друг другу бередящую душу колокольную музыку.

Мой одноклассник Павел, как главный звонарь, начал своё и общее представление. Вслед за ним и поочерёдно, чтобы не было путаницы и хаоса, и другие звонари заиграли свои трезвоны.

Все гости, разбредшиеся по всему двору монастыря, застыли на своих местах, на которых их застали первые же звуки главного колокола. Закинув головы за плечи, все они устремили глаза свои ввысь, туда, откуда понеслись по всему монастырю и его округе колокольные голоса. Звонари, сменяя друг друга на колокольных помостах, то с одной колокольни, то с другой, то с третьей вещали во всеуслышанье разными языками, но понятными всем услышавшим их и слушающим праведные мелодичные благозвония, вызывающие приятственный трепет в душах внемлющих.

Я, как и все, задрал голову, наострив слух, как-то машинально переводя свой взор попеременно с одной звонницы на другую, в сопровождении праведных звуков с благодатью улетел в свои размышления, пытаюсь, как всегда, разложить их по порядку и гармонии.

Вступили колокола звоном, как к утрене². Затем последовал звон «Яко Твое есть Царство». Он начинается с благовеста – одиночных ударов в большой колокол. При этом, в зависи-

² Утренняя (заутреня) – одно из богослужений суточного круга – церковное общественное богослужение, совершаемое, согласно Уставу, утром.

мости от звонарской техники, тулово¹ может либо быть неподвижным, а сам звон зачинается движением его языка – чаще используется в православных храмах, либо раскачиваться усилиями нескольких звонарей, в количестве достаточном, чтобы надлежало раскачивать колокол, вес которого может достигать нескольких тонн, дабы выбрать из него нужную тональность и силу звука.

Далее последовали звоны, мелодики, громкость и ритмы которых каждый звонарь явил свои – на собственные умения и сердечность. Они длились долго: слетевшихся на фестиваль звонарей было много; к тому же они перебирались с колокольни на колокольню, желая своими руками и слухом постараться распознать душу всех колоколов обители, расчувствоваться самим и удолить² восторгом всех слушателей.

Закончилось представление, как и положено, общим сборным трезвоном – на все праведные и благодатные лады и вкусы.

Есть у колокольного голоса и ещё одно предназначение – созывный крик, возвещающий о пришедшей беде – пожаре, эпидемии, войне. На протяжении многих веков их приход звонари на всю округу оглашали неистовым гвалтом, называемым набатом, одиночных и раскатистых ударов в разные кампаны, нагнетая в душах православных истовую ненависть к врагу, наполняя сердца благодарностью к нашим праведным воинам-защитникам, щемящей скорбью о павших собратьях наших. Подобное объявляется видимым тут же по вмиг сжимающимся кулакам и зубам и увлажняющимся глазам. Все как будто бы в замок сцепляются друг с другом за руки и смыкают народный строй, словно связываясь крепко-накрепко во едино, становятся единым целым.

V. ПУТЬ

День подходил к концу. Ярящее всё время солнце спустилось с небес и утомлённо присело на монастырские кровли. Мой взгляд ненароком упал на мои же руки: солнечная печать –

плотный, бордово-коричневый загар, – заметно и неизвестно во сколько объявившись, лежала теперь на них и, по-видимому, на моём лице, благообразно, безболезненно согревая, а не обжигая. И это было странным для меня: обычно я сгораю до язвенных волдырей и обморочного состояния уже через пятнадцать минут солнечной безоблачной атаки, будучи сам в это время в каюте с закрытым иллюминатором, находясь при этом за полярным кругом в полярную же ночь. А тут и сейчас, в святой обители, говорю это без иронии и ёрничества, никакого покраснения, ни пупырышка; лишь доброе тепло растеклось по всему телу, а благодать заполнила всю душу мою.

Фестиваль закончился. Пришла пора, раскланявшись с благодарностью с гостеприимной святой обителью, усердно поворачивать восвояси. Но страшно не хотелось прощаться: не всё было спрошено, не всё услышано, не всё понято...

И тут я вспомнил, как восторгался и радовался по дороге сюда – к храму, как жаждалось продлить тот путь до нескончаемости.

«Я вернусь. Я уже в пути!» – то ли пообещал, то ли признался я себе. Ведь *дорога к храму*, несомненно, имеет своё начало. *Дорога к храму* неизбежна и не имеет конца своего пути.

* * *

*Не закрывай глаза на всякие огрехи.
Потребу умири. Усердствуй не спеша.
Не льсти кумирам. Не проси успеха.
Лишь истово трудись – и расцветёт душа³.*

¹ Тулово – купол колокола.

² Удольить, от удольять (церк.) – удовлетворять.

³ Автор стихотворения «Не закрывай глаза...» – Юрий Александров.

Станислав ГАГАРИН

Станислав Семёнович Гагарин (1935–1993) – советский и российский писатель, автор приключенческих и фантастических произведений, а также романа о Великой Отечественной войне «Мясной Бор».

Жил и работал на Чукотке, в Калининграде, Свердловске, Рязанской области, Подмосковье и Москве. Печататься начал с 1960-х годов. Член Союза журналистов СССР, Союза писателей СССР. Был одним из организаторов военно-патриотического объединения «Отечество», издававшего альманах-журнал «Сокол», затем организовал издательство «Отечество» («Товарищество Станислава Гагарина»), выпускавшее приключенческие книги и сборники остросюжетных произведений «Ратные приключения», «Русский сыщик». Был членом Комиссии по морской художественной литературе при СП СССР, Совета по фантастике и приключенческой литературе при СП РСФСР.

МЫ — РУССКИЕ

Когда Алексей Степанович Громов собрался лететь в Мурманск, и командировку выхлопотал, и вещи уложил, оставалось лишь позвонить в агентство и заказать билет, он предложил дочери отправиться вдвоём.

Но Ленка отказалась наотрез.

– Папа, не могу, спасибо, конечно, – сказала она. – Мы с ребятами на все каникулы в поход собрались. Может, в другой раз как-нибудь...

И Громов не стал уговаривать её, не стал рассказывать о том, что давно собирался взять дочку с собой, ему так хотелось побывать в тех местах именно с ней, Алексею Степановичу казалось, что тогда установится с дочерью особый контакт, иная, помимо родственной, связь, необходимая, когда дети становятся взрослыми и отдаляются от отцов, а те мучительно переживают разрыв и ищут пути, по которым завязалась бы дружба, дружба на равных.

С некоторых пор Громов стал считать, что такая дружба могла бы возникнуть между ним и Ленкой в Мурманске. И не потому, что он воевал здесь четверть века назад и имеет право на дополнительное уважение своего ребёнка. Нет, Громов хотел, чтобы дочь увидела его восемнадцатилетним парнем, длинным и нескладным, в тесноватом комбинезоне, таким был он в сорок третьем году, когда впервые поднял свой «Ил» в боевой вылет над Варангерфиордом. Тогда он лишь на три года был старше теперешней Ленки и поэтому ближе ей, понятнее, без малого ровесник, ведь девчонки взрослеют раньше.

Весна в России выдалась неровная. Оттепели сменялись морозами, стояли туманы, закручивала мокрая пурга, и вылететь из Мо-

сквы Громову удалось лишь на третий день. Долгое ожидание измучило его, хотя Громов провёл это время дома, справляясь у диспетчера о погоде. Но за эти часы он так много думал о предстоящей встрече с прошлым, так часто представлял первые минуты своего пребывания на кольской земле, что духовный подъём, тихая радость от близкого исполнения давней мечты сменились усталостью, равнодушием и всплывшим из глубины подсознания, пока ещё исполненным зачаточного свойства желанием: «А не бросить ли эту затею?..»

Сплошная облачность тянулась по всему маршруту, и только незадолго до посадки с крыльев самолёта стали срываться серо-белые хлопья, и внизу проявились сопки.

Два часа полёта помогли Громову вернуться в то состояние, в котором он пребывал с того дня, когда убедился, что полетит наконец в Мурманск. Алексей Степанович забыл о недавней нервозности, о двух днях звонков по телефону и тоскливых взглядов на заплывающие окна, куда стучалась тёплая метель, закрывая аэродромы северных и центральных районов страны, о приходящем в те дни страхе, что в научно-исследовательском институте, где он работал руководителем группы, узнают о погодном барьере и их шеф, у которого семь пятниц на неделе, вдруг забьёт отбой и отменит не такую уж необходимую для их фирмы командировку.

Теперь уж ничто не могло вернуть в Москву идущий на посадку самолёт, и Громов заволновался. Сознание метнулось сквозь минувшие годы, Громов внутренне подобрался, попытался подвести итог прожитой жизни, будто у трапа его будет ждать командир полка и Алексей Степанович вытянется перед ним, приложит руку к сбитому на ухо шлемофону и доложит о вылете, длившемся четверть века. Но Громов тотчас слабо усмехнулся, отвернувшись от иллюминатора, потому как знал, что никто его не ждёт в порту, да и времени подвести итог тому, с чем летит он сюда, у него, Громова, уже не останется.

Так он и сошёл по трапу, незаметно улыбаясь, не быстро и не медленно ступая по ступе-

ням трапа, сбился с попутчиками в компанию, они взяли такси и поехали в Мурманск по левому, если смотреть на выход в море, берегу залива, сначала в самый южный угол его, потом по восточному краю.

Ещё из Москвы Громов заказал место в гостинице и попросил таксиста остановить машину, едва увидел знакомые кварталы центра.

Центр почти не изменился, здания были прежними, только за корпусами не было уже барачков. Город разбежался в стороны, и, подняв голову, Алексей Степанович увидел, как громоздились на сопках зелёные, розовые и голубые дома, и та единственная в годы войны настоящая улица Мурманска стала наряднее, веселее, и полярное солнце, разогнавшее к полудню облака, прошивало разноцветное кружево из камня золотистой паутиной.

Не расспрашивая прохожих, Громов добрался до гостиницы «Арктика», со страхом глянул на сидевших в вестибюле людей, но заказ его быстро нашли, вежливо извинились, что не могут дать отдельный номер. Праздник Севера, спортсмены, мол, да иностранцы. Громов не спорил и через двадцать минут стоял в пустой комнате на шестерых и ждал, когда горничная сменит бельё на его койке в левом углу.

«Вот и приехал, – подумал Громов, когда остался один и присел к столу не раздеваясь, – надо идти...»

Но он не знал ещё, куда пойдёт, что будет делать, и если б спросить Алексея Степановича, зачем он сюда стремился, то он не смог бы связно ответить. Конечно, у него есть задание из института, но решить этот вопрос можно и по телефону, не выезжая из Москвы. Нет, если бы не встреча с Андреем Басовым в позапрошлом году... Алексей Степанович знал, что Андрей в Москве, но свидеться им не доводилось, всё дела, суeta суeta... Столкнулись случайно в метро, потом не расставались весь вечер, вспоминали всех ребят, что лежат в мёрзлой земле или на дне Варангер-фиорда.

– Ты знаешь, всем им в Сафонове памятки есть, – сказал Андрей, когда прощались. – Каждому...

Тогда вот и кольнула Алексея Степановича мысль, что столько лет прошло, а он на могилку друга зимой не съездил... А может, не пришло в голову потому, что зримой могилки нету у Вани, может, потому... А теперь Андрей про памятники сказал. «Поеду, – решил Алексей Степанович, – отпуск возьму и поеду...»

Но подоспел отпуск, и Ленке купили пианино, у девочки способности, нельзя их зарывать в землю. Деньги на инструмент были отложены раньше, но их не хватало. Громов добавил из отпускных, и осталось только на прожить. Он отправил жену на юг, а сам просидел в Опалихе на даче, ещё и работу со стороны взял. А когда зашёл разговор о следующем отпуске, жена взбунтовалась:

– Не видела я твоего Заполярья, туда людей за счёт государства возят, а мы свои кровные будем платить...

Но, слава богу, всё это теперь позади, и Громов приехал повидаться с другом, хоть и пришлось это сделать за государственный счёт.

Он поднялся и вышел. Закрыв номер, отдал ключ и стал спускаться. Навстречу, весело галдя, шли хоккеисты в жёлтой форме с большими буквами «СУОМИ» на спине.

«Финны, – подумал Громов, – гости...»

Он проводил их взглядом, рослых светловолосых парней и, с сочувствием посмотрев на тщетно ожидающих местечка, толкнул тяжёлую дверь.

Миновав почтамт, Алексей Степанович повернул за угол и через сотню-вторую шагов поравнялся с кафе, которое называлось «Юность». Он решил, что не худо заправиться и собраться с мыслями за столом, и уже стоял в фойе, готовясь снять пальто, когда вдруг услышал:

– Лёша?! Какими судьбами?

Громов повернулся на голос и едва увидел подхажившего человека, как ощутил нахлынувшую уверенность, что теперь ему сам чёрт не страшен.

Это был Скуратов. Московский писатель и журналист, бывший штурман дальнего плавания, человек, многое повидавший в жизни, умевший ладить с людьми и всюду чувствуя-

щий себя как дома. Он был моложе Громова, воевать ему не пришлось, но были они друзьями. Скуратов особенно внимательно относился к бывшим фронтовикам и всегда сожалел о том, что не пришлось ему разделить их судьбу.

Он потащил едва успевшего раздеться Громова к своему столу, там сидели уже трое: один был местным газетчиком, а два других в морской форме – товарищами Скуратова по мореходке.

Громова заставили выпить, заказали ему бифштекс, и он, улучив минуту, спросил Скуратова:

– Рассказ свой видел?

– Где?

Громов назвал одну из центральных газет.

– Нет ещё, – ответил Скуратов. – Значит, дали...

Он произнёс эти слова так равнодушно, что Алексей Степанович слегка обиделся: вот так, сообщил человеку, что его труд стал известен миллионам людей, а ему хоть бы что... Но обида не задержалась, Скуратов принялся расспрашивать Громова, как он здесь и зачем, Алексей Степанович сказал, что есть дела по службе, и потом добавил:

– И посмотреть хочу, как всё стало... Ведь воевал в этих краях...

Тут Скуратов перебил его, стал рассказывать ребятам, что Громов – морской лётчик, штурмовик, и вдруг замолчал, внимательно глянул на Алексея Степановича, словно осенила его неожиданная мысль.

– Ладно, – сказал он, – помогу, если не возражаешь. За мной по журналистским делам и машина закреплена, можем всё объездить...

Алексей Степанович вдруг почувствовал себя легко и свободно. Исчезли страхи, что ему придётся искать каких-то людей, кто разрешит ему побывать там, где служил когда-то, что придётся много раз объяснять незнакомым, зачем он здесь и что ему нужно, а это так трудно, ведь он и себе до конца не может этого объяснить, а теперь рядом будет Скуратов, он всё о Громе знает, и вот теперь, когда неожиданно оборвал рассказ и предложил помощь, теперь Скуратов, наверное, понял его, и, может

быть, лучше, чем понимает себя сам Алексей Степанович Громов.

...Машина поднялась на перевал, и далеко внизу Громов увидел сиреневую воду гавани.

– Вот и Ваенга, – сказал водитель. – По-новому называется Североморск.

На большой скорости он повёл серую «Волгу» вниз, и Громову почудилось на миг, что это он сам заходит на второй круг. Но ощущение было чересчур мимолётным. Оно легко отлетело прочь, и Алексей Степанович подумал, что всё дело в том, что за штурвалом машины другой человек...

– Давай в газету завернём, – сказал Скуратов. – Распросим, как и что, глядишь, найдём твоих однополчан...

У Громова перехватило горло: ему и не подумывалось как-то, что кто-нибудь из его ребят продолжает служить, а теперь стала реальной такая встреча.

...Он загорелся над Тюва-губой, пытался сбить пламя, но ничего не вышло. Громов подтянул повыше, приказал стрелку прыгать, потом помедлил, отвёл машину так, чтоб не шарахнулась куда попало, и прыгнул сам.

Раскрыв парашют, он увидел, как Иван Земсков ходит над ним кругами, прикрывает на всякий случай. Громов следил за другом и рукой ему махнул, уходи, мол, не жги горячее, и только потом понял, что Иван беспокоился не зря: Громов опускался в море.

Потом он узнал, что в такой воде человек выдерживает минут двадцать, ну полчаса от силы. А его вытянули моряки-торпедники через час с лишним. Едва Громов оказался на палубе, поднесли ему кружку со спиртом. Алексей Степанович не мог и рукой шевельнуть, заоченел, но рот раскрыл, и один морячина спирт ему туда и втиснул. Потом грели Громова шерстяным одеялом, пока шли к причалу, передали медикам уже малость ожившим, только вот от спирта – не в то горло, видно, попало – не разговаривал Громов с неделю.

Когда вернулся в полк, Иван Земсков предложил отметить «морское крещение» друга. Лётчики собрались в их блиндаже, выбитом

у подножья сопки, заставили снарядный ящик, служивший столом, банками с тушёнкой, а уж о выпивке позаботился хозяин.

Громов и Земсков учились вместе, вместе и прибыли в Заполярье. В школе они были в разных группах, здоровались, и только. Громов был у Земскова ведомым, да и не только в воздухе. Так уж случилось, что и на земле Иван вёл Алексея за собой... Может, от отца-учителя унаследовал он свойство опекать ближнего, а может, и потому что был двумя годами старше. В том возрасте это многое значит...

Первую, как водится, выпили за победу, потом за ребят, которым уже не доведётся её увидеть.

Симкин разлил снова и стал сокрушаться, что вот, мол, как скучно отмечают они такой день...

– Сейчас бы шампанского, цветов, девушек, музыки! – воскликнул он. – Чтоб люстры горели и пол был паркетный...

– Ишь ты, чего ему надо, – проворчал Валя Архипов. – А у нас в деревне и слов таких не знают... Паркет, люстры... А сарай с земляным полом не хочешь? У нас в Лопухах клуб в таком сарае... Вы, городские, с жиру беситесь...

– А ты что, сельский, что ли?! – вспылil Симкин. – Ты – лётчик, значит, теперь – интеллигент. Понял?

– Ладно, ладно, парни, – остановил их Сергей Корольков. – Лучше выпьем...

– Вот фрицев разобьём, тогда и на нашей улице будет праздник, – сказал Андрей Басов.

– Нет. – Иван Земсков отставил кружку со спиртом, она скользнула к краю снарядного ящика и едва не упала, если б Громов не подхватил её. – Нет, – повторил Иван. – Я не согласен с тобой, Андрей. Разбить фашистов – это ещё не всё, настоящего праздника от этого не будет. Мы воюем не только ради того, чтоб покончить с Гитлером, хотя это и самая зримая наша цель. И этого мне мало, понимаешь... Надо не только уничтожить врага, но в этой битве мы сражаемся и за то, чтобы свой собственный мир сделать другим, более возвышенным, чистым и благородным. Дело не только в том,

чтоб мы вышли из войны победителями. Нужно победить в себе то, что может помешать нам строить новую жизнь после военной победы... За это я и выпью.

Он взял из рук Громова свою кружку – тот так и держал её, – залпом выпил, запил глотком воды из котелка и принялся скручивать сигарку.

– Загибаеть ты, Ванюха, – сказал Андрей. – А я так считаю: победили – гуляй напропалую, заслужили, значит. Новая жизнь, она после победы и так наступит...

– Может быть, Андрюша, может быть, – ответил Земсков. – Давайте споём, парни...

...Полк морской авиации получил приказ вылететь для бомбардировки немецкого каравана, когда часть транспортов под усиленным конвоем уже втянулась в Варангер-фиорд. Остальные корабли были неподалёку от фиорда, уже в зоне обстрела вражеских береговых батарей, которые могли бы поддержать огнём конвойные суда.

Это усложняло действия штурмовиков. В первый же заход подбили самолёт Симкина, и тот потянул в сторону Рыбачьего, чтоб выброситься там на парашюте.

Громов работал в паре с Земсковым. Уже горели два транспорта и танкер, когда Алексей Степанович увидел в узком заливе, совсем неприметном с воздуха – его прикрывала сопка, – притаившийся большой транспорт.

– Ваня! – крикнул он. – Посмотри вправо! Видишь?

– Вижу, Лёша... Иди за мной, только приотстань...

Земсков отвалил вправо и вышел на боевой курс. Теперь было видно, что к транспорту жмётся три катера из конвоя.

– Держись в стороне! – крикнул Земсков. – Следи за воздухом! Попробую один...

«Ил-второй» слегка наклонил корпус и ринулся на неподвижный транспорт. Навстречу ему потянулись трассы пулемётных очередей, словно клочья ваты, возникли на его пути взрывы зенитных снарядов. Транспорт дал ход и двинулся вперёд, потом положил руль вправо и стал поперёк залива.

«Две машины у него, – подумал Громов, – лихо развернулся...»

Штурмовик пронёсся над пароходом, и его бомбы упали там, где только что был нос транспорта...

Земсков возвращался и снова заходил на боевой курс.

«А ведь он пустой, – подумал вдруг Громов, – куда он лезет без боекомплекта...»

– Ваня! – крикнул он. – Прикрывай, теперь я...

– Уйди, – донёсся далёкий голос Земскова, – уйди, Лёшка... Колю убили, стрелка... Покажу им! Сволочи...

– Ты ранен, Ваня! Выходи, выходи из боя!

Земсков не отвечал. Он снова ринулся на транспорт, и снова навстречу летела смерть. В шлемофоне Громова послышались хриплые звуки, неясные слова, он снова позвал Земскова, но тот не отвечал. Из левой плоскости его «Ила» вырвался и потянулся шлейфом коричневый дым, машина продолжала мчаться на маневрирующий транспорт... Громов выходил на боевой курс, готовился пойти вслед за другом и ждал, что вот-вот отвернёт Земсков в сторону и рухнет в воду, но штурмовик словно замороженный летел и летел, дым стлался за ним, и вдруг в хрипевшем шлемофоне Громова зазвенел голос Ивана:

– Мы – русские... Мы – русские! Мы...

«Ил-второй» подвернул к ускользавшему транспорту и ударил его своим телом в среднюю надстройку.

...Молоденький лейтенант не торопясь поднялся за стеклянной перегородкой и открыл окошко.

– По какому вопросу, гражданин?

– Видите ли, – начал Громов, – нам сказали... Подполковник Симкин... Я служил...

Скуратов выступил вперёд.

– В редакции газеты нам сказали, что в вашей части служит подполковник Симкин. Он однополчанин этого товарища. В годы войны они вместе воевали здесь. Попрошу связаться с подполковником и просить, не может ли он встретиться с нами...

Дежурный узнал у Громова его фамилию и повернулся к телефону. Часовой у входа с лю-

бобытством смотрел на двух штатских. Скуратов шагнул к перегородке.

– Товарищ подполковник, – слышали они, – говорит дежурный по части лейтенант Богданов! Вас тут спрашивают... Фамилия? Громов его фамилия... Да какой-то запасник, товарищ подполковник советует обратиться к нему...

Алексей Степанович медленно повернулся и сгорбившись пошёл к двери.

– Куда же вы, гражданин! – крикнул дежурный. – Я вас Блинову сейчас...

– Эх ты, Блинов, – тихо сказал Скуратов оторопевшему лейтенанту и бросился за Громовым следом.

«Волга» стояла у подъезда, но Алексей Степанович повернул налево, и Скуратов подумал, что пусть побудет один, он подождёт его в машине.

А Громов миновал здание штаба и шёл по разметённой от снега аллее, шёл не поднимая глаз, а когда поднял их, то увидел, что на него смотрит замкомэска Валентин Архипов.

– Здравствуй, Валя, – прошептал Громов. – Далеко ты от своих Лопухов забрался... Клуб-то, поди, построили там, только сплясать тебе уже не придётся...

– Мне всегда не везло, – проворчал Валентин. – Но чёрт с ними, с танцами, зато я с ребятами вместе... Узнаёшь их?

– Здравствуй, Лёха! Здорово, Громов! – заговорили парни, и тогда он увидел Серёгу Королькова, Петра Бирюкова и Колю Куприкова. Они так и стояли вместе на Аллее Героев, ребята из того боя...

Он потерял четвёртого стрелка в тот налёт на Киркенесский порт. Громов вышел из атаки, круто метнулся над Варангер-фиордом, осматриваясь и выглядывая товарищей. Он увидел, что вторая эскадрилья заходит снова на Киркенес, и тут на него сели два «мессера». Громов с великим трудом вывернул от них у самой воды. Его коронный номер – прижиматься вниз, когда чувствуешь себя слабее, к земле или воде, не всякий лётчик рискнёт за тобой гнаться. Громов прижался к воде, но пулёмётная очередь догнала машину, уложив стрелка наповал. Так он и довёз его, уже остывшим...

Потом была одна из зловещих картин, застрявших в памяти Громов. Они отбомбились, потеряли две машины, он припоминает, что был это их замкомэска Валя Архипов и новенький лётчик, лейтенант с Балтики, его фамилию Алексей Степанович запомнил... Обе эскадрильи возвращались на базу, и Громов шёл предпоследним. И вдруг безо всякой причины отвалил идущий слева Коля Куприков. «Ил-второй» вильнул вниз, и целая на вид машина, с работающим двигателем, нырнула в залив.

Командир эскадрильи успел крикнуть: «Куда ты, Коля?!» – и тут выпал из строя головной самолёт Бирюкова. Залив был уже позади, и Пётр ударился в сопки. Его стрелок успел вывалиться за борт, но парашют не раскрылся, и стрелка нашли на вершине утром другого дня.

И у самого аэродрома пошёл вниз третий «Ил», Серёги Королькова. Это было страшно – видеть, как в спокойном небе, в небе без зенитных разрывов и снующих истребителей врага, вдруг один за другим падают самолёты друзей...

Был крупный скандал, подозревали разное, особисты крутились в полку. А потом всё разъяснил приехавший из Мурманска полковник-врач. Ребята, сказал он, были уже мертвы, но вели машины на последних остатках воли.

Смертельно раненные, в бою они держались на нечеловеческом напряжении, остервенении, что ли, и вывели машины из атаки, поставив их в строй идущих на базу друзей. Они изо всех сил отгоняли смерть, но напряжение спадало, смерть снова приходила в кабины, снимала их руки со штурвалов, и тогда они умирали во второй раз...

– Я рад, что вы здесь, ребята, – сказал Громов и вдруг понял, как двусмысленно звучат его слова. – Нет, не то, что вы... А вот вместе...

– Ладно, Громов, – перебил его Валя Архипов, – мы понимаем тебя... Теперь мы многое понимаем. Ты о себе лучше скажи.

– О себе... Живу, ребята, работаю, дочка есть. Вот и всё. Звёзд с неба не хватаю...

– Не хватаешь, значит? А ведь когда-то хватали... Помнишь, что Ваня Земсков говорил?

– Помню, – ответил Громов и хотел Архипова спросить, но тот сказал, перебив:

– Дальше пройди, он с того краю. Ждёт тебя, Громов...

И Алексей Степанович двинулся сквозь строй боевых друзей, они смотрели ему вслед каменными глазами, Громов замедлял шаги и вот остановился перед Земсковым.

– Это я, Иван, – прошептал он, едва шевеля губами, – прости, что так долго шёл к тебе...

– Пустое, Алёша, не терзай себя. Ты ведь жил, а жить иногда труднее, чем красиво умереть. И не слушай ты Вальку Архипова, он всегда был ворчуном...

– Как тебе здесь, Иван?

– По-всякому бывает, Алексей. К нам приходят разные люди. С одними – хорошо, других я не пускал бы сюда... А раз они есть, такие, значит, не всё ещё гладко у вас... Так ведь, Алексей?

– Сразу не объяснишь, Иван...

– Понимаю... Тогда нам всё казалось более простым. Разобьём Гитлера, и наступит рай... Значит, вам и сейчас приходится трудно. Но вы не сдавайтесь! Слышишь, Громов, не сдавайтесь! Мы все, которых нет с вами, будем следить за вашей жизнью отсюда. Помните об этом... А теперь иди, Алексей, твоё место среди живых...

– Прощай, Ваня, – сказал Громов и пошёл по Аллее Героев к машине, где ждал его Скуратов.

...Вечером Громов и Скуратов сидели в мурманском ресторане «Дары моря» и молчали.

Играл оркестр. Ресторан был полон. Рыбаки с нашивками на плечах, немного ребят в гражданской одежде, морские и армейские офицеры и совсем мало женщин.

– По просьбе наших гостей – моряков БМРТ-244, вернувшихся с Лабрадора, исполняется песня «Штрафные батальоны!» – выкрикнул в микрофон ударник.

– Сколько раз тебя сбивали, Алексей? – спросил Скуратов.

– Шесть, – сказал Громов. – Мне везло...

– А этот твой Симкин...

Скуратов с силой поставил поднятую было рюмку, ножка у неё сломалась, и водка выплеснулась на скатерть.

– Брось, – сказал Громов, – ну чего ты... Он просто не понял, что это я, фамилию забыл. И его сбивали, Симкина...

– Всё равно, – ответил Скуратов, – не могу этого понять...

Он подозвал официантку, попросил заменить рюмку.

– Посмотри вокруг, – заговорил Алексей Степанович, – кругом столько офицеров, и ни у кого почти, даже у майоров, нет боевых наград, одни юбилейные медали. Молодеет армия...

Он хотел добавить ещё, что и они бы, Громовы, могли пригодиться, а впрочем, с запаса его и не сняли, вдруг вспомнил слова «запасник какой-то» и потянулся к графину.

– Завтра уеду, – сказал Алексей Степанович.

Утром они позавтракали в буфете, сели в «Волгу» и стали выбираться из города. Промелькнули внизу причалы рыбацкого порта, заставленные кораблями, осталась позади судоверфь, потом Кола-город и мост через Колу-реку. Пошёл малообжитой левый берег залива, ещё немного – и машина повернула в сторону, в сопки.

Алексей Степанович сидел со Скуратовым на заднем сиденье, пытался осмыслить всё увиденное в Мурманске и Североморске, но это ему не удавалось... Сознание вдруг переносило его на двадцать пять лет назад, в те самые дни, из-за которых он и приехал сюда. Громов решил, что всё уляжется не сразу и только через какое-то время он поймёт, что вынес из встречи с прошлым, вспомнил Москву, институт, где ждали отчёта по командировке, и Ленку.

– Дочке ничего не купил, – сказал он, повернувшись к Скуратову. – Подарок какой...

Скуратов промолчал. Он смотрел в сторону, на щедро разбросанные сопки, покрытые чернеющими среди снега валунами и карликовыми берёзками.

– Останови машину, Валентин, – сказал вдруг Громов.

Когда он вышел из машины, Скуратов, недоумевая, вылез следом, достал сигареты, молчал.

Ярко светило солнце. Весенний снег покрывал сопки. Скуратов повёл глазами, закурил и зажмурился от слепящей белизны вокруг.

А Громов шагнул с дороги и провалился по пояс в снег. С трудом вытаскивая ноги, он двинулся к торчащим из-под снега берёзкам и скоро уже вспотел, стал задыхаться, но продолжал двигаться по пояс в снегу.

Наконец Громов стоял у деревца с тонкими прутиками и, всё ещё тяжело дыша, протянул руку, чтоб отломить ветку.

Берёзка не поддавалась. Понадобилось усилие, чтоб справиться с нею, и, когда Громов одолел дерево, он вспомнил вдруг, как вот так же сопротивлялись тщедушные берёзы на склонах сопки, когда он карабкался по ним, цепляясь руками, чтоб не упасть, и молился, чтоб ветки не обломились...

Его сбили за сто двадцать километров от базы, он снова потерял стрелка и двинулся через горы с плиткой шоколада в кармане и пистолетом «ТТ».

Волки увязались за Громовым на второй день. По глупости он начал сразу стрелять, уложил одного зверя и спохватился, когда в обойме осталось три патрона. На четвёртый день волки пошли в атаку, и, двумя выстрелами свалив матёрого самца, Громов отогнал их. Стая оставила его в покое, чтоб через сутки вновь возникнуть за спиной.

Громов больше не стрелял. Спустив предохранитель, он сунул пистолет за пазуху изодранного комбинезона и думал лишь о том, чтоб хватило сил нажать спусковой крючок, когда он упадёт и волки бросятся к нему.

Так он и шёл, сопровождаемый волчьим конвоем и храня для себя последнюю пулю в пистолете. И теперь, когда Алексей Степанович возвращался к дороге, он увидел себя, молодого парня, с рыжим пушком на обмороженном подбородке, нескладного, в тёмном, не по росту, меховом комбинезоне, и Громов опустил в снег, сжимая рукой ветку берёзы, судорожно задёргал плечами и беспомощно, неумело зарыдал...

...Рейс начался вовремя. Алексей Степанович сидел в кресле, закрыв глаза, и старался ни о чём не думать.

Через два часа самолёт качнулся и пошёл вниз. Не так круто, как ходили когда-то они, но Громову вдруг показалось, будто он снова в кабине «Ила-второго».

Алексей Степанович сжал рукой подлокотник кресла и в который раз услышал голос Ивана Земскова:

– Мы – русские... Мы – русские! Мы...

...Ветка кольской берёзы, привезённая Громовым в Москву, выбросила листочки на третий день.

Императорская мужская гимназия

КАЗАНЬ В СУДЬБЕ И ТВОРЧЕСТВЕ СЕРГЕЯ АКСАКОВА

Владимир УРЕЦКИЙ

Владимир Янович Урецкий родился в 1966 году. Член Союза писателей России, союзов журналистов России и Республики Татарстан, действительный член Императорского православного Палестинского общества (ИППО), исследователь русской культуры в Республике Татарстан, общественный деятель.

Автор публикаций в старейших российских журналах «64 – Шахматное обозрение» (Москва), «Север» (Петрозаводск); литературном альманахе «Небожители подвала» (Москва), литературно-художественном журнале «Вторник» (Москва), литературно-историческом журнале «Александръ» (Москва), литературном журнале «Сибирский Парнас» (Новосибирск) и др.

В этом году исполняется 235 лет со дня рождения Сергея Аксакова (1791–1859) – русского писателя, литературного и театрального критика. Его творчество занимает особое место в истории отечественной литературы. Сергей Тимофеевич, будучи известным писателем, понимал, насколько важным был казанский период в формировании его личности. В своих «Воспоминаниях» он с теплотой писал о студенческих годах в Казани, о наставниках, которые поддерживали его литературные и творческие начинания.

Сергей Аксаков появился на свет 1 октября 1791 года в Уфе. Его детские годы прошли в двух местах: в Уфе и в родовом имении Ново-Аксаково, расположенном в Бугурусланском уезде Оренбургской губернии. Отец, Тимофей Степанович, прокурор земского суда, происходил из небогатого, но старинного рода. Вышел в отставку титулярным советником (чин IX класса) и посвятил себя сельскому хозяйству.

Мария Николаевна Зубова, мать Сергея, была дочерью товарища генерал-губернатора Уфимского наместничества. Это была умная и властная женщина с отличным для своего времени домашним образованием. До замужества она вела переписку с известным писателем-просветителем Николаем Новиковым. Сына Мария Николаевна воспитывала по принципам Жан-Жака Руссо: без принуждения и строгости, в атмосфере искренней любви и чувственного созерцания природы. С четырёх лет Серёжа уже читал, а в пять декламировал монологи из трагедий Сумарокова и пересказывал в лицах сказки из «Тысячи и одной ночи».

Зимой 1799 года Сергей Аксаков вместе со своими родителями впервые приехал в Казань. Вот как он описывал своё путешествие в «Воспоминаниях»: «В середине зимы 1799 года приехали мы в губернский город Казань. Мне было восемь лет. Морозы стояли трескучие, и хотя заранее были наняты для нас две комнаты в маленьком доме капитанши Аристовой, но мы не скоро отыскали свою квартиру, которая, впрочем, находилась на хорошей улице, называющейся Грузинскою. Мы приехали под вечер в простой рогожной повозке, на тройке своих лошадей (повар и горничная приехали прежде нас); переезд с кормёжки сделали большой, долго ездили по городу, расспрашивая о квартире, долго стояли по беспорядочности деревенских лакеев, – и я помню, что озяб ужасно, что квартира была холодна, что чай не согрел меня и что я лёг спать, дрожа как в лихорадке; ещё более помню, что страстно любившая меня мать также дрожала, но не от холода, а от страха, чтоб не простудилось её любимое дитя, её Серёженька...» Дом капитанши Аристовой, о котором упоминает Аксаков, стоял на месте, где до 1979 года находилась усадьба, возведённая в первой половине XIX века для барона Альберта Карловича Пирха (1791–1853) – генерал-майора и гражданского губернатора. Казанские жители знали её как усадьбу Бронникова – по фамилии последнего владельца (сегодня там возвышается здание Галереи современного искусства ГМИИ РТ, ул. К. Маркса, 57).

В воскресенье Аксаковы посетили своих старых друзей, Максима Дмитриевича и Елизавету Алексеевну Княжевич, с которыми дружили ещё в Уфе. В их доме Сергей неожиданно встретил своих друзей, одетых в зелёные мундиры с красными воротниками. Это были старшие сыновья Княжевичей: Дмитрий, ставший впоследствии русским писателем и чиновником, и Александр, будущий министр финансов России. Родители отдали мальчиков в казанскую гимназию, где они жили и учились, но по выходным могли возвращаться домой с утра до восьми вечера. Поздним вечером разговор зашёл о будущем юного Аксакова. Максим Дмитриевич, служивший в Казённой палате, сообщил своему другу Тимофею Степановичу, что в гимназии имеется вакантное место – и можно устроить его сына на казённый счёт. Однако следующие его слова повергли Сергея в ужас: «Да, мой любезный Тимофей Степаныч и почтенная Марья Николаевна, – говорил твёрдым и резким голосом Максим Дмитриевич, – примите мой дружеский совет, отдайте Серёжу в гимназию. Особенно советую я это потому, что он, кажется, матушкин сынок; она его избалует, разнежит и сделает бабой. Мальчика пора учить; в Уфе никаких учителей не было, кроме Матвея Васильича в народном училище, да и тот ничего не смыслил; а теперь вы переехали на житьё в деревню, где и Матвея Васильича не достанешь». Княжевичи и отец настаивали, чтобы Мария Николаевна немедленно отправила сына на казённое обучение. Всю ночь Сергей плакал и умолял: «Маменька, не отдавай меня в гимназию». Мария Николаевна не отдала сына, убедив отца, что ей нужно время, чтобы привыкнуть к этой мысли, и через несколько дней Аксаковы покинули Казань. На этот раз Сергей не стал гимназистом и был уверен, что больше никогда не столкнётся с такой страшной бедой.

Однако через год, в декабре 1800-го, девятилетний Сергей Аксаков снова поехал в Казань. Он отправился туда «на казённое содержание, за четыреста вёрст, потому что не было других средств получить образование». В Казани семья Аксаковых поселилась в прошлогодней квар-

Портрет С. Т. Аксакова. 1830-е гг.

тире капитанши Аристовой. Родители Сергея узнали о вакансии в гимназии из письма Максима Княжевича и подготовили все нужные документы для его поступления. Через две недели Тимофей Степанович, усердно помолившись, подал директору прошение. И Сергей Аксаков поступил в Первую Императорскую мужскую гимназию, которая с 1798 года находилась в кирпичном двухэтажном здании на улице Воздвиженской. Среди её знаменитых выпускников – физик и математик Николай Лобачевский, химик Александр Бутлеров, художник Иван Шишкин и многие другие. Сегодня в этом здании расположен Институт авиационной техники и технологий Казанского национального исследовательского технического университета имени А. Н. Туполева (ул. К. Маркса, 10). Аксаков вспоминал: «...Огромное белое здание гимназии, с ярко-зелёной крышей и куполом, стоящее на горе, сейчас бросилось мне в глаза и поразило меня, как будто я его никогда не видел. Оно показалось мне страшным, очарованным замком (о которых я читывал в книжках), тюрьмой, где я буду колодником...» Для

мальчика, привыкшего к домашней обстановке и постоянной материнской заботе, резкий переход к взрослой жизни среди чужих людей стал тяжёлым испытанием. Сказались спартанские условия: в спальнях было всего 12 градусов тепла, а спали мальчики под байковыми одеялами. Учебная нагрузка была непривычно тяжёлой: уроки шли с 8 до 18 часов, с перерывом на обед. К тому же инспектор гимназии Николай Иванович Камашев предвзято относился к новому ученику. Он невзлюбил его за то, что тот казался неженкой и «маменькиным сынком». У Серёжи случился нервный срыв: он истерил и терял сознание. Нового ученика перевели в больницу при гимназии. Мария Николаевна, узнав об этом, преодолев весеннее бездорожье, приехала в Казань. Несмотря на возражения руководства гимназии, она забрала сына домой, «до полного выздоровления».

Проведя год в деревне, Сергей полностью выздоровел, подрос и ощутил в себе перемены. Вернулся он в гимназию в 1801 году. К тому времени там уже не было грозного надзирателя Камашева, а Тимофей Степанович, надеясь получить наследство, влез в долги, чтобы оплатить «своекоштное обучение» (когда студенты сами обеспечивают себя во время учёбы. – В. У.). Вторичное расставание с матерью прошло для молодого Аксакова гораздо легче. Казанская гимназия славилась хорошим уровнем образования и разнообразным преподавательским составом. Здесь царил атмосфера, способствующая развитию духовных интересов учащихся. Сергей посещал гимназию только для занятий, а жил у молодого преподавателя математики Григория Карташевского, выпускника Московского университета. Карташевский, страстный любитель формул и уравнений, сразу обратил внимание на юного гимназиста и решил всерьёз заняться его воспитанием. Преподаватель, зная любовь Аксакова к литературе, приобрёл для него множество книг. Среди них были произведения Ломоносова, Державина и Сумарокова, а также французские издания. Григорий Иванович покорила Марию Николаевну своей серьёзностью и ответственностью. Спустя пятнадцать лет она выдала свою дочь Надежду, любимую

сестру Сергея, замуж за Карташевского. Учиться в гимназии Аксакову стало интересно. Его бывшие одноклассники перешли в средние классы, а Сергей остался в младшем, где стал одним из лучших учеников. Летом 1802 года его перевели в средние классы, наградив похвальным листом и книжкой с золотой надписью «За прилежание и успехи».

В среднем классе, наряду с русским языком, преподавалась грамматика славянского языка, которую составил сам учитель, Нигмат Мисаилович Ибрагимов (1778–1818), который был инспектором казанской гимназии, а затем адъюнкт-профессором Казанского университета. Вспоминая гимназические годы, Аксаков с теплотой и благодарностью говорил о нём: «Он был отличным учителем, знающим своё дело. Этот человек так искренно меня любил, так охотно занимался со мною, что время, проведённое в его классах, осталось одним из приятных воспоминаний моей юности. Я должен признаться, что Ибрагимов слишком мною занимался в сравнении с другими воспитанниками и что моё самолюбие, подстрекаемое и удовлетворяемое его отзывами перед целым классом, играло в этом деле не последнюю роль». Гимназисты, следуя привычке того времени, обращались к Нигмату Ибрагимову на русский манер, как к Николаю Михайловичу. Ибрагимов родился в Москве в татарской купеческой семье, где его отец был губернским регистратором. После окончания гимназии и Московского университета, в 1797 году, Нигмат опубликовал свои переводы с немецкого в журнале «Приятное и полезное препровождение времени». Ибрагимов был поклонником сентиментальной поэзии. Он сам писал стихи и поддерживал первые литературные опыты своих учеников. В гимназии он прививал им интерес не только к поэтическому творчеству, но и к народным традициям. (Автор «Аленького цветочка» был одним из лучших учеников Ибрагимова.) Его сын Лев Николаевич позже преподавал грамматику в гимназии и писал стихи. Он издал сочинения своего отца. Среди них оказалась «Русская песня». Это переложение известной народной песни «Во поле берёза

стояла». Однако в новой версии значительно больше куплетов, и сюжет приобрёл трагический конец. Многие считают, что именно Нигмат Ибрагимов – автор этой русской народной песни. Поэт Евгений Евтушенко сделал эту версию особенно популярной. В своей поэме «Казанский университет» он написал:

*К сожалению, малоизвестно,
Но достоин тот факт пьедестала,
Что татаринот создана песня
«Во поле берёзонька стояла».
И за это, мой названный брат,
Честь тебе, Ибрагимов Нигмат.*

Императорский Казанский университет был основан по указу Александра I 5 ноября 1804 года. Первыми студентами стали ученики гимназии. Сергей Аксаков так описал это событие: «Яковкин, как инспектор студентов и директор гимназии, соединял в своём лице звание и власть ректора; под его председательством совет Казанской гимназии, в котором присутствовали все профессора и адъюнкты, управлял университетом и гимназией по части учебной и образовательной... Многие воспитанники, в том числе и я, не выслушавшие полного гимназического курса, продолжали учиться в некоторых высших классах гимназии, слушая в то же время университетские лекции. Очевидно, что переход из гимназии в университет был вообще для всех мало заметен, особенно для меня и для студентов, продолжавших ходить в некоторые гимназические классы».

Университет открылся 14 февраля 1805 года. Профессор Яковкин зачитал акт и список студентов. В этом списке фамилия Аксакова стояла первой по алфавиту. Поэтому его и называют «первым казанским студентом». Затем последовали ещё тридцать два имени. Счастливчикам вручили студенческие шпаги – символ обряда, подобного посвящению в рыцари. Но Сергей Аксаков не разделял всеобщего энтузиазма. Одной из причин было его увлечение театральным искусством. Всё началось с визита Сергея в первый городской театр Казани, который открыл на свои сред-

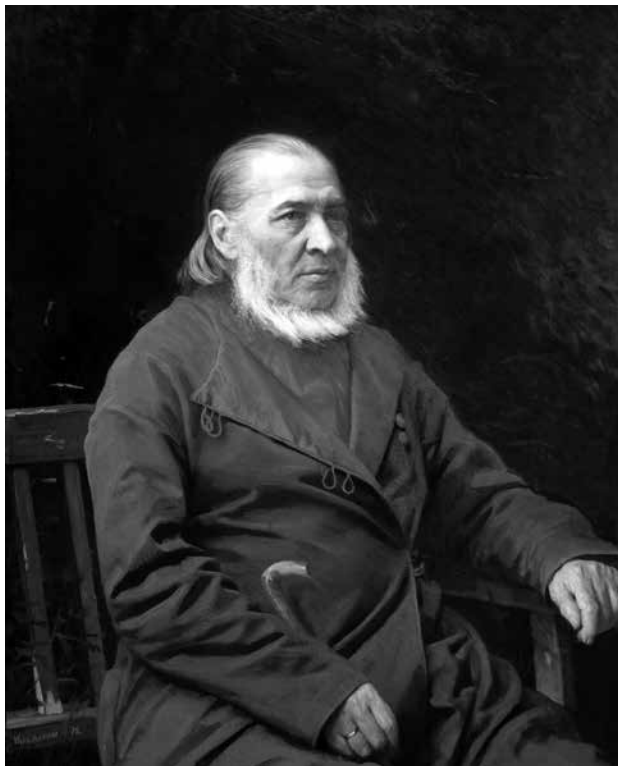
ства замечательный подвижник, свияжский помещик Павел Петрович Есипов (1764–1814).

Студенты регулярно посещали спектакли, иногда пропуская из-за этого вечерние занятия. Профессора и преподаватели смотрели на это снисходительно, а Нигмат Ибрагимов, страстный театрал, часто прерывал свои лекции, предлагая: «А что, господа, не пора ли нам в театр?» В 1805–1806 годах молодой Аксаков и его друзья были очарованы игрой известного московского актёра Петра Алексеевича Плавильщикова (1760–1812), который тогда гастролировал в Казани. Это увлечение настолько захватило их, что они решили снова, как в гимназии, попробовать свои силы на сцене. В скором времени в одной из комнат студентов были представлены комедия Михаила Верёвкина «Так и должно» и пьеса Александра Сумарокова «Приданое обманом». Приглашённые на премьеру зрители пришли в неопишуемый восторг. Сам Аксаков исполнял в спектакле одну из главных ролей. «В награду за отличное поведение» студенты получили разрешение устроить собственный театр в университете, с декорациями, занавесом и кулисами. Когда из Петербурга пришло разрешение «устроить театр для казённых студентов в награду за их отличное прилежание», казанские любители выбрали директором труппы Сергея Аксакова, как наиболее способного актёра. Впрочем, руководство студенческим театром оказалось недолгим и закончилось печально. Аксаков решил доверить небольшую роль своему другу Александру Панаеву, которого все считали бездарным исполнителем. Возник конфликт, и «директор» ушёл с репетиции, взяв друга за руку.

Можно представить, как тяжело было Сергею слышать об успехах университетской труппы, куда он целый год не мог вернуться! Но можно только восхищаться поступком Аксакова, который ради дружбы не пошёл на компромисс, хотя и признавал, что у Панаева явно не было артистических талантов, несмотря на отличные внешние данные. Отлучённые от театра, но вдохновлённые лекциями по натуральной истории профессора Карла Фукса, Аксаков с Панаевым заинтересовались бабоч-

ками. Именно Фуксу Аксаков обязан своим главным увлечением юности, собиранием бабочек, которое он так страстно описал в рассказе с одноимённым названием. Однажды друзья забрели в рощу на северо-восточной окраине Казани, на левом берегу Казанки. Место показалось им похожим на Швейцарию. Александр Панаев высказался так: «Сравниваю описание Швейцарии с сими местами и, кажется, нахожу сходство. И с общего согласия мы назвали их “Казанская Швейцария”». Там два друга ловили редких бабочек сачками и расправляли их разноцветные крылья в специальных ящичках, которые мастерски делал Панаев. За время учёбы будущий писатель обошёл Казань и её окрестности. В 1806 году в рукописном журнале «Аркадские пастушки» студенты Аксаков и Панаев опубликовали статью «Швейцария в Казани». После этого местность на западе от Арского кладбища, где сейчас находится парк имени Горького, начали называть Русской Швейцарией.

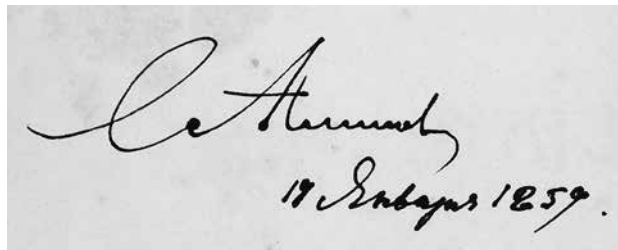
И всё же театральный реванш Сергею Аксакову удался! Извечный его соперник, своекоштный студент Дмитриев, забравший себе аксаковские роли в студенческих постановках, неожиданно оставил университет и определился в военную службу (все тогда ожидали войны с Наполеоном). Труппа обратилась к Аксакову, товарищи просили забыть ссору. Конечно, Сергей поначалу не соглашался... но вернулся на сцену. Договорились, что директора у них не будет, а руководство университетским театром перейдёт к трём избранным старостам. Аксаков настоял, чтобы возобновили постановку «Ненависть к людям и раскаяние» (перевод драмы Коцебу – популярного тогда в Европе и весьма плодовитого драматурга). На генеральную репетицию кто-то пригласил актёра Грузинова, которого казанская публика любила и уважала. Тот высказал ценные замечания актерам-любителям, а игру Аксакова расхвалил, более того, рассказал о нём содержателю театра Есипову. Павел Петрович обратился к ректору Яковкину, чтобы получить приглашение на спектакль. Осенью 1806 года студенты поставили комедию Коцебу «Бедность и благо-

С. Аксаков. Худ. Иван Крамской

родство души», где Аксаков блистал в главной роли: «Это был последний университетский спектакль, в котором я играл, последнее моё сценическое торжество в Казани. Откровенно признаюсь, что воспоминание о нём и теперь приятно отзывается в моём сердце. Много есть неизъяснимо обаятельного в возбуждении общего восторга! Двигать толпою зрителей, овладеть их чувствами и заставить их слиться в одно чувство с выражаемым тобою, жить в это время одной жизнью с тобою – такое духовное наслаждение, которым долго остаётся полна душа, которое никогда не забывается!» Постановку высоко оценили казанские театралы, а Есипов выделил для молодого Аксакова кресло в директорской ложе – свободный вход на все спектакли! Для театралы выше награды, наверное, трудно было желать. Жаль, что Сергей Тимофеевич недолго пользовался такою привилегией...

Наступил 1807 год. Война с Наполеоном шла полным ходом. Многие студенты, включая лучшего друга Аксакова, Панаева, и его старшего брата Ивана, подали прошения

об увольнении из университета, чтобы отправиться в действующую армию. Сергей Аксаков признавался, что ему не приходила мысль «лететь с мечом на поле брани». Однако в жизни Аксакова произошли значительные перемены, которые вынудили его покинуть университет. Григорий Карташевский, поссорившись с университетским начальством, был вынужден уехать из Казани в Петербург. Он начал убеждать родителей Аксакова, что юноше лучше выбрать государственную службу в столице, и обещал найти Сергею место в Комиссии по составлению законов. К тому времени Тимофей Аксаков стал наследником богатой тётушки Куроедовой. Отец решил забрать сына из университета и отправиться с ним в Петербург. В январе 1807 года Сергей подал прошение «об увольнении из университета для определения к статским делам». Он перестал посещать лекции, но каждый день бывал в университете. Всё свободное время Аксаков проводил в задушевных беседах с друзьями, а иногда они разыгрывали сцены из пьесы Шиллера «Разбойники».

В марте Сергей Аксаков получил аттестат, который он называл «поистине незаслуженным»: «Мало вынес я научных сведений из университета не потому, что он был ещё очень молод, не полон и не устроен, а потому, что я был слишком молод и детски увлекался в разные стороны страстностью моей природы. Во всю мою жизнь чувствовал я недостаточность этих научных сведений, особенно положительных знаний, и это много мешало мне и в служебных делах, и в литературных занятиях. Накануне дня, назначенного к отъезду, пришёл я проститься в последний раз с университетом и товарищами. Обнявшись, длинной вереницей, исходили мы все комнаты, аудитории и залы. Потом крепко, долго обнимались и це-

ловались. Прощаясь навсегда, толпа студентов и даже гимназистов высыпала проводить меня на крыльцо; медленно сходил я с его ступеней, тяжело, грустно было у меня на душе; я обернулся, ещё раз взглянул на товарищей, на здание университета – и пустился почти бегом... За мною неслись знакомые голоса: “Прощай, Аксаков, прощай!”»

Сергей отправился из Казани по последнему зимнему пути в Аксаково. Там его ждали весна, охота и природа. Мысли о войне с Наполеоном и университете с товарищами исчезли. Затем после полугодичного пребывания в Мо-

ем автора. Эти книги в том числе рассказывают о жизни Аксакова в Казани, его учёбе в гимназии и университете: «Я, по крайней мере, за всё, что сохранилось во мне доброго, считаю себя обязанным гимназии, университету, общественному учению и тому живому началу, которое вынес я оттуда. Я убеждён, что у того, кто не воспитывался в публичном учебном заведении, остаётся пробел в жизни, что ему недостаёт некоторых, не испытанных в юности, ощущений, что жизнь его не полна...»

В Казань, с которой Аксаков был связан почти восемь лет, он больше не возвращался,

«Я, ПО КРАЙНЕЙ МЕРЕ, ЗА ВСЁ, ЧТО СОХРАНИЛОСЬ ВО МНЕ ДОБРОГО, СЧИТАЮ СЕБЯ ОБЯЗАННЫМ ГИМНАЗИИ, УНИВЕРСИТЕТУ, ОБЩЕСТВЕННОМУ УЧЕНИЮ И ТОМУ ЖИВОМУ НАЧАЛУ, КОТОРОЕ ВЫНЕС Я ОТТУДА. Я УБЕЖДЁН, ЧТО У ТОГО, КТО НЕ ВОСПИТЫВАЛСЯ В ПУБЛИЧНОМ УЧЕБНОМ ЗАВЕДЕНИИ, ОСТАЁТСЯ ПРОБЕЛ В ЖИЗНИ, ЧТО ЕМУ НЕДОСТАЁТ НЕКОТОРЫХ, НЕ ИСПЫТАННЫХ В ЮНОСТИ, ОЩУЩЕНИЙ, ЧТО ЖИЗНЬ ЕГО НЕ ПОЛНА...»

ске он обосновался в Санкт-Петербурге, где служил в Комиссии по составлению законов переводчиком. В 1811 году Аксаков переехал в Москву. К этому времени относится его литературный дебют: Сергей Глинка в журнале «Русский вестник» опубликовал аксаковскую басню «Три канарейки».

В 1816 году Сергей Тимофеевич женился на Ольге Заплатиной, дочери генерала. В браке родилось десять детей. Аксаков служил в цензурном комитете и стал первым директором Константиновского межевого института. В его доме часто бывали знаменитый актёр Михаил Щепкин, писатели Фёдор Тютчев, Иван Тургенев, Николай Гоголь. В 1838 году Аксаков ушёл в отставку из-за проблем со здоровьем и купил усадьбу Абрамцево в 50 верстах от Москвы. Ухудшение зрения заставило его диктовать автобиографические произведения дочери. Так появилась знаменитая трилогия: «Семейная хроника», «Детские годы Багрова-внука» и «Воспоминания». Позже к ней присоединилась сказка «Аленький цветочек», которая стала самым узнаваемым произведени-

ем автора. Хотя здесь жила его сестра. Сегодня на пересечении улиц Лобачевского и Карла Маркса, д. 27/11, стоит красивое здание, возведённое в первой половине XIX века. Этот дом принадлежал родной сестре Сергея Аксакова – Софье Тимофеевне Глумилиной (1806–1866). Её дочь Надежда вышла замуж за выдающегося химика Александра Бутлерова, который жил в этом доме с 1852 по 1864 год, когда совершил свои главные открытия в области органической химии. Здание также известно как «Покровская аптека», названная так по старому имени этой части улицы Карла Маркса – Покровской. В Казани именем писателя названы улица и переулок в посёлке Залесный Кировского района. В 2021 году, к 230-летию со дня рождения Сергея Аксакова, в университетском двореке КФУ установили его бюст. Логичнее было бы установить этот памятник по адресу ул. К. Маркса, 10, где учился Аксаков, поскольку здания КФУ на улице Кремлёвской, 18, тогда ещё не существовало.

Николай ЧЕРБАЕВ

Руководитель Сосновского литературного объединения «Родник».

ЛЮБИТЕ ГОСПОДА ХРИСТА

Мы все идём. Идём куда-то:
Кто вверх по лестнице, кто – вниз.
Кто – шагом бравого солдата,
А кто устал уже и скис.

Кто не нуждается в подсказке
И к цели мчится напролом.
Кто, под чужой скрываясь маской,
Живёт всю жизнь чужим умом.

Но в чём же суть? Что людям надо?
К чему стремится человек?
Какою быть должна награда?
Что ищет он из века в век?

Одних богатство с ума сводит,
Другим – лишь хлебушка кусок.
Но, жизнь когда черту подводит,
Нам дорог тонкий волосок.

За волосок хотим вцепиться,
Чтоб не сорваться, не упасть.
Тогда мы в храм идём молиться,
В слезах к распятию припасть.

Так, значит, суть есть вера в Бога?!
А жизни истина проста:
Чтоб привела вас в рай дорога –
Любите Господа Христа!

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

ГОСПОДЬ МОЙ БОГ

Господь мой Бог, просить не буду!
Просить не буду ничего!
Я отношусь к добру и худу
Как к воле сердца Твоего.

Что заслужил я, Ты мне дал.
За то, что грешен, Ты отнял.
За то, что дал мне право жить,
Я буду лишь благодарить.

Благодарю за всё, что есть,
За то, что встать могу и сесть,
За то, что вижу и дышу,
За то, что чувствовать могу.

За всё, Господь, благодарю:
За день, за ночь и за зарю,
За мой рассвет и за закат,
За мой на Божий путь возврат,

За то, что в жизни не успел,
За то, что много ещё дел,
За слишком резкий поворот,
И за паденье, и за взлёт,

За слёзы, радость и любовь,
За необдуманность шагов,
За боль щемящую в груди,
За неизвестность впереди –

За всё Тебя благодарю.
И только об одном молю:
За все, за все мои грехи
Прости, Господь, меня,
прости!

ГОСПОДЬ ВСЕВИДЯЩИЙ, МЫ НЕ ХОТИМ ВОЙНЫ!

Войной пошёл на нас славянский брат,
Снаряды на Россию с Запада летят.
Господь всевидящий, мы не хотим войны,
Спаси Россию от напасти сатаны.

Мать-Богородица, прими под свой покров
России воинов – отчества сынов!
Утешь, Господь, сердца и жён, и матерей,
Дай, Господи, дожждаться им мужей и сыновей.

Вложи, Господь, в уста врагов слова,
Что вера православная для всех для нас одна,
Что мы славяне, мы один народ,
Пусть голос разума их к миру воззовет.

Вражду посеял враг из-за «бугра»,
Изгнать из сердца зло пришла пора.
Господь вселюбящий, спаси и сохрани,
Сердца враждующих любовью примири!

* * *

Ночка безлунная! Звёзды не светят!
Путь неизвестен! Не видно во тьме,

Ту ли дорогу следы мои метят,
Там ли иду я, где надобно мне!

Будет ли путь озарён мой во мраке:
Вздригнет ли лучик звезды надо мной,

Выйдет ли месяц в серебряном фраке,
Выпустит солнце ли луч золотой!

Трудно идти мне без Божьего света.
Тяжко на сердце, и мрачно в душе.

Знаю, что есть Божья искорка где-то,
Боже-спаситель, подай руку мне!

БОЖЬЯ ПОМОЩЬ

РАССКАЗ

Жизнь человеческая... В ней не бывает постоянства. Наступила радостная пора – не обольщайся: жди скорбей. Пережил неприятности – обязательно наступит время радости. Наверное, иначе нельзя. Ведь оно как иногда бывает. Когда человек живёт в достатке, независимо, то смотрит свысока, черствеет сердцем, а в минуты скорби спустится «с небес на землю» и помягчает его сердце. Господь попускает для нас скорби, чтобы мы не потеряли облик человеческий, чтобы человек был таким, каким Он создал его. Но Господь есть любовь, человеколюбец, и Он никогда не оставит раба своего без помощи. Даже попустительство скорби Господом необходимо для спасения душ наших.

Семья Михайловых была самой обыкновенной. Богатства не имели, но и недостатка не испытывали. Супруги Сергей и Елена были крещёнными в православную веру и детей крестили и воспитывали в традициях православной веры. По воскресеньям посещали храм. Благодарили Бога за то, что имели. Так и жили с благостью в душе.

Но вот грянул 1991 год. Предприятие, где работал Сергей, закрылось, и он остался без работы. Жена ещё работала, но на её зарплату жить стало очень тяжело, еле-еле концы с концами сводили. Надо было двоих детей растить. И решил тогда Сергей заняться бизнесом – торговлей. А торговать он начал одеждой из Турции. Тогда таких людей называли челноками. Торговля шла успешно, но времени свободного у него практически не оставалось. Поездка в Турцию, торговля, снова Турция и снова торговля. Пришлось не только забыть о посещении храма, но и семью не видел неделями. Елена работала, занималась детьми и тоже перестала посещать храм. Проще говоря, забыли о Боге.

Когда Сергей заработал достаточно денег, то решили они с Еленой открыть свой магазин. Елена стала помогать мужу. Дела шли весьма успешно. Сами уже не торговали, нанимали на работу продавцов.

Им удалось сколотить приличное состояние. Построили хороший дом. Купили дорогой автомобиль. Елена среди других женщин стала контрастно выделяться дорогой одеждой и украшениями. Дети тоже выделялись среди сверстников импортной одеждой. Елена занималась только собой: дорогая парфюмерия, посещение косметических салонов и бутиков. Ну а Сергей как мог крутился, чтобы не было сбоя в бешеном ритме бизнеса. Всё надо успеть: и изучить спрос покупателей, и товар вовремя завезти и реализовать удачно, и суметь устроить встречи с нужными людьми, и семью свозить на отдых.

Церковь для семьи Михайловых осталась где-то далеко в прошлом. Уже несколько лет они не посещали храм и не благодарили Бога за материальные успехи. Когда-то смиренные душой, они перестали быть богобоязненными. Посещали корпоративные вечеринки, концерты, отдыхали за границей. Одним словом, жили в достатке и праздно проводили свободное время. Наступил пик душевного перекося: причислили себя к особому слою людей – новым русским. Сами того не замечая, обрели серьёзную душевную болезнь – забыли Бога.

Но ведь Господь Бог наш всевидящий. Если мы забыли о Нём, то Он о нас помнит и обязательно придёт на помощь, только протяните к нему руку, и Он поведет вас за собой и спасёт.

Неожиданно для Михайловых белая полоса в жизни перешла в чёрную – заболела Елена. Врачи мало давали шансов на выздоровление. Сергей всё делал, чтобы помочь жене, не жалел ни средств, ни сил, ни времени. Имея материальную возможность, обращался за помощью к признанным в медицине врачам. Но шло время, а Елене становилось хуже. Чувствуя, что ей не выкарабкаться из чёрных лап болезни, Елена уже смирилась с этим. Как-то, коротая время в одиночестве, она стала вспоминать всю свою прожитую жизнь. И как-то по-особому, с теплом вспомнила то время, когда они жили просто, как многие люди: работали, растили детей и ходили в церковь. Она стала вспоминать некоторые молитвы и даже прочитала молитву Богородицы и «Отче наш». Молилась и просила о помощи. И на душе у неё как-то вдруг потеплело, как-то

ей стало необычайно хорошо. Она поверила, что Господь услышит её молитвы и поможет. Она уже свыклась с болями, а тут вдруг и на сердце стало легче. Теперь чтение утренних и вечерних молитв стало для неё потребностью. Порой, преодолевая боль и слабость, непрестанно молилась и просила Богородицу о телесном исцелении.

Однажды ей приснился сон: видит она Богородицу, склонилась перед ней, крестится и просит исцелить её. И послышался голос Богородицы: «Душу исцеляйте».

Елена рассказала сон мужу и попросила его сходить в церковь на богослужение.

– Нам с тобой, Елена, надо на исповедь и просить Бога о прощении грехов наших. Грех мы с тобой совершили большой – Бога забыли, – с грустью проговорил Сергей.

Стали они готовиться ко святому причащению. В следующее воскресенье Михайловы всей семьёй отправились в церковь. Трудно было Елене, но она смогла преодолеть телесные боли. Исповедовались и причастились Святых Христовых Таин. Молились всем сердцем, слёзно молились перед образом Богородицы. Сергей сделал тайное пожертвование для церкви. Они стали посещать все богослужения, и дома все непрестанно молились. Шло время.

Усердие в молитве заставило Елену отвлечься от болезни. День ото дня она стала чувствовать себя лучше, а дальше и вовсе пошла на поправку. Прошло полгода, и от болезни Елены не осталось и следа. По милости Божьей семья Михайловых снова обрела душевный покой. Теперь они жили только с молитвой и любовью к Богу.

В очередной раз на исповеди батюшка сказал Елене:

– У вас была душевная болезнь, а не телесная. Господь исцелил душу по вашим молитвам к Нему.

Благодарите Бога за всё, а что вам дать за ваши молитвы, Господь сам знает!

*Начни свой день с молитвы к Богу,
Душа не будет так страдать.
Уйдёт с души печаль, тревога,
Настанет в сердце благодать.*

Анна КАМЕНСКАЯ (БЕГЕЛЬДИНОВА)

ПОВСЮДУ ТЫ

ПЕЧАТЬ ЛЮБВИ

Земля моя, земелюшка родная,
 Печать любви Христовой на тебе,
 О ласковая Русь! О Русь святая,
 Простая, откровенная в мольбе...
 Живым потоком песнь твоя прольётся
 В лад с дивным, согревающим лучом,
 И в тихий час в Чертогах отзовется
 Всё радостное, бьющее ключом!
 И тайное, и явное повсюду...
 Увенчанные золотом поля...
 О Русь моя, Россиюшка, ты чудо,
 Возлюбленная Господом земля.
 Берёзовые ветви, словно плети,
 Преобразились в белые кресты,
 И здесь Дух созидающий заметен,
 О Господи, я вижу, это Ты!
 Люблю тебя, о Русь моя святая!
 Простая, постоянная в мольбе,
 Земля моя, земелюшка родная,
 Печать любви Христовой на тебе.

ДАЙ НАМ

Дай нам почувствовать Бога живого,
 Матерь Смирения, Матерь Любви.
 Так, чтоб, вращая в Него понемногу,
 Мы становились для Неба свои.
 Дай нам воистину счастья простого,
 Где-то в сторонке от шумных дорог.
 Дай же смирения сердцу такого,
 Чтоб захотел с ним беседовать Бог.
 Дай нам услышать, вместить Божье Слово,
 Всё сокровенное в нас оживи,
 Жить научи нас в ладу с Его зовом,
 Матерь Смирения, Матерь Любви.

Господи Боже, Твой каждый след
 Тихо целую и жду другой,
 Господи Боже, как много лет
 Любит душа моя Твой покой...
 Господи Боже, очисти мя,
 Господи Боже, за всё прости,
 Господи Боже, найди меня,
 Руку подай, сохрани в пути.
 Господи Боже, услыши мя,
 Не отыми от Своей Любви,
 Господи Боже, молю Тебя,
 Милость святую на мне яви.
 Господи Боже, так где же я?
 Жив ли во мне Твой бессмертный Дух?
 Ты моя Жизнь и Любовь моя,
 Снова Тебя призываю вслух.
 Вижу и знаю Твои следы,
 Свет Твой всю душу мою раскрыл...
 Господи Боже, повсюду Ты
 И ликованье бесщётных крыл!

А МНЕ НЕ НАДО

Боже мой, а мне не надо зрелищ.
 Только единение с Тобой...
 Как же мало на земле убежищ
 Для души израненной, больной.
 Боже мой, а мне не надо славы,
 Без Тебя я безымянный ноль.
 Ты один души моей отрава,
 Хоть слугой быть, но Твоей... Позволь.
 Боже мой, а мне не надо шума,
 Сердце моё жаждет тишины.
 О Твоей любви все мои думы,
 И Тобой все дни мои полны.
 Боже мой, а мне не надо пира,
 Я могу и хлебом быть сыта.
 У Тебя прошу лишь миру мира...
 Человека губит суета.
 Боже мой, не надо мне чужого,
 К дальним берегам я не стремлюсь.
 Дай мне Твоего... Душе родного...
 И храни мою святую Русь.
 Боже мой, мне ничего не надо,
 Что к Тебе не в силах донести.
 Ты моё богатство и отрада,
 Просто дай мне до Тебя дойти.

ДОСТАВ ДО ДНА

Не веский мир, не вещь, а Дух –
Сам Дух, вовеки создающий, –
Волнует душу, сердца слух
И взгляд, в глубинное зовущий.
Не краски, не беззвучный вихрь,
А чувства нежные до дрожи...
Бесценный миг бесценно тих,
Что может быть любви дороже?
Душа, душа... Не надо слов.
Не надо больше слёз и боли...
Душа, душа, вернись по Кров,
Доверь себя единой Воле.
Не пира жаждет блудный сын,
Уткнувшийся Отцу в колени.
Он хочет быть с Отцом един
После бесчисленных падений.
И ты, душа, достав до дна,
Поймёшь, что с Господом едина,
Отыщешь Света семена
В своих темнеющих глубинах.

ДАЙ НАМ, БОЖЕ

Снова песня льётся из груди –
Тихое, молитвенное скерцо...
Дай нам, Боже, до Тебя дойти,
В суете земной не раствориться.
Брось нам в сердце семя тишины,
Даже если прорастёт нескоро,
Но, достигнув нужной глубины,
Станет утешеньем и опорой.

ИНОКИ В ИСИХИИ

Тёплый Свет в пустынной келье, ночь, монахи
тихие...
Столь отрадное свеченье, иноки в исихии,
И взирают сердца очи на Царя Бессмертного,
Нет прекрасней этой ночи для пути заветного.
За окном безмолвны степи, реки, горы и моря,
Всё под звёздным Небом стихло, в такт
молитвенно горя.
И ни стоны, и ни всхлипа, будто мир весь
превозмог,
Будто над землёй склонился молчаливый
вечный Бог.
Постижим ли человеку этот Царственный
покой,
Сможет ли достигнуть сердце отрешённости
такой?

ВСЁ ОТДАНО, ЧТО ЖАЛЬ ТЕРЯТЬ

Держись, душа моя, держись,
И с ветром в тон рыдая глухо,
Из глуби в глубину, из жизни в жизнь,
В присутствии живого Духа...
Иди...
Не бойся... Рядом Бог.
Он проливается в нас Светом,
Чтоб каждый здесь напиться смог
И не остался без ответа.
За следом – след... За светом – Свет...
За миром – Мир, и радость в Мире.
Вот Бог, вот мы... Стен больше нет...
И глубже все сердца, и шире...
Смотри, а тьма и есть, и нет,
Вокруг незримое свеченье,
Везде неуходящий Свет,
И мир внутри, и потепленье.
Всё отдано, что жаль терять...
Что, душенька, затихла снова?
Ведь ты так силилась объять
Таинственное Божье Слово.

БАТЮШКЕ СЕРАФИМУ САРОВСКОМУ

Разум небесный тебе даровался,
 Отче всехвальный, святой Серафим.
 Видеть Пречистую ты сподоблялся
 Здесь, на Земле... И был Ею любим.
 Слышу, звучит, словно эхо, твой голос –
 С радостью тихой, с любовью Христа.
 Вижу, людей утешает твой образ,
 Взглядом зовёт во святые места.
 Тянутся люди в Саровскую пустынь,
 В дивном Дивеево славят тебя.
 Радость находят и те, кто был грустен,
 Слыша твой глас: «Веруй, радость моя!»
 Кто унывал, обретает надежду
 Здесь – у твоих чудотворных мощей.
 Реченькой вечной к тебе, как и прежде,
 Вьётся народ в свете дней и ночей.
 Слышишь ты каждого, отче предивный,
 Раны врачуешь, внимаешь мольбам
 И, укрывая от гроз и от ливней,
 Радость пасхальную даришь сердцам.

ГДЕ ТЫ ГОЛОВУ ПРИКЛОНИШЬ?

Бог мой, Боже, Искупитель,
 Где Ты голову приклонишь?
 Где, мой Бог, Твоя обитель?
 Та, что вновь Собой исполнишь.
 Тишиной небесных терций
 Ты ответишь, грея взглядом,
 Что Твоя обитель – сердце,
 Не исполненное ядом.
 Бог мой, Боже, Созидатель,
 Как Ты мог в него вместиться?
 Мне поведай, Жизнедатель,
 Есть ли в сердце том границы?
 Ты ответишь мне с любовью
 Песней птицы на рассвете,
 Её звонким славословьем
 О Твоём небесном Свете...
 – Человек, о человеке!
 Самого Творца любимче,
 Не ищи Отца далече,
 Бог твой очень предприимчив!
 Не ищи Отца далече,
 Он всегда с тобою рядом,
 Его дом – простое сердце,
 Не исполненное ядом.

ВИЦЕ-АДМИРАЛ В. М. ГОЛОВНИН

ПОЭМА

19 апреля 2026 года – 250 лет со дня рождения В. М. Головнина

Сергей БЕЛОВ-ВИЧУЖАНИН

*Посвящается 250-летию
со дня рождения вице-адмирала
В. М. Головнина*

ПРОЛОГ

Исследователь океанов,
Моряк, гидрограф, адмирал.
Он был не только капитаном –
Две сотни книжек написал.
Прекрасно знал морское дело
И с геодезией дружил.
Участвуя в походах смело,
Две кругосветки совершил.
И хоть родился он в глубинке,
О дальних плаваниях мечтал.

Село рязанское Гулынки
Прославил вице-адмирал.

ГЛ. I. ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ ВАСИЛИЯ

В Гулынках Головнин родился,
Продолжил свой дворянский род.
Он к знаниям всегда стремился –
Мечтал прославить русский флот.
Нелёгким было детство Васи:
Осиротел он в девять лет.
Вопрос о новой жизни ясен –
Стал Вася Головнин кадет.
В Кронштадт, в морской кадетский корпус,
Был Головнин определён.
Шёл к цели юноша упорно –
Наукою он увлечён.
Тогда Никитин и Курганов

Делились мыслями сполна.
 Уроки их всегда желанны –
 Достойны славы имена.
 Ему легко давались знанья.
 Он философию любил.
 В моря вело его призванье –
 Стремился не жалея сил.
 Была, конечно дедовщина,
 Ведь без неё не обойтись –
 Прислуживать гардемаринам.
 Суровая кадетов жизнь.
 Похожими на Ушакова
 Кадеты все мечтали стать.
 Всегда на подвиги готовы –
 Стремленья к славе не унять!
 В четырнадцать он отличился
 На корабле «Не тронь меня».
 Со шведами отважно бился,
 Надёжно честь свою храня.
 События те скрыты далью.
 В них отличился Головнин.
 За что был награждён медалью
 Лихой в бою гардемарин.
 Науки постигал упорно.
 Морской порядок сердцу мил.
 Окончил он кадетский корпус
 И званье мичман получил.
 Служил он на английском флоте –
 Прекрасный для карьеры старт.
 И, отдаваясь всей работе,
 Отлично знал фрегат «Фисгард».
 Он был примерным волонтёром,
 Фрегаты знал, как «Отче наш».
 И часто на морских просторах
 Брал корабли на абордаж.
 Как литератор состоялся –
 Талант такой Всевышний дал.
 Он в Англии стажировался,
 Там книгу первую издал.
 И четверть века книга эта
 Настольной морякам была.
 Талантлив он по всем приметам,
 Верша великие дела.
 Хоть с Пушкиным в одно жил время,
 Им встретиться не довелось.
 У моряка свои проблемы –
 Пропитан морем он насквозь.

ПЕРВОЕ КРУГОСВЕТНОЕ ПЛАВАНИЕ

ГЛ. II. КРОНШТАДТ – ПОРТСМУТ – ОСТРОВ СВ. ЕКАТЕРИНЫ – МЫС ГОРН

Он не был в кругосветке первой,
 Об этом сожалел чуть-чуть.
 Лиснянского и Крузенштерна
 Решил продолжить славный путь.
 Мечтал о волнах океана,
 Морские карты изучал.
 Возглавив новый шлюп «Диана»,
 Он первым капитаном стал.
 И клятву дал перед народом:
 Царю, Отечеству служить.
 Достоин своего народа –
 Об этом надо говорить.
 Большого в этом нет секрета:
 Нелёгко груз морских дорог.
 Сам Крузенштерн ему советом,
 Морскими картами помог.
 Отход из гавани наметил –
 В моря романтика звала.
 Поймав «благоприятный» ветер,
 «Диана» якорь подняла.
 Порт назначенья Копенгаген –
 Не надо далеко ходить.
 Но сколько мужества, отваги
 Пришлось команде проявить.
 Два дня погода штормовая
 С грозой испытывала шлюп.
 Ему погибель обещая,
 Точила на «Диану» зуб.
 Трепал жестокий шторм прилично,
 Испытывая такелаж.
 Но с бурей справились отлично
 И Головнин, и экипаж.
 Менялось отношенья к русским.
 Чтоб не попасть на абордаж,
 Закончив в Портсмуте погрузку,
 «Диана» следует в Ла-Манш.
 Декабрь. Шлюп пересёк экватор.
 Нептун на праздник поспешил.
 Без дня Нептуна скучновато –
 Он прибавляет в море сил.
 На острове Екатерины¹

¹ Остров Св. Екатерины.

Смог экипаж передохнуть.
Счисление «Дианы» зримо
Отметило дальнейший путь.
Погода спутала все мысли.
Но надо двигаться вперёд.
От мыса Горн к другому мысу
Направил Головнин свой ход.
Пройти Атлантику непросто –
Пришлось и без еды идти.
Матросы били альбатросов,
Китов встречали на пути.

ГЛ. III. МЫС ДОБРОЙ НАДЕЖДЫ. В ПЛЕНУ У АНГЛИЧАН

Он весь в неведенье, как прежде,
Не знает о войне двух стран.
Был в Южной Африке задержан
Российский шлюп и капитан.
Но предан флоту и России,
Царю, Отечеству служил,
Все помыслы свои и силы
В горячем сердце он носил.
Используя свою сноровку,
Замер он сделал не один.
Серьёзно взвесив обстановку,
Побег готовил Головнин.
В плену английском больше года
Российский находился шлюп.
Побег вернёт ему свободу,
Ведь русский капитан не глуп.
Всё ночью делали без шума –
Не выбирали якоря.
Их лица не были угрюмы –
Старались все они не зря.
В кромешной темноте работа:
Поставили все паруса.
Уйти из плена всем охота.
Творит надежда чудеса!
Был капитаном настоящим:
На разные решенья скор.
Провёл «Диану» он блестяще
Из бухты на морской простор.

ГЛ. IV. В ГОСТЯХ У АБОРИГЕНОВ. ПРИХОД В ПЕТРОПАВЛОВСК

Как много значила погода
Тогда для парусных судов.
Им часто не давая хода,
Лишала отдыха и снов.
Шлюп чуть о рифы не разбился
Ново-Гебридских островов.
Но ветер вдруг переменялся,
И Танна¹ принял моряков.
Аборигены их встречали,
Как самых дорогих гостей.
Улыбки лица озаряли,
Их взглядов не было нежней.
Туземцев быстро «покорили»,
Оставив в душах добрый след.
Подарки моряки дарили –
Они свои несли в ответ.
Наивней не было на свете.
Сердцам их русский образ мил.
И плакали они, как дети,
Когда шлюп в море уходил.
И вновь пересекли экватор.
Хоть шли холодные дожди,
Сырое небо, словно вата...
Ждал Петропавловск впереди.
Теперь лежал курс на Камчатку.
Спокоен Тихий океан.
На судне было всё в порядке,
И был доволен капитан.
Сентябрь. Авачинская бухта
Встречала смелых моряков.
Но что же с ними дальше будет?
Ответ был у судьбы суров.

ГЛ. V. В ЯПОНСКОМ ПЛЕНУ

Доставил груз он до Аляски –
Ново-Архангельск навестил.
И, выполняя план прекрасно,
Курилы тоже не забыл.
Жизнь не всегда бывает сладкой,
Ведь часто горькая она.
И вот Япония – загадка,

¹ Танна – остров в архипелаге Новые Гебриды в Тихом океане.

Для всех закрытая страна.
 Моряк исследовал Камчатку,
 И Кунашир¹ он посетил.
 Но не прошло тогда всё гладко:
 К японцам в плен он угодил.
 С ним четверо матросов было,
 Курилец², Хлебников и Мур.
 Шли долго. Иссякали силы.
 Не помогал и перекур.
 Привалы были очень редки.
 Весь день до наступленья тьмы
 Вели их связанными крепко
 До Хакодате³, до тюрьмы.
 Лишь о России сердце билось.
 Душа сжималась от тоски.
 Чтоб ничего не позабылось,
 Вязал Василий узелки.
 Жить в клетках-камерах непросто –
 Им воздух был необходим.
 Десятки каверзных вопросов
 Японцы задавали им.
 Они без дела не сидели –
 Заказы сыпались с утра.
 Японцам угодить сумели,
 Расписывая веера.
 Вопросами замордовали
 Они российских моряков.
 А те о Родине мечтали,
 И план побега был готов.
 Свобода – главное желанье
 Отчизну любящих натур.
 Не выдержал лишь испытаний
 Один, красавец мичман Мур.
 Побег закончился провалом,
 И беглецы попали в плен.
 Неволя русским показала
 Вновь жуткий вид тюремных стен.
 Теперь в темнице на Мацмае⁴ –
 А в ней ни одного окна.
 И пленные вмиг осознали –
 Надёжно сделана она.

¹ Кунашир – самый южный остров Большой гряды Курильских островов.

² Курилец – житель Курил.

³ Хакодате – город на острове Хоккайдо.

⁴ Мацмай – феодальное княжество, крепость на острове Хоккайдо.

ГЛ. VI. ОСВОБОЖДЕНИЕ ИЗ ПЛЕНА. ОТЪЕЗД В ПЕТЕРБУРГ

Рикорд⁵ хотел узнать о пленных.
 На Кунашир он поспешил.
 Заложник Токадай отменно
 Переговоры проводил.
 Пришло для моряков спасенье.
 Прекрасный из двоих аккорд:
 Принёс ему освобожденье
 Друг Пётр Иванович Рикорд.
 Забылись беды и печали –
 Был быт у пленников суров.
 Тепло японцы провожали
 На шлюп российских моряков.
 Два с лишним года у японцев
 Василий Головнин провёл.
 Встречая ежегодно солнце,
 Он радость в дневнике обрёл.
 Закончилось два заключенья
 На Хакодате и Мацмай.
 Конец опасным приключеньям –
 Героя, Петербург, встречай!
 Пришла желанная свобода.
 Был путь ему в столицу дан.
 На путешествие полгода
 Затратил флотский капитан.
 На шлюпе обойдя полмира,
 Немало встретив бурь и гроз,
 Подаренные сувениры
 В Санкт-Петербург моряк привёз.

ВТОРОЕ КРУГОСВЕТНОЕ ПЛАВАНИЕ

ГЛ. VII. КРОНШТАДТ – РИО- ДЕ-ЖАНЕЙРО – МЫС ГОРН

Пришла нечаянная радость:
 Ему присвоен новый чин.
 Он – капитан II ранга,
 Моряк Василий Головнин.
 Всё было у него в порядке.
 Своей работой увлечён.
 И на новейший шлюп «Камчатка»
 Назначен командиром он.

⁵ Рикорд Пётр Иванович – друг Головнина. На «Диане» был его помощником.

Матюшин, Врангель, Фёдор Литке –
Великолепный комсостав!
Для флота – золотые слитки.
Закон для них – морской Устав!
Священник отслужил молебен.
Салютовала крепость им –
Для моряков всегда целебен
Простор под небом голубым.
Его команда, как награда,
Была для каждого важна.
И понимали с полувзгляда
Матросы все Головнина.
Считая дисциплину нормой,
К тревоге был готов всегда.
Одет с иголочка по форме,
Не раздевался никогда.
Прошли Мадеру, Тенерифе.
Попутный ветер подгонял.
И Головнин в удачу верил –
Запасы там не пополнял.
Экватор. Рио-де-Жанейро.
Стояли две недели здесь.
Отлично подлечили нервы –
Красот тут всех не перечесть.
Смотрели водопад и горы,
Но огорчали всё рабы.
Поэтому спешили в море,
Подальше от такой судьбы.
Опасней места нет на свете
Среди морских коварных волн.
Боролась три недели с ветром
«Камчатка», обходя мыс Горн.

ГЛ. VIII. КАЛЬЯО – ЛИМА – ПЕТРОПАВЛОВСК

На шлюпе Новый год встречали.
Погодка свежая была.
Но моряки не унывали –
Домой «Камчатка» их вела.
Зашли в Кальяо, после Лима
Встречала русских моряков.
Земля лишь теми так любима,
Кто по морям ходить готов.
Серебряные копи в Лиме:
Обширней в мире не найти.
Легко богатствами своими

Всех может Перу превзойти.
И Лиму обогнать не пробуй –
Она известна с давних пор:
Снабжал Америку с Европой
Сполна тогда монетный двор.
Воображенье поразили
Лиманские монастыри:
Из серебра в них даже были
Все балюстрады, алтари.
Закончилась стоянка в Лиме.
Смогла команда отдохнуть.
Запасов всех необходимых
Хватало, чтоб продолжить путь.
«Камчатка» шла хорошим ходом –
Попутный ветер помогал.
Хвалили моряки погоду.
Нептун их снова поджидал.
Легко пересекли экватор.
Бывают в море чудеса:
Ведь помогали им пассаты
Идти на полных парусах.
Все дружно Пасху отмечали,
Молились за свою судьбу.
О Петропавловске мечтали –
В Авачинскую шли губу.

ГЛ. IX. ПЕТРОПАВЛОВСК – АЛЕУТСКИЕ О-ВА – НОВО- АРХАНГЕЛЬСК – КРЕПОСТЬ РОСС – МОНТЕРЕЙ – ПОРТ РУМЯНЦЕВА

Преобразилась вся Камчатка.
Её хозяин Пётр Рикорд
Навёл отличный в ней порядок.
И другом Головнин был горд.
Василию Пётр друг желанный.
Он искренне его любил.
Жене Рикорда фортепьяно,
А другу дрожжи подарил.
Всё купленное в Петербурге
За тридевять земель тащил.
Прошло свиданье с другом бурно –
Петра Василий не забыл.
Команда красила «Камчатку»,
Чинила снасти, паруса.
Всё по морскому распорядку –
Матросам нравится краса.

На шлюпе все дела в порядке,
 Как подобает морякам.
 Взяла красавица «Камчатка»
 Курс к Алеутским островам.
 Зверей для промысла в избытке:
 Бобров, песцов и соболей.
 Ново-Архангельск (остров Ситка),
 И крепость Росс, и Монтерей.
 Зашли в залив сей не напрасно,
 Стремленью к суше утоля.
 Ведь в Калифорнии прекрасно
 Всё: климат, море и земля.
 Путь до Кронштадта очень длинный.
 Как к рыбам не попасть на корм?
 И, порт Румянцева покинув,
 «Камчатка» угодила в шторм.
 Ведь не было тогда прогнозов,
 Зависело всё от ветров,
 И уповали на матросов,
 На прочность мачт и парусов.
 Порвать была готова буря
 На шлюпе в ключья паруса.
 Хоть много есть в стихии дури –
 Творят матросы чудеса!

ГЛ. X. ГАВАЙИ – МАРИАНСКИЕ О-ВА – МАНИЛА – МЫС ДОБРОЙ НАДЕЖДЫ

Пришла «Камчатка» на Гавайи,
 На Сандвичевы острова!
 Тут открыватели бывали,
 На земли требуя права.
 Когда-то здесь убили Кука –
 Отдали памяти все дань.
 Для открывателя наука:
 Ты попусту не капитань.
 Об этом даже не мечтали,
 Но слухами полна земля.
 О резиденции узнали –
 В ней навестили короля.
 Пополнив все свои запасы,
 Продолжила «Камчатка» путь.
 Маршрут её предельно ясен:
 На остров Гуахан взглянуть.
 Не лишними запасы были
 На Марианских островах.

К Маниле моряки спешили
 На самых полных парусах.
 Чуть больше месяца в Маниле
 Провёл российский экипаж:
 Они Отечеству служили –
 Был дорог сердцу берег наш.
 Попасть к пиратам здесь нетрудно
 От милых берегов вдали.
 И два купеческие судна
 В кильватере «Камчатки» шли.
 Хоть мыс Надежды¹ был и рядом,
 Попали под жестокий шторм,
 Который разразился градом,
 Пусть не мечтали все о нём.
 Когда мыс «грозный» проходили,
 Припомнил он английский плен.
 Его, конечно, не забыли,
 Хоть было много перемен.

ГЛ. XI. ОСТРОВ СВ. ЕЛЕНЫ – АЗОРСКИЕ ОСТРОВА – ПОРТСМУТ – КРОНШТАДТ

На острове Св. Елены
 В плену Наполеон сидел.
 С ним повидаться непременно
 Отважный капитан хотел.
 Увы, не состоялась встреча.
 Шлюп в бухте отдохнул чуть-чуть.
 К Азорским островам отмечен
 Счислением на карте путь.
 Почти три месяца «Камчатка»
 Шла от Елены до Азор.
 Хоть было иногда несладко,
 Всем бурям шли наперекор.
 Пополнили запасы быстро:
 Продукты, овощи, вода.
 Лишь о Кронштадте были мысли
 У русских моряков тогда.
 Пришли в английский Портсмут снова.
 Почти закончился вояж.
 Кронштадт давно уже готов был
 Встречать геройский экипаж.
 Два года кругосветка длилась.
 Она его второй была.
 Благополучно завершилась,
 И ждали новые дела.

¹ Мыс Доброй Надежды.

ГЛ. XII. СЛУЖЕНИЕ ФЛОТУ

Считал он в жизни самым главным
Служить царю не на показ.
Закончив кругосветку славно,
Чин новый получил: «кап раз»¹.
Он обвенчался с Евдокией.
Семья прекрасная была.
То были годы золотые –
Решались сельские дела.
И девять месяцев в Гулынках
В желанном отпуске провёл.
Так в сердце дорогой глубинке
Земное счастье приобрёл.
И дневники моряк не прятал –
Писал записки он свои.
А «Сын Отечества»² печатал
Его о плаваниях статьи.
Писал о приключениях книги,
Ведь маринистом первым был.
И, несмотря на все интриги,
Самозабвенно он творил.
Организаторским талантом
Адмиралтейство покорил,
Став генералом-интендантом,
Трудился не жалея сил.
Радел для флота и народа
На протяжении многих лет.
И автор «Мичман Мореходов»
Издal блестящий свой памфлет,
Где в государственной измене
Мужей высоких обвинял
И Соломоном незабвенным
Правителя не называл.
Прекрасно цену знал свободе,
Царю однажды присягнул,
Он думал о своём народе
И выю никогда не гнул.
Любя Россию сердцем чистым,
Народа душу изучил.
Знал Головнин о декабристах,
Стих «Вольность» Пушкина любил.
Прекрасные то были годы –
Флот к пополнению готов.
Построил десять пароходов,

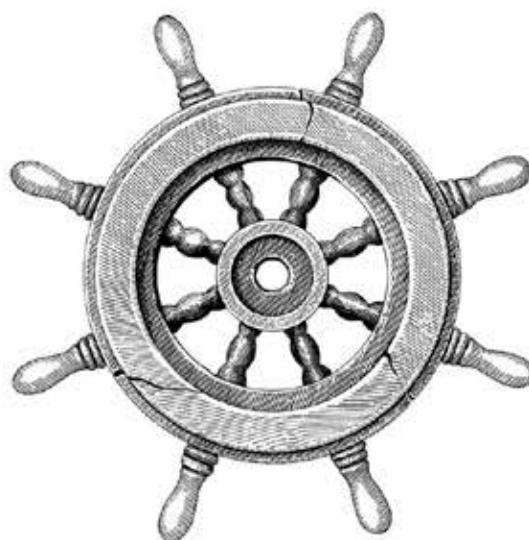
Две сотни парусных судов!
И корабельных инженеров
Организован корпус был,
Ведь Головнин в Россию верил
И честно Родине служил!

ЭПИЛОГ

Девиз «За Правых – Провиденье»
Себе моряк взял неспроста,
Чтоб выполнить предназначенье,
И совесть чтоб была чиста.
Судьба открыла шире двери –
Случилось то, о чём мечтал:
За восемь месяцев до смерти
Он вице-адмиралом стал.
Тогда холера лютовала –
Санкт-Петербург в «осаде» был.
И в чине вице-генерала
Василий Головнин почил.
Его в Рязани уважают –
Здесь вспыхнула его звезда.
Головнина в России знают
И не забудут никогда!

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисарова Л. А. Вице-адмирал Головнин. М., 2016.
2. Давыдов Ю. В. Головнин. М., 1968.

¹ Капитан первого ранга.

² Название журнала.

ОТРЫВОК

Олег РОМЕНКО

Олег Сергеевич Роменко родился в г. Белгороде. Стихи и проза публиковались в журналах «Наш современник», «Молодая гвардия», «Дон», «Подъём», «Нева», «Север», «Нижний Новгород», «День и ночь», «Камертон», «Крылья», «Ротонда», «Звезда Востока», «Бийский вестник» и других. Редактор литературного журнала «Дрон». Лауреат и член жюри региональных и всероссийских литературных конкурсов и фестивалей. Автор книги стихотворений «Волны времён» и книги сказок для детей «Трепетные комочки». Помощник руководителя литературной студии «Младость». Член правления Белгородской региональной общественной организации литературного творчества «Мир писателя».

В первое чернобыльское лето воздух был сладковатым и тошнотворным. От него холодело под ложечкой, а голова горела, как при высокой температуре. Волны радиации докатились и до южного Черноземья. В огромных палисадниках белгородских многоэтажек на окраине города, густо засаженных фруктовыми деревьями, созревали плоды крупнее обычного, что сразу было отмечено старожилками.

Вдоль одной такой девятиэтажки под нависшими над тропинкой тёмными кронами яблонь возвращалась домой стайка десятилетних пацанов. В сандалиях у них хлюпала вода, шорты и майки насквозь промокли – хоть выжимай. Взъерошенные волосы топорщились в разные стороны. В руках у каждого по «обсыалке» – пластиковой бутылке из-под шампуня с припаянным к продырявленной крышке корпусом авторучки.

Все пацаны были худошавыми, с острыми коленками и лопатками. Размашистые шаги, бурная жестикующая, в живых блескучих глазах азарт. Трое из них – Олег, главный заводила компании, известный на всю округу как Лежа, Костик и Серый – имели типичную славянскую внешность, а четвёртый – Юшман – из-за сму-

глой кожи и чёрных курчавых волос был похож на Яшку-цыгана из четвёрки «Неуловимых».

Высокое июньское солнце разбросало повсюду в траве под деревьями своих зайчиков, что только усиливало общую эйфорию ребят. Ещё вчера, когда они отправились за тридевять дворов поиграть в футбол на большом школьном стадионе, к ним прицепились скучающие подростки из милицейского дома и повздорили с ними. Договорились на следующий день встретиться с «обсыкалками». Кто победит – того и стадион.

Битва за стадион началась с утра. Противники нещадно обливали друг друга холодной водой. Во внутреннем дворе школы наружу был выведен кран для полива цветов. Из него противники и восполняли свои боеприпасы. У «милицейских» пацанов вожак был четырнадцатилетний верзила по кличке Гусь, на широком лице которого боролись свирепость со слабоумием. Неизвестно, сколько часов продлилось бы это водное побоище, если бы у Лежи не созрел план.

Когда враги в очередной раз наполнили свои бутылки, на Гуся обрушились сразу четыре струи воды. Клевреты пытались отбить своего вожака, но безуспешно. Гусь бросил свою «обсыкалку», а потом, закрывая лицо руками, развернулся спиной к нападавшим и ринулся наутёк. Дольше всех его преследовал Лежа, направляя струю за шиворот верзиле и припоминая для бодрости духа ругательства Дика Сэнда из «Пятнадцатилетнего капитана», которого он взялся читать на каникулах: «Чёрт возьми, Негоро, сукин ты сын, ещё одно нарушение дисциплины, и я вышибу твои дрянные мозги прямо на палубу!»

Теперь пацаны возвращались домой с видом триумфаторов, ощущая себя тимуровцами, которые только что дали достойный отпор квакинцам. Время близилось к обеду, и время от времени у подростков громко урчало в пустых животах.

Серого и Юшмана растили матери-одиночки, работавшие уборщицами, Костик жил с родителями-пенсионерами, а Лежа – с бабушкой и дедом. Уборщицы получали восемьдесят рублей, пенсионеры – девяносто. Кормильцев

с зарплатами литейщиков и фрезеровщиков на заводах, в триста-четыреста рублей, у них не имелось.

Впрочем, у Лежи был ещё дядя Саша – бетонщик на заводе ЖБИ, который месяц назад записался добровольцем и уехал в командировку строить под Чернобылем жильё для ликвидаторов аварии. Бабушка напутствовала его словами: «Хоть там не пей!» Вдохновлённый примером дяди Саши, Лежа перестал бояться «радиоактивных осадков» и свободно разгуливал в лёгкой болоньевой куртке по блестящему асфальту мокрых улиц, наблюдая, как пассажиры осторожно выходят на остановках из троллейбусов с уже раскрытыми зонтами и панически спешат к ближайшему укрытию.

– Эх, – глубоко вздохнул лохматый белобрысый Серый, – жаль, нельзя теперь есть фрукты.

– Кто тебе сказал? – спросил Костик с мягкими завитками золотистых волос, будто обсыпанный древесной стружкой.

– Мать сказала.

– И мне матуха говорила, – поддержал Серого Юшман.

– По телику учёного показывали, – вмешался коротко подстриженный на лето Лежа, – так он говорит, что можно съесть триста килограмм чернобыльских яблок и ничего не будет.

– Триста килограмм, – Серый запрокинул голову вверх, щупая голодными глазами незрелые плоды в кронах деревьев, он был похож на муравья в высокой траве. – А если я больше съем?

– Вырастут рога и копыта, – обидно прыснул Костик. – В корову превратишься.

– Сам ты корова, Костай!

– И больше съешь, ничего не будет, – успокоил Серого Лежа. – У нас же нормальные яблоки.

– Смотрите, что творится! – с тяжёлой одышкой проговорил возникший на пути подростков высокий и крупный старик, постоянно гулявший здесь со своей мохнатой болонкой.

Взрослые называли его Толиком, а детвора – Бегемотом из-за непомерного пуза. При сокрушительных вздохах, а сокрушался набожный и пьющий старик довольно часто, у него то и дело вылетали пуговицы из петелек.

Концы рубахи разъезжались в разные стороны, обнажая слипшийся пупок, похожий на третий глаз в спящем режиме. Жил Толик в угловом подъезде, вместе с Лежей, Костиком и Серым, только все на разных этажах. Подженился он к старухе-вахтёрше с прескверным характером по прозвищу Седея. Вместе они дневали и ночевали в одной смене на самом крупном в городе заводе, который в войну вывезли за Урал, а потом вернули обратно.

– Солнце жарит, как в аду, и это нам Божье наказание! – пробасил Бегемот, преградив путь пацанам.

Лежа вспомнил, как перед каникулами возле его школы появилась тщедушная старушка. Вся в чёрном, как тень, она комично призывала молиться Богу, ибо близятся времена антихристовы. Ребяшня сразу окружила чудную старушку, весело дурачась: «Мы, пионеры, в Бога не верим – вот те истинный крест!» Но разве Бегемоту такое скажешь? Он огромный, будто Циклоп из мультиков. Пузище – тунгусский метеорит, придавит – мокрого места не оставит. А ещё у него увесистая палка, на которую он, кряхтя, опирается при ходьбе.

– Разрушили, нехристи, озоновый слой, совсем стало невмоготу. – Старик вынул из кармана белой рубахи клетчатый платок и стал собирать в него бегущие по выбритым пухлым щекам струйки пота. – Реакторов понаделали, в космос полезли, бахвалятся: «Где Бог? Не видели мы его нигде? Бога нет!» А я так отвечаю: «Не там ищите!» Есть Бог! И Он здесь! – Бегемот с чувством стукнул себя кулаком в грудь. – У меня и у вас! У всех!

Болонка обнюхала сандалии Юшмана и лениво потрусилась дальше. Подростки осторожно обогнули Бегемота, будто весенний ручеек, встретивший на своём пути крупный камень, и направились к арке своего дома. Старик протёр платком затылок, покачал головой, побурчал и посеменил вслед за собакой.

Простившись с Юшманом, который жил в южной части перпендикулярного дома, Лежа, Костик и Серый свернули в арку. Нередко в ней бесчинствовал ветер, будто привидение, пой-

манное в ловушку. То в плечо толкнёт, то над ухом завоет, то начнёт в лицо швырять разным мелким крошевом, подобранным с асфальта. Леже нравилось преодолевать это препятствие не меньше, чем обводить с мячом полкоманды соперника на школьном стадионе и забивать гол.

Стена третьего этажа над аркой была наглухо заложена кирпичом. Там находилась нежилая квартира, проникнуть в которую можно было через подвал, забравшись наверх по выступающим из стены в шахматном порядке кирпичам. Эту квартиру и превратили в свой штаб подростки, натащив в неё картонных коробок, пенопласта и сидушек от развалившихся стульев и кресел.

Но сейчас перед ребятами стояла куда более сложная задача – проникнуть в свой угловой подъезд. На нижних этажах в нём жили самые зловредные в доме бабки-самогонщицы. И зимой, и летом они, будто церберы, сидели или стояли возле входной двери. Старые мегеры знали назубок вымышленные ими же самими биографии жильцов и распространяли про них несусветные небылицы. Едва тот или иной человек, возвращаясь с работы, переступал порог своего подъезда, как слышал за спиной о себе такое, что ему стоило невероятных усилий, чтобы не превратиться в Раскольникова.

Однажды терпение жильцов лопнуло. Они отрядили из своих рядов пару крепких мужиков на ответственное диверсионное задание, и те ночью уволокли куда-то лавочку, на которой сидели бабки. Тогда старухи придумали выносить на улицу деревянные ящики, но тут на борьбу с ними поднялись мальчиши-кибальчиши. Самогонщицы ненавидели детей за шумные игры во дворе, а дети платили им той же монетой – шалили ещё больше. Стоило бабкам покинуть свою вахту на обед и оставить у подъезда ящики, как через пару минут тары уже не было.

Намаявшись с этой напастью, старухи стали каждый раз заносить и снова выносить свои сидушки. Но порой случалось так, что они забывали про эту обременительную процедуру, и тогда ящиков опять как не бывало. За это они ещё больше возненавидели детей и сидели у

подъезда, злобно поглядывая по сторонам и грозно размахивая хворостинами, которые у мегер имели двойное назначение. Ими стегали детей и отмахивались от комаров.

Лежа осторожно выглянул из-за угла арки. Бабки пока ещё не собирались на обед и привычно восседали у подъезда. Самая лютая из них – крючконосая Гундоска, высохшая, словно мумия, с пожелтевшим лицом, напоминающим старую скомканную газету. От её огненной воды, которая горела синим пламенем в кружке, буквально за год сгорел и помер слабохарактерный зять, а дочка тронулась умом. Продолжение рода Гундоске не светило, и она особенно остервенело лупила «безотцовщин» ивовым прутом.

Рядом с Гундоской дежурили две её дебелые подруги – Ленка и Седа. Одна имела вид лихой разбойницы, всегда поддатая, красномордая, с длинными чёрными волосами. Другая – с мучнистым властным лицом вахтёрши, мутными глазами и плешью на макушке. В разгар антиалкогольной кампании самогонщицы сбывали своё пойло только самым проверенным клиентам. Остальным, кто привык раньше отовариваться в ликёро-водочных отделах, категорически отказывали и отрицали свою причастность к постыдному ремеслу. Один обозлённый фрезеровщик с девятого этажа, припомнив, что старухи, будучи девицами, два года жили в немецкой оккупации, каждый раз, возвращаясь домой, зависал на крыльце подъезда и громко напевал будто бы самому себе: «Эх, Семёновна, какая хитрая, любила Сталина, потом и Гитлера».

Лежа обрисовал товарищам диспозицию противника. Ребята решили не ждать, когда бабки проголодаются и уберутся в своё логово. По общей команде «три-четыре» пацаны вихрем вылетели из-за угла арки и чуть не сбили коренастую Нельку, недоучившуюся студентку технологического института, осторожно спускавшую по ступенькам крыльца прогулочную коляску со своим годовалым малышом. Старухи воспользовались этой закупоркой, повскакивали с ящиков и принялись охаживать пацанов хворостинами, выкрикивая:

– Черти проклятые!

– Молокососы!

– Безотцовщины!

– Что вы творите?! – закрыв собой ребёнка и подставив спину бабкиным хворостинам, заверещала Нелька. – Я мужу пожалуюсь!

Но эта угроза не возымела должного действия. Нелькин муж Вовка, низенький и круглый, как колобок, мужичок с добродушной улыбкой от уха до уха был совсем не тем человеком, которым принято пугать прожжённых негодяев. Работал он водителем троллейбуса. Лежа всегда заходил через переднюю дверь Вовкиного восьмого маршрута и по-свойски здоровался с соседом через приоткрытый проём в кабинке водителя. А Вовка, вальяжно перещёлкнув похожие на чёртовы пальцы тумблеры, закрывал двери, жал на педаль, ехал дальше и широко улыбался утреннему солнцу.

– Уйди, курица! – зверски зарычала Ленка, заметив, что тощим пацанам, покусанным хворостинами, всё же удалось просочиться в подъезд.

– Чего? – молодая мать развернулась передом к старухам, воткнув кулаки в бока, так в гневе делали её крестьянские предки, не хватало только кочерги или ухвата поблизости. – Да я заявлю на вас!

– Что ты заявишь?

– То, что видела!

– Что ты видела?

– Видела, как вы сахар да дрожжи авоськами таскаете!

– Бесстыжая!

– Мы варенье варим!

– Блины печём!

– Вот придут к вам с обыском, и увидим, что вы там варите или гоните!

– Ах ты, бесстыжая!

– Недоучка!

– Мы сами на тебя заявим!

Ребёнок в коляске выглядел вылитым своим отцом за рулём, только в миниатюре, и казалось, ему на роду было написано продолжить трудовую династию водителей троллейбусов. Только вид у него был совсем

не благодушным, как у Вовки. Малыш хмурил брови, надувал щёки, а потом выплюнул соску и громко разревелся.

– Вот клянусь, – рассвирепев, Нелька вцепилась в коляску и покатила её вперёд с дребезжанием по шершавому асфальту, – я не поленюсь проехать две остановки до «будки» и заявлю на вас!

Казалось бы, всё это можно было сделать уже давно, однако люди боялись въедливой советской милиции не меньше, чем стоматологов. Стоило пригласить таких анискиных, как, начав распутывать одно дело, они, увлечённые процессом, обнаруживали зацепки для возбуждения новых, потому что люди есть люди – кто без греха?..

Пацаны заскочили в подъезд, как мыши в норку. Опираясь на крашенные перила, они тяжело дышали и сопели от обиды. Глаза то склииво блуждали по бетонному полу. Но тут всем в носы, будто нашатырём, шибануло жареной картошкой. Желудки у ребят заурчали, как у голодных зверят.

– Мать картохи нажарила! – обрадовался Костик.

Серый помрачнел, его дома ожидал в лучшем случае ломоть хлеба, который он сверху посыпал крупномолотой украинской солью и поливал краснодарским подсолнечным маслом.

Костик будто в лунатика превратился, он только с пятого раза попал ключом в замок, а Лежа с Серым вызвали лифт и поехали наверх. Один на пятый этаж, другой – на восьмой. В лифте Серый то и дело сглатывал слюну, кадык на его тонкой шее дёргался то вверх, то вниз. В лихорадочно блестящих глазах читалось, что Серый сейчас готов съесть что угодно и кого угодно, хоть прямо здесь, в лифте. Чтобы отвлечь товарища от столь пагубных мыслей, Лежа непринуждённо спросил:

- Хочешь карамелек?
- Хочу.
- Только завтра.
- Лежа, а что мы будем завтра делать?
- Мстить.

Двери лифта открылись с грохотом и лязгом. Лежа нехотя пожал липкую ладонь Серо-

го, вышел и позвонил в дверь. От неё всегда пахло чем-то щемяще родным. Сердце у Лежи всегда сладко замирало, когда после звонка он, уткнувшись носом в мягкую обивку, прислушивался и ждал за дверью неторопливых шаркающих шагов бабушки и двойного поворота ключа в замке.

– О Господи! – бабушка открыла дверь и схватилась за сердце, её большая грудь всколыхнулась.

Щупленький внук стоял перед ней нахоленный, будто вернувшийся с войны. Крепко сжатые скулы, жёсткий непримиримый взгляд, мокрая одежда топорщилась бугристыми складками, а на руках и ногах алели тонкие полосы от хворостин самогонщиц.

– А ну, дай сюда! – бабушка нервно дёрнула рукой, пытаясь забрать у Лежи «обсыкалку». – Выброшу в мусоропровод!

Ещё недавно бабушка сама несколько часов кряду кипятила в кастрюле эту бутылку из-под шампуня, чтобы размягчить толстый и твёрдый пластик, – чем бы дитя ни тешилось...

– Не дам, – внук спрятал своё «оружие» за спину и отступил на два шага назад.

– О-о-о, – протяжно простонала бабушка, и глаза её заволокла дымка. – Неслух, он и есть неслух!

Она перекинула через плечо длинное кухонное полотенце и, оставив входную дверь нараспашку, пошла в спальню. Бабушка словно бы предоставляла внуку свободу выбора: хочешь – заходи, сушишь и ешь, а не хочешь – иди куда хочешь.

Раздосадованный Лежа с комом в горле зашёл в квартиру и тихо, без скрипа, закрыл дверь. Скинув мокрые сандалии, он легко и почти неслышно пробежался босыми ногами в их общую с дядей Сашей комнату. Там он просунул руку за спинку дивана и спрятал «обсыкалку» в потайном месте.

Потом Лежа достал из шифоньера сухую одежду, а мокрую, забравшись на табурет, развесил на балконе, где в углу стояли две хоккейные клюшки, лыжи, санки и лук со стрелами, который он смастерил вместе с дедом. На полу лежал, а порой и перекатывался, когда

на балкон врывается буйный ветер, кожаный футбольный мяч. Мальчик любил пинать его об стену, чем постоянно вызывал неудовольствие и переполох, как в курятнике, у соседней справа. Но что поделаешь, если ноги так и чешутся ударить по мячу, особенно после того, как советская сборная на чемпионате мира наколотила шесть безответных голов венграм.

Лежу не интересовали ни солдатики, ни машинки, ни другие игрушки из «Детского мира». У него в тумбочке хранились шахматы, шашки, карты, домино и самодельные «бродилки» из картона с фишками и кубиками. Под тумбочку в самый угол был засунут настольный хоккей, чтобы никто не наступил и не сломал рычажки, приводившие в движение металлические фигурки хоккеистов. Но самым главным его увлечением были книги. Если дядя Саша покупал в киосках Союзпечати совсем что-то неудобоваримое для ума, лишь бы забить книжный шкаф, то племянник был куда разборчивей.

Почти каждый день Лежа заходил в самый большой книжный магазин и интересовался новинками. Но чаще покупал или выменивал нужные книги у знакомых. На его этажерке в углу комнаты стояли плотно притиснутые друг к другу книги с произведениями Аркадия Гайдара, Эдуарда Успенского, Валентина Катаева, Марка Твена, Жюль Верна, Фенимора Купера, Вильгельма Гауфа, Джека Лондона, русские, французские, арабские сказки, история фараонов, мифы Древней Греции...

И сейчас мальчик испытывал смешанные чувства: то ли пойти на кухню перекусить, то ли взяться за продолжение «Пятнадцатилетнего капитана». Для многих его сверстников выбор выглядел вполне очевидным в пользу обеда в виде наваристой ухи из карпа или жареной картошки с грибами. Но Лежа принадлежал к когорте тех устойчивых к гастрономическим соблазнам стойков, про которых ещё древние говорили: «Не хлебом единым жив человек».

Книжные приключения настолько будоражили его сознание, что чувство голода словно в бездну проваливалось, подавая откуда-то из

глубин едва ощутимые для желудка импульсы. А потом, когда Лежа увлечённо впитывал страница за страницей новые книги про Маленького Мука или Синдбада-морехода, в нём просыпался такой священный трепет, который, мальчик был в этом уверен, будет в нём всегда и не умрёт никогда.

Страсть к соревновательным играм и художественным книгам сделала его одновременно уравновешенным и взрывным. Товарищам было интересно с ним, но порой и боязно, поскольку приключения имеют и обратную сторону медали. Читая книги запоем, Лежа по ночам видел фееричные сны и жил с ощущением постоянного праздника в сердце. И ему хотелось вовлечь в этот праздник всех обитателей их большой многоэтажки, в которой жило полторы тысячи скупающих людей.

Мальчику часто снились герои из его любимых книг. Снилось, как он с Томом и Геком сплавляются на плоту по Северскому Донцу. На берегу их отчаянно выкликают Белый Клык. Причалив к нему, ребята направляются в глубину амазонских джунглей вслед за умной собакой. Там они находят в бревенчатой избе истекающего кровью красного командира с секретным донесением, зашитым в гимнастёрке. Вокруг по его душу гиенами рыскают стаи петлюровцев, разрубая саблями лианы и ужасно коверкая русскую речь. Не мешкая, ребята сооружают из подручных средств воздушный шар и вместе с раненым командиром воспаряют над Сосновкой. Петлюровцы, на которых сверху падают мешки с песком, плюются, ругаются и, ничего не видя, рубят друг друга в капусту, а мальчиши-кибальчиши держат курс на Москву, чтобы вручить секретный пакет лично товарищу Фрунзе.

И как было бы здорово, думалось на каникулах по утрам Леже, если бы подобную катавасию привнести в серую жизнь их двора. Чтобы старухи не зевали на лавочках, мужики не кисли за домино в беседке, дети не слонялись бесцельно по солнцепёку, а чтобы все вместе на импровизации крутились во дворе, будто акробаты в цирке.

СОНАТА СЕНАТОРУ

Валерий АРШАНСКИЙ

Человек, поверхностно знакомый с биографией Александра Валерьевича Никитина, с удивлением скажет: «Да ведь этот парень родился с золотой ложкой во рту! Всё ему давалось легко и просто...» Понаслышке всегда судят именно так, как судят о «лёгкости» порхающей на сцене прима-балерины, не зная, сколько пудов пота пролито ею у станка на ежедневных изнурительных репетициях. Вот такой же повседневный труд и высочайшая самодисциплина были залогом всех успехов нашего героя.

Школу он окончил с золотой медалью, одновременно поднявшись на боксёрском ринге до высокого спортивного уровня. Блистательно отучился на экономическом факультете Мичуринского государственного аграрного университета, до получения красного диплома зарекомендовав себя как пытливый аналитик, тщательно исследовав финансовое положение подведомственных вузу учебных хозяйств и

подразделений. Так и определился дальнейший путь – наука! В свои двадцать четыре года Александр защищает кандидатскую диссертацию, а в тридцать три – становится доктором экономических наук, получает учёное звание профессора. Научным руководителем на всех этапах был для него Александр Васильевич Петриков – учёный, академик РАН с мировой известностью, предлагавший своему подопечному всегда сложные с исследовательской точки зрения научные темы и проектные задачи, которые впоследствии ложились в основу ценных учебных пособий, монографий, практических рекомендаций для студентов аграрных вузов и аграриев-практиков. К слову, к теоретическим знаниям Александра Валерьевича добавлялся и солидный практический опыт, связанный с управленческой работой в крупнейших консалтинговых организациях и корпоративных столичных структурах, занимавшихся интеграционными проектами на селе.

– Мне очень многое и в жизни, и в науке дало тесное общение с Александром Васильевичем Петриковым, в то время директором Всероссийского института аграрных проблем и информатики имени А. А. Никонова, – рассказывает Александр Валерьевич. – Человек он широчайшей эрудиции, родился на Брянщине, выходец из крестьянской семьи. Всем аспирантам был живым героическим примером того, чего можно добиться упорством, трудолюбием, неустанным самообразованием. Его познания в профильных направлениях аграрной сферы просто поразительны. И настолько же восхитителен его культурный кругозор – истовый поклонник и исследователь с глубоким подходом творчества Александра Сергеевича Пушкина.

Конечно же, уроки учителя не могли пройти бесследно для благодарного ученика. И (забегая вперёд) скажем, что к своему серебряному юбилею – пятидесятилетию – доктор экономических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования, обладатель Национальной премии «Профессор года», дипломант Общероссийской высшей общественной экономической премии «Экономист года» и лауреат Национальной премии имени П. А. Столыпина «Аграрная элита России», профессор МГИМО МИД РФ А. В. Никитин подошёл с очень солидным багажом. Издано 27 монографий, учебников и книг, 110 научных статей и тезисов, увидели свет 14 учебно-методических работ. Своим достижением известный учёный и прекрасный преподаватель считает подготовленных под его научным руководством 15 кандидатов и четырёх докторов наук. В их числе Анатолий Сергеевич Труба, доктор экономических наук, профессор, а ещё и литератор: прозаик, публицист, секретарь правления Союза писателей России, в течение последних десяти лет – главный редактор и издатель ежемесячного исторического, литературно-художественного журнала «Александръ». Ему слово.

– О таком шефе, как Александр Валерьевич, можно только мечтать. В нём прекрасно сочетаются лучшие чисто человеческие качества: коммуникабельность, умение расположить к себе – с высокой научной требовательностью,

чёткостью, организованностью, без всяких скидок и послаблений. И эти качества сослужили ему добрую службу в период работы вначале проректором по научной деятельности, а затем и ректором Мичуринского аграрного университета, когда он принял бразды правления от уважаемого академика РАН Анатолия Ивановича Завражнова, отдавшего вузу четверть века.

* * *

Не особо доверяя всяким разным предсказаниям и гороскопам, я всё же заглянул в описание знаков Зодиака, выбрав «никитинское» созвездие – Тельца. Прочитанное приятно порадовало точностью совпадений: «Тонко чувствует и саму жизнь, и искусство, глубоко разбирается в финансовой стороне вопросов. Человек с признанным трудолюбием». А что в личном плане? «Телец способен растопить ледяное сердце даже головокружительной красавицы. Прирождённый отец. Быстрыми шагами идёт по карьерной лестнице».

Скептик недоверчиво улыбается? Напрасно! То, что юному Александру добрыми спутниками студенческих лет постоянно были спорт, самостоятельное углублённое изучение английского языка, подтвердят все ныне здравствующие однокурсники. Ну а насчёт красавицы?.. Однажды решил оказать бескорыстную помощь по математике девушке с артистической внешностью, Татьяне, и вскоре и наставник, и подопечная убедились, что логарифмы, интегралы, секансы и косекансы только укрепляют обоюдную симпатию, перерастающую в более близкие отношения, ведущие в ЗАГС. Что и свершилось после завершения учёбы в университете, к радости родителей с обеих сторон. И вот будет сыграна уже «никелевая свадьба», и в семье Никитиных благополучно растут, достигают желанных высот сыновья – студенты Валерий и Владимир, дочь – школьница Виктория. И отец Александр Валерьевич – при всей его постоянной занятости служебными делами – просто замечательный!

Что касается карьерной лестницы, то предсказанный знаками Зодиака быстрый шаг действительно свершился. Придав родному

университету мощный импульс научно-исследовательского развития, А. В. Никитин был приглашён на областное руководство, став председателем регионального Законодательного Собрания.

– Новая ответственная должность позволила Александру Валерьевичу глубже узнать проблематику области, пристальнее познакомиться с новыми людьми, командными кадрами во всех городах и районах Тамбовщины, – говорит многолетний редактор Токарёвской районной газеты «Маяк», сам проходивший службу в органах местного самоуправления и имевший депутатскую закалку, Александр Владимирович Замараев. – Укрепился авторитет председателя областной Думы, и наверняка он сам почувствовал, как прибавляется более масштабный технологический опыт руководителя.

А затем был май 2015 года, когда, меняя прежнего губернатора – Олега Ивановича Бетина, – Александр Валерьевич Никитин, вначале с приставкой «и.о.», а через четыре месяца, в сентябре, получив на выборах достойное количество голосов – 85,47%, уже полноправно вступил в должность главы администрации региона. Ему было не привыкать быть первым и самым молодым на различных постах. Выходец из трудовой семьи: дед – участник стахановского движения, труженик самого тяжёлого – кузнечного – цеха паровозоремонтного завода, отец – ведущий инженер-конструктор оборонного предприятия, мама – главный бухгалтер – он никогда не пасовал перед барьерами, опасностями, рисками и был всегда верен девизу: «Встал и пошёл!»

– Я ежегодно приезжал на Тамбовщину, в полюбившийся мне город-наукоград Мичуринск, – говорит кандидат юридических и доктор педагогических наук, адвокат Марк Владимирович Переверзев. – И каждый раз поражался тому, как благодаря своему земляку-губернатору преобразуется старинный Козлов – Мичуринск. Построена великолепная набережная вдоль живописной реки Лесной Воронеж. Проложены новые автотрассы. Во всех уголках области заработали такие нужные предприятия по выпуску мясной, рыбной, кондитерской продукции. Прибавились целые улицы с жилыми домами, особенно в областном

центре, появились новые современные школы, ясли, садики, больницы, ледовые дворцы, плавательные бассейны и физкультурно-оздоровительные комплексы, приобрела современный вид вся инфраструктура, я в этом убеждался лично, во время поездок и встреч с коллегами...

* * *

С октября 2021 года Александр Валерьевич Никитин является сенатором Совета Федерации РФ от Законодательного Собрания Тамбовской области. Входит в состав Комитета по международным делам, возглавляемый опытным дипломатом Григорием Борисовичем Карасиным. Очень сложные, государственной значимости функции выполняет ведущий комитет Сената. Это парламентская дипломатия, ратификация и денонсация международных договоров, консультации по назначению и отзыву дипломатических представителей, а ещё очень серьёзные вопросы закрытого порядка и многое другое. Ответственно выполняя возложенные задачи, Александр Валерьевич не забывает об интересах родной Тамбовщины, как и прежде, активно откликается на все обращения жителей области.

* * *

26 апреля у него – без сомнения – будет шквал звонков, поздравлений, писем и телеграмм... Ещё бы: доктор экономических наук, профессор, сенатор РФ, человек, увенчанный многими государственными и ведомственными наградами, отмечает юбилейный, пятидесятый, день рождения! Много прозвучит здравниц, добрых слов, искренних признаний и напутствий, в том числе – как добропорядочному прихожанину – от его духовника, настоятеля Мичуринского храма Илии-пророка, почётного гражданина города Мичуринска протоиерея отца Павла...

А мы скажем: большое счастье, что в государстве Российском есть такие достойные сыновья, как Александр Валерьевич Никитин! Говоря не тускнеющими со временем словами поэта: «Гвозди б делать из этих людей, крепче б не было в мире гвоздей».

КНИГА НАЧИНАЮЩЕГО КОСМОНАВТА

Ко Дню космонавтики выходит книга Олега Артемьева и Анатолия Трубы с вопросами к космонавту. Она состоит из 65 вопросов и 65 тематических фотографий, сделанных в космическом пространстве лётчиком-испытателем, Героем России Олегом Артемьевым.

65 – цифра неслучайная – посвящение 65-летию полёта первого человека в космос, именно эти 65 страниц помогут ребятам сделать первый шаг к исполнению заветной мечты человечества – освоению космического пространства.

КАКИЕ ЧУВСТВА ВЫ ИСПЫТАЛИ ВО ВРЕМЯ ПЕРВОГО ПОЛЁТА, ПЕРВОЕ ВПЕЧАТЛЕНИЕ, И ОТЛИЧАЛОСЬ ЛИ ЭТО СОСТОЯНИЕ ОТ ОЩУЩЕНИЙ В ПОСЛЕДУЮЩИХ ПОЛЁТАХ? 01

Это такие чувства, которые возникают при достижении мечты. Восторг, ощущение, что «всё по плечу», и конечно же новые ощущения.

Возникла глубокая благодарность и признательность ко всем людям, которые сопровождали меня на этом не простом пути к звездам – родителям, учителям, друзьям, командиром в армии, преподавателям в университете, тренером, наставником, инструктором и конечно медикам. Все эти люди, их знания и забота обо мне, их вера в меня и сделали возможным почувствовать свою силу и возможности, и космический полёт стал для меня реальностью.

Я испытал невероятную волну любви, с которой хотелось всех обнять в благодарность за то, что дали мне столько своей энергии и любви, чтобы я смог воплотить свое желание – увидеть Землю из Космоса. А это грандиозное зрелище, когда восторгу нет предела, и казалось, что если вдруг случится нештатная ситуация и тебя вернут на Землю, то как раз этим секунд и не хватило, чтобы осознать, как красива Земля. Это чудо. Ни одна фотография, ни одно видео не передаст этой картины – Планета в пространстве бесконечного Космоса.

Человек здесь становится другим – добрее, терпеливее, сострадательнее. Вся земная суета уходит на задний план. И мне кажется, что если бы все люди Земли смогли увидеть Землю из Космоса – какая она – первозданная мощная и прекрасная, и в тоже время хрупкая. То, возможно, сразу бы прекратились все войны и конфликты. Наша Земля и беззащитна, и в то же время выступает нашей защитницей. Как родная мать для каждого землянина.

Вот я и исполнил свою мечту, но с каждым полётом ещё больше возникает желание – ещё раз полететь и сделать всё возможное, чтобы выполнить программу, на благо всего человечества.

Итак, каждый раз – второй, третий, четвертый. Ты становишься «зависимым», в хорошем смысле, от Космоса и тебе хочется вернуться в свой космический дом снова и снова.

КАКОЙ РАСПОРЯДОК ДНЯ НА МКС? В ЧЕМ ЗАКЛЮЧАЕТСЯ РАБОТА КОСМОНАВТА НА МКС? 04

Распорядок дня на МКС довольно строгий. Есть время для работы, обучения, также на отдых и привив пищи. Всегда соблюдается чёткий график. Без дисциплины и организованности здесь восемь часов. Он включает в себя – выполнение и отработку поставленных задач в рамках утверждённой программы. Также много времени уделяется научным экспериментам. Сюда же входит техническое обслуживание и ремонт станции. Во избежание нештатных ситуаций – станция все время должна быть в отличном состоянии. Примерно, как машина на Земле. Поэтому её обслуживание в приоритете.

Особенной является бытовая зона. Космонавт должен отдохнуть, поесть, набраться сил и подготовиться к работе.

Физическая подготовка. Ежедневно не менее 2 часов занятия спортом. Это позволяет космонавту вернуться из космоса в хорошей форме.

Немаловажной является санитарная уборка станции.

В личное время мы связываемся по телефонной связи с родными и близкими. Есть возможность даже проверить уроки у детей.

Работа космонавта – это одновременно быть учёным, врачом, сантехником и конечно психологом для благоприятного климата в коллективе.

ПОДСКАЖИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, ЗАКЛАДЫВАЕТ ЛИ УШИ У КОСМОНАВТОВ ВО ВРЕМЯ СТАРТА И ПОСАДКИ В КОРАБЛЕ, КАК ВО ВРЕМЯ ПОЛЁТА В САМОЛЁТЕ? 05

Если полёт проходит в штатном режиме, по заранее запланированному плану, то уши не закладывает. Но если уши закладывает, то значит происходит процесс изменения давления в корабле. Это может быть или от падения давления, или наоборот его нарастания.

Причина может быть в разгерметизации корабля при падении давления, в таком случае необходимо найти утечку и устранить её.

При увеличении давления, причина в баллоне с кислородом, в нём содержится кислород под высоким давлением, и в случае, если давление стало повышаться, необходимо разгерметизировать корабль и выпустить лишний кислород.

Фото – Олег Артемьев.

Никас Сафронов. Энергия Будущего. Х., м. 90 x 70 см. 2025 г.

«АЛЕКСАНДРЪ»

🏠 alexlib.ru